

В далёком Туркестане: жизнь среди мусульман

Герман Янтцен

Бишкек: Луч Надежды, 1993

[V dalekém Turkestánu: život mezi muslimy](#)

German Jantcen

Предисловие к чешскому переводу

Мой путь к этому необычному произведению начался в Таласской области Кыргызстана в 2010 году, когда я искал потомков немцев, которые когда-то жили здесь. До распада Советского Союза в Кыргызстане проживало почти 200 000 немцев, и даже первый президент Кыргызстана рассматривал возможность определённой автономии для немецкой общины. Хотя большинство немцев в итоге переселилось в Германию, их традиции — как протестантские, так и католические — продолжают жить в Кыргызстане.

Во время своей работы я получил книгу, изначально написанную на немецком языке и переведённую на русский, из которой и возник этот чешский перевод. Книга раскрывает жизнь меннонитов, одной специфической группы немецких переселенцев, поселившихся в Средней Азии и сумевших выжить даже в сложных условиях. Она увлекательно описывает их борьбу с большевистским террором и последующую жизнь в Западной Европе.

Центральным героем книги является меннонит Герман Янтцен, чья непоколебимая вера в Бога сопровождала его во множестве испытаний. Хотя я католик, а Янтцен — протестант, я восхищаюсь его преданностью и жизненным путем. Его история — это не только свидетельство силы веры, которая может вдохновить на великие поступки, но и пример того, как вера может стать источником силы в трудные моменты.

Книга также содержит моменты, которые побуждают к размышлению, особенно критику Янтценом католических традиций. Например, один из рассказов показывает католика, который нашел покой, обратившись напрямую к Иисусу Христу, без помощи Девы Марии. Хотя протестанты часто упускают роль святых и Девы Марии, эта позиция не имеет твердого библейского основания. Мать Иисуса сыграла ключевую роль в его первом чуде в Кане Галилейской (Иоанн 2:1-11), что показывает, что Бог действует через посредников. Дева Мария не является Искупительницей, но она — могущественная помощница у Бога, и вместе со святыми мы образуем одно сообщество, где они могут помогать своими молитвами.

Сам Янтцен был посредником между Богом и людьми, помогая другим обрести веру. Почему же святые или Дева Мария, которая при Благовещении приняла полноту Святого Духа (Лука 1:35), не могут быть такими же помощниками? Кроме того, ангелы, часто упоминаемые в Библии, также выполняют роль Божьих вестников и защитников (Псалом 90:11). Их существование подтверждает, что Божья помощь может приходить через разных посредников.

Однако, что я хотел бы подчеркнуть для читателей, так это глубокую веру Янтцена. Это пример,

из которого мы можем учиться, будь мы католиками или протестантами. Эта вера не только позволила ему преодолеть трудные жизненные испытания, но и испытать настоящие чудеса — как и тем, кого он встречал на своих миссиях.

Католическая традиция порой упускала важность Писания, и в этом отношении католики могут взять пример с протестантского уважения к Божьему слову и его регулярному чтению.

Предисловие

«Господин Иванов», «русский старик», «отец Янтцен» с любовью зовут его голландцы, среди которых он на склоне своих лет всё ещё служит как евангелист и душепопечитель. Необычно подвижная жизнь была у Германа Янтцена (1866 г.р.) в прошлом.

Уже в 14 лет он продвигается с большой группой верующих-меннонитов по трудному и опасному пути к пустыням Средней Азии. Они бегут от русской военной службы. Бегут не в Америку, как многие в то время, нет, по их убеждению антихрист возникнет на Западе. Но за горами Тянь-Шаня Бог приготовил для них, Своей Невесты Церкви, безопасное место.

Позже, при дворе Хивинского хана, Янтцена назовут «Яман-ага», там он уже в 17 лет настолько бегло говорит на узбекско-тюркском языке, что хан берёт его к себе переводчиком. Будучи позже на царской службе лесничим, он сумел, переодевшись татарин, с большим трудом предотвратить восстание казахов, задумавших вырезать всех европейцев.

Но размножившиеся российские чиновники пытаются отправить его в Сибирь. А позже он переживает другие кровавые восстания. Хотя Герман Янтцен обратился к Господу ещё в юности, он долгие годы остаётся непослушным и ожесточённым, пока, наконец, не становится готовым служить миссионером среди местных мусульман. Волнения Октябрьской революции 1917 г. прерывают это служение.

Ещё до начала революции, когда опять бушуют волнения и киргизы убивают тысячи русских, сжигают их дома, восставшие имеют к нему такое большое доверие, что приходят к нему за советом. И ему ещё раз удаётся предотвратить дальнейшее кровопролитие. Ему доверяют и свои люди — меннониты. Они выбирают его своим делегатом и окружным комиссаром в новое советское правительство, где он, как христианин, находится в очень тяжёлом положении.

Три раза его приговаривают к смерти, но каждый раз он с Божией помощью избегает её. Вообще, его полную приключений жизнь отмечают удивительное присутствие Божьего водительства и любовь, которая, как и Его Учителя, ведёт его к погибающим людям. Как один из первых миссионеров он осуществляет неповторимый труд первопроходца среди мусульман Средней Азии. Его личное свидетельство жизни в лежащей перед нами книге станет, наконец, доступным более широкому кругу читателей.

Христиан Шмидт

Глава 1: Юность до переселения

Дом моих родителей стоял в Хансау, селе на Тракте в Самарской губернии России. Здесь я родился 28 мая 1866 г. и здесь жил до 14 лет. Мой отец был Герман Янтцен, а мать —

Корнелия Янтцен, урождённая Горн. Нас было шестеро детей: две сестры и четыре брата. Из братьев я был старшим, на три года младше моей сестры Марии. После нас, братьев, родилась ещё сестрёнка Корнелия.

По моему представлению, моя мать была самой лучшей женщиной в мире. Я никогда не видел её злой. Очень трудолюбивая в домашнем хозяйстве, которым она управляла с помощью двух девушек-служанок, она много пела своим красивым, мягким голосом. То, чего отец часто не мог добиться от нас, непослушных мальчишек своей строгостью, то удавалось матери её кроткой любовью.

Хозяйственные наши дела шли хорошо. У отца было около 18 га земли. Сельское хозяйство велось тогда в больших масштабах. К нашему двору принадлежала большая мельница, работавшая непрерывно. Работал на ней специально обученный мельник из Пруссии, которому наш отец выстроил отдельный домик вблизи села и дал ему ещё один гектар земли, который мельник мог сам обрабатывать.

Так как мы относились к числу состоятельных хозяев, то все строения, кроме амбара, были сложены из жжёного кирпича. За домом был большой сад, к которому прилегал специально посаженный лес, доходивший до речки Тарлик.

Село Хансау было расположено в долине, защищённой от сильных зимних буранов.

На дворе работали трое работников, русские из Пензы. Мой отец их взял прежде всего для того, чтобы мы хорошо научились говорить по-русски. Это было большим преимуществом для отца и для нас, детей. Мы научились русскому очень быстро, детям ведь это даётся легче, чем взрослым.

«По моему представлению, моя мать была самой лучшей женщиной в мире»

Насколько я помню, наш отец всегда был председательствующим нашей волости или округа, состоящего из десяти меннонитских сёл. Поэтому отца часто не было дома, он много времени проводил в управлении колонией в Кеппентале, расположенном в двух километрах от Хансау.

С шести лет мы, дети, пошли в школу. Нашим учителем был Герман Барч. С одиннадцати до четырнадцати лет я посещал волостную школу в Кеппентале. Затем в нашей жизни наступили большие перемены.

В своё время меннониты были приглашены из Пруссии русским правительством для поселения. Им была обещана полная религиозная свобода и освобождение от военной службы. И это обещание сдерживалось много лет. Но вот вдруг правительство издало новый указ, по которому служить должны были все мужчины России, среди них и меннониты. Указ был издан ещё в 1874 году, но вступил в силу только в 1880. В течение этих шести лет меннониты России не прекращали посылать в Петербург делегации, чтобы опять выпросить в высших правительственных кругах освобождение меннонитов от военной службы. Мой отец тоже дважды ездил в Петербург. Но все старания оставались напрасными.

Меннонитам пошли навстречу настолько, что они могли освободиться от военной службы при условии трудовой повинности на лесозаготовках.

Большинство меннонитов согласились на эти условия. Но некоторые считали, что трудовая повинность одного меннонита вынуждает ещё одного русского брать в руки оружие и убивать других на войне. И тем самым отказавшийся от службы меннонит оказывается убийцей с другой стороны. К многим, мыслящим таким образом людям в нашем округе, принадлежал и

наш отец, и многие наши родственники. Но что же делать?

В этот критический момент наш отец опять попал в ходатайство меннонитов в Петербург, и там он познакомился с тогдашним губернатором Туркестана бароном фон Кауфманном. Господин Кауфманн, узнав о всех проблемах меннонитов, предложил им переехать в Туркестан.

Там он имел право создавать колонии, свободные от всякой военной службы и от всяких налогов в течение 25 лет. Делегированные в Петербург, вернувшись, передали это предложение всем общинам, и после обстоятельного обсуждения оно было принято. Это происходило осенью 1879 года.

Зимой отец продал всю землю, двор со всем инвентарем и скот. Так как отец был одним из первых продавцов, он продал за сравнительно высокую цену. Многие, кто продавал позже, оказались в менее выгодном положении.

Многие годы в нашей общине было разделение через моего дядю, Клааса Эпп, зятя отца, из-за его учения о втором пришествии Господа. Некоторые обвиняли его в духовном высокомерии. Так как я не хочу останавливаться здесь на подробностях, я сошлюсь на книжку «Наше переселение в Среднюю Азию». Она написана Францом Барчем, бывшим учителем в Лизандерхё, Самарской губернии. Эта небольшая книжка была издана Echo Verlag, North Kildonan, Manitoba, в Канаде.

Учитель Барч был нашим добрым другом, и так как он не имел средств, отец дал ему новую телегу с двумя лошадьми и полной упряжью. Барч переселялся со своей семьей в нашей группе; но незадолго до нашего отъезда им пришлось еще похоронить свою маленькую дочку.

Глава 2: Из Хансау в Капланбек

3 июля 1880 года мы оставили наш любимый, близкий сердцу дом. Когда наша группа из 10 семей на 18 повозках поднялась на возвышенность перед Хансау, все остановились. Все сошли с повозок и еще раз посмотрели на родную долину. Сколько слез было тогда выплакано!

Многие родственники и друзья поехали с нами на своих повозках, чтобы проводить нас еще немного. Переночевав в селе Хуссенбах, большинство оставили нас и вернулись обратно. Дядя Эпп уехал последним. Лишь два года спустя он приехал к нам со своей семьей.

У нашей семьи было четыре повозки с семью лошадьми. Наша семейная повозка шла первой. Она была самой большой, запряженная тройкой лошадей. Сзади повозка имела дверь, а я был кучером. Во второй повозке кучером был Яков, сын Якова Тевса. Он поехал с нами, потому что осенью должен был быть призван на военную службу. Его родители приехали со второй группой осенью. Две другие повозки управлялись моими братьями Герхардом и Бернгардом.

Через Новоузенск мы достигли реки Урал, которую перешли по ухабистому мосту у казацкого города Илек. Затем дорога шла до Оренбурга, пограничного города европейской части России.

Оренбург был большой и красивый город. До сих пор мы все время проходили через более или менее населенные места и особенно красивую местность вокруг Уральска. В этом великолепном казацком городе жители были особенно приветливы к нам. Они продавали нам сено, овес, молоко, хлеб и все, что нам было нужно.

Эти казаки были староверами и всегда носили форму. Когда мы останавливались на ночлег среди староверов, то часто к нам приходил атаман-бургомистр и интересовался, что мы за люди, куда направляемся и многим другим. И некоторые из нас, среди них и мой отец, кто хорошо говорил по-русски, рассказывали, что мы немцы с Волги и что мы из-за своей веры переселяемся в Туркестан. Там нам обещали больше свободы. Чаще всего ответ был такой: «Вы святые люди, потому что так много отдаёте ради своей веры».

Так как отец был общепризнанным руководителем нашей группы, то наша повозка всегда шла впереди. Когда собирались делать стоянку, я должен был съехать с дороги и сделать большой круг. Все повозки следовали за мной, пока круг не замыкался. Получался походный лагерь с большой площадкой посередине. В нашей повозке мы хранили большой ручной колокол. В точно определенное время я должен был по знаку отца звонить в этот колокол. Это было либо утром для пробуждения и поилки лошадей, либо после завтрака для отправления. Колокол звучал и к утреннему, и к вечернему богослужению. Тогда все собирались на открытой площадке в середине лагеря. В воскресенье мы не ехали; в этот день до и после обеда были богослужения. Среди нас было двое проповедников, брат Вильгельм Пеннер и Иона Квиринг, оба вдохновенные мужи.

В Оренбурге мы пробыли несколько дней. Были подкованы лошади, отремонтированы повозки, сделаны покупки для дальнейшего путешествия. Отсюда наш путь шел почти прямо на юг. Там было уже очень мало сел и городов.

Оренбург – узловым пунктом. Почти непрерывно сюда приходят караваны верблюдов с товарами из Туркестана и Дальнего Востока. Из Сибири привозилась пушнина, привозили её на лошадях, особенно сильных и красивых, которые к тому же могут выдерживать сильные холода. Из года в год здесь встречаются люди из самых разных народов. С запада по железной дороге прибывают различные товары из Европы. В то время железная дорога заканчивалась в Оренбурге, сибирской магистрали ещё не было. Здесь было смешение стольких языков, что большинство даже невозможно было распознавать.

Благодаря своей смелости оренбургские и уральские казаки всегда играли важную роль в Российском государстве. Они были строго религиозны и никогда от них не слышали ругательств. Они никогда не подавали руку чужому по вере. Для гостей у них всегда был отдельный самовар, отдельные стаканы, отдельная посуда. Сами они этим никогда не пользовались. С другой стороны, никто чужой не имел права прикоснуться к их столовой посуде. Но они всегда были очень приветливы и готовы прийти на помощь. С 17 лет все мужчины призывались на военную службу, которую они, однако, могли исполнять по месту жительства.

Урал был границей как между Европой и Азией, так и между западной и восточной Россией. На востоке проживало много кочевых воинствующих племен киргизов, от которых требовалась постоянная защита. В целях защиты и были приставлены казаки, которые всегда были в форме и верхом. Поля обрабатывали их жены.

Без каких-либо особых приключений наша группа продвигалась на юг. И в один из дней мы достигли Илецка. В этой местности находится большое открытое месторождение кристаллической соли. И по пути нам все время встречались бесконечно-длинные караваны повозок в бычьих упряжках, перевозивших бледно-красную соль в Оренбург. По этой дороге, официально считавшейся почтовой, шли также караваны верблюдов. Вскоре после этого мы достигли большой Торгайской степи. Очень редко можно было встретить какое-либо село, но зато все чаще аулы (из юрт) киргизов, которые пасли в степи свой скот. У них были большие стада овец, лошадей и верблюдов. Сена мы уже не могли здесь купить, и поэтому наши

лошади должны были пастись.

Мы долго шли вдоль речки Илек, в которой была очень хорошая вода. Если мы останавливались где-нибудь около аула, наш лагерь вскоре окружали любопытные жители юрт. Мы не понимали их языка. Но так как наш учитель Барч и его жена немного говорили по-татарски, то они все же могли мало-мальски быть переводчиками и тем самым кое-что выторговать, ибо наш запас продуктов постепенно оскудевал. Овцы стоили недорого. Курдюки вытапливались, и в этом жире мясо хорошо сохранялось в летнюю жару.

В один из дней мы дошли до русской крепости Актюбинск, где могли купить у казаков и военных овес для лошадей, а для себя хлеба. То же было и в следующей крепости Карабутак. Намного сложнее было с водой и топливом.

И, наконец, мы достигли последней крепости огромной степи. Это был маленький город Иргиз, и там было всего достаточно. Но за этим городком тянулась 400-километровая пустыня, где не росло ни одной травинки. Поэтому нам нужно было на весь этот путь взять с собой много овса. Так как мы не могли все это погрузить на наши повозки, то был нанят караван верблюдов для перевозки овса. И так мы надеялись дойти до Казалинска. Наши приготовления заняли целую неделю. От Оренбурга мы теперь ушли на 600 километров к югу. Становилось все жарче. От этого особенно страдали лошади, потому что часто не было воды. По пути умерло несколько детей, в одной семье трое детей почти одновременно. Без особого шума они были погребены у края дороги.

Наконец, мы дошли до самого трудного, 200 километров шириной, участка пути. Из-за глубокого песка нам приходилось запрягать повозки 2-3 лошадьми и тащить их некоторое расстояние, потом выпрягать и возвращаться за остальными повозками. Уже не помню, сколько раз нам пришлось таким образом запрягать и распрягать, но продвигались мы невообразимо медленно.

Но вот пришел конец и этому ужасному пути, и мы достигли Аральского моря. Лошади почувствовали воду намного раньше. Они чуяли запах прохладного воздуха. Все, и люди, и животные, приободрились. Подъехав к озеру, мы нашли там низкорослый камыш. Лошади набросились на него, будто ничего прекраснее никогда не ели. В это время каждый вырыл для себя колодец около метра глубиной, и у всех была великолепная вода: для нас, для скота и при этом вдоволь.

Мы отдохнули здесь один день, а затем двинулись дальше. И вскоре мы дошли до первого туркестанского города-крепости Казалинска на берегу Сыр-Дарьи, узбеко-сартского города. В этом месте река впадает в Аральское море. Весь город окружен прекрасными виноградниками и плодовыми садами. Здесь были чудесные большие и сочные дыни. Все продукты были очень дешевы. Из-за того, что у моей тети родился ребенок, и среди нас были еще другие больные, мы задержались здесь на неделю.

Когда мы уже хотели отправляться, к моему отцу подошел молодой, хорошо одетый сарт. Он хорошо говорил по-русски и спросил отца, можно ли ему ехать с нами до Ташкента. Там его дом. Недолго думая, отец согласился и посадил его на повозку рядом со мной.

Так я встретился с первым моим учителем узбекского языка. Хотя при переходе через пустыню я уже немного научился от наших погонщиков верблюдов, которые все были киргизами, теперь я каждый день все больше учился от общения с действительно умным и образованным сартом. Он был хорошим переводчиком и сделал нам много хорошего. Дальше дорога была очень бугристой и вела через Карамачи до крепости Перовск, большого сартского города.

Наши лошади не испытывали никакой нужды, потому что на всем пути воды было предостаточно. Дорога шла вдоль Сыр-Дарьи, через заросли кустарника, где водилось много фазанов, лисиц и оленей.

Отдохнув в Перовске один день и закупив необходимые продукты, мы пришли через форт Джулус в старый исторический город Туркестан. Он скрывал в себе много достопримечательностей. После него мы с большим трудом переправились через бурную горную речку Арысь. С помощью джигитов, верховых рассыльных правительства, мы, наконец, благополучно достигли другого берега.

Отсюда уже были видны гигантские горы Тянь-Шаня. По-китайски это означает «небесные горы». Русские называют их «Александровская цепь», а узбеко-тюркское население говорит «Алатау». На вершинах гор лежал снег и отражался голубоватым светом.

Через несколько дней мы дошли до Чимкента, также высокой крепости. Здесь нам рассказали, как в этом месте с 1864 по 1870 годы проходили очень тяжелые бои, пока Туркестан не был занят русскими. Уже на протяжении всего нашего пути я замечал присутствие военных в крепостях. Здесь же, и внутри, и вне крепости был особенно большой военный лагерь. А при этом война закончилась уже лет десять назад.

Закупив необходимое в Чимкенте, мы пошли через Бекларбек в Акджан на берегу реки Келлес, где разбили лагерь для ночлега.

Когда в конце вечернего собрания мы запели песню, вдруг подъехала тройка лошадей, запряженная по-русски, и из нее вышли двое господ в форме. С обнаженными головами они подошли к нам и присутствовали на собрании. Затем они представились: один был генерал, барон фон Кауфманн, а другой — его адъютант, майор Мейзер. Они как раз возвращались из Петербурга. Барон узнал моего отца и очень приветливо с ним поздоровался. Он всех сердечно приветствовал в «своем» Туркестане и дал нам еще указание свернуть с почтовой дороги и направиться в Капланбек. Там мы должны были всю зиму жить на государственном конном заводе. После этого он распрощался и отправился дальше. На следующее утро вернулся и В. Пеннер из Ташкента, куда он уехал заранее, чтобы узнать у властей, где можно остановиться на жительство. С ним прибыли еще несколько проводников, которые должны были показать нам дорогу в Капланбек. Один из проводников был надзирателем на бывшем конном заводе, необыкновенно полный мужчина. После долгих мытарств и различных мелких несчастий по почти непроходимой дороге мы наконец достигли Капланбека.

Наше путешествие длилось пятнадцать недель. По пути мы похоронили 12 детей. В Капланбек мы пришли 18 октября 1880 года. Через несколько недель прибыла вторая группа из 22 семей. Им мы уже могли подготовить жилье. Эта группа тоже испытала немало приключений, к тому же стало очень холодно.

Отдохнув несколько дней, мы принялись устраивать жилье. Было только два крепких дома. Все другие строения были приспособлены для лошадей — большие сараи, где из кирпича была выложена только задняя стенка.

Мы купили строительный материал, нашли каменщиков, а сами выполняли все плотницкие работы.

Двери и окна привезли из Ташкента, за 20 километров, и вскоре каждая семья получила отдельное жилье. Мы позаботились не только о себе, но и о последующей группе

переселенцев.

Только все немного пришли в себя, как среди нас распространился тиф. Мой дядя, Генрих Янтцен, одного за другим потерял двух старших сыновей, особенно красивого Абрама, 25 лет, и Генриха, 21 года. Переживания родителей нельзя описать словами. К весне мы похоронили одиннадцать взрослых человек, и после еще больше.

Уже поздно в ноябре 1880 года в Ташкент прибыла еще одна группа из 70 менонитских семей из колонии Молочная на Украине. Правительство устроило им жилища на базаре, где торговали скотом и лесом. Это была так называемая община Петерса. Эта община была несогласна с учением Клааса Эппа. Ее называли «Браутгемайнде» — община-невеста.

Вначале общины Петерса и Капланбекская объединились. Но вскоре они опять разделились из-за учения Эппа. Следующим летом вся община Петерса и некоторые из Капланбека переселились в Аули-Ата (Джамбул), откуда ушли еще дальше в Таласскую долину и основали у реки Урмарал четыре поселения.

В Капланбеке у нас было два школьных учителя, Ф. Барч и В. Пеннер, и кроме того, три проповедника, дядя Яков Тевс, Ионас Квининг и Иоганн Пеннер. Последний был очень трезвым, духовно одаренным человеком, с самого начала несогласным с учением Клааса Эппа.

Проповедник И. Пеннер собирал также молодежь и дважды в неделю изучал с нами Библию и Катехизис. После каждого урока он всегда оставлял одного из нас и беседовал с нами о спасении души. Наконец, настала и моя очередь. Сперва он спросил меня: «Герман, любишь ли ты меня?» Я от всей души ответил: «Да!»

Мы действительно все очень любили его, потому что само его сердце было преисполнено любовью. Он также сторонился всяких споров и дебатов о вероучении и никогда не спешил соглашаться с мнением большинства. И это как раз импонировало нам, молодежи. Затем он сказал мне: «Если ты действительно любишь меня, хочешь что-нибудь для меня сделать?» И опять без всякого сомнения я ответил: «Да!» Он продолжил: «Тогда обещай мне каждый день на некоторое время совсем уйти от людей, где бы ты ни был, закрыть глаза и молиться перед Богом: „Господи, покажи мне мое сердце.“ Пусть это будет не больше пяти минут. Но только сделай это от всего сердца.» И я пообещал. Что из этого получилось, я расскажу позже.

Глава 3: В Бухару Сарабулак

Почти каждую неделю приходили толстые письма от дяди Эппа, начиненные многими, зачастую непонятными пророчествами. Они содержали извещения, которые каждый раз начинались словами: «Так говорит Господь к церкви в Капланбеке.» Затем следовали взгляды дяди Эппа на всевозможные вещи, которые я уже теперь, через более чем семьдесят лет, не могу соединить в своей памяти. Я отсылаю читателя к книжке Франца Барча.

Следствием этих писем был вначале отход общины Петерса в Аули-Ата, затем решение нашей группы идти в Бухару. Тем самым наша группа последовала совету дяди Эппа.

В области Бухары имеется долина Ширисен. Об этой местности младший Штилинг в одной из своих книг писал, что эта долина была местом спасения Филадельфийской церкви. И этой церковью были мы! Иногда дядя Эпп сравнивал нас и с женой, облеченной в солнце, из 12 главы Откровения Иоанна.

Эти «письма пророка», как называла их наша молодежь, вызывали в общине все больше споров и разногласий. Это привело к тому, что мы в самой середине лета подались в Бухару. Это произошло в 1881 году, хотя предварительно посланные ходатаями брат В. Пеннер и наш отец привезли из Бухары отказ. Но наши капланбекцы решили, что «открытую дверь по Откровению 3:8 не может закрыть ни эмир, ни хан Бухары.» Бедный мой отец, который был во всем более человеком практического ума, чем духовным советником, вынужден был выслушивать от братьев множество обвинений.

Вначале дорога вела нас вдоль Сыр-Дарьи, которую мы переплыли на лодках у Чины. Там мы оказались в так называемой в народе «голодной степи», по-узбекски «Хазрет-султанинг Тсулли». Сколько дней мы пробирались через эту бедную водой и кормом степь, я уже не помню. Но наконец мы дошли до красивого городка Джизак, где остановились на один день, чтобы накормить наших лошадей и самим порадоваться прекрасным овощам и фруктам этой местности.

Дальше дорога шла через холмистую местность в долину Заравшан. Через эту бурную реку Заравшан джигиты переправили нас с большим трудом. И дальше путь продолжался к старому историческому городу Самарканду. По обеим сторонам дороги тянулись арыки для полива, и это создавало прекрасную прохладу. Кроме того, на дороге почти не было пыли. Часто мы проходили мимо больших красивых тенистых караван-сараяв, гостевых дворов, приглашавших к отдыху. За пятнадцать километров до города нас ожидал русский чиновник, который получил известие о нашем прибытии, и должен был показать нам в городе соответствующее место стоянки.

Нас разместили в нескольких, расположенных друг за другом сартских дворах. Это были чистые дворы, окруженные тенистыми деревьями, так что мы имели хорошее, удобное место отдыха. Посреди каждого двора был небольшой бассейн с чистой горной водой, подводившейся из Заравшана при помощи небольших каналов — арыков и протекавшей через все бассейны.

Здесь мы оставались приблизительно две недели. В это время мы посетили величественные, сложенные из голубых глазурованных кирпичей медресе — мусульманские богословские школы. Мы также рассмотрели многие мечети с их минаретами и мавзолеем великого Тамерлана, которого узбеки зовут Эмир Темир Паша. Огромный мавзолей выложен цветной мозаикой, и позолоченный купол виден очень далеко, блестя и переливаясь в ярком солнечном свете. Мы поднимались на очень высокую башню, также сложенную из цветных глазурованных кирпичей. Говорят, будто её воздвиг Александр Великий. Свидетельством этому служит его имя в арабском начертании, выложенное на башне цветными кирпичами.

С самого начала нашего прибытия в Капланбек прошёл уж почти год, как у меня был учитель узбеко-тюркского языка, который сопровождал нас и до границ Бухары. Благодаря его урокам я довольно хорошо разговаривал с мусульманами.

Как все русско-туркестанские города, Самарканд тоже был разделен на мусульманский старый город и европейский новый, разделенные широким каналом. Улицы старого города были узкими, а нового — широкими. С обеих сторон были арыки, в которых текла вода. Вдоль улиц росли большие тенистые деревья, кроме того, улицы часто поливались водой. Климат в Туркестане субтропический, почти без зимы. Только в горах бывает очень холодно.

В Самарканде мы похоронили одного из наших стариков, Петра Паульса. На наши воскресные собрания приходили офицеры, среди них были прибалтийские немцы. Прежде чем войти, они всегда вставляли за дверь свои сабли.

Губернатор Самарканда, генерал Дреэш, тоже прибалтиец, был одновременно старшим начальником пограничной службы между Бухарой и русским Туркестаном. Он получил от барона фон Кауфманна повеление предоставить нам место для проживания на русской территории, так как эмир Бухары не только не разрешил нам поселиться на его территории, но и сам губернатор, несмотря на неоднократные просьбы, возражал против нашего поселения в Бухаре.

Отец должен был встретиться с губернатором, и между ними завязалась своеобразная дружба, которая впоследствии оказалась для нас полезной. Губернатор также передал отцу распоряжение Барона особо позаботиться о нашем благополучии. Это тронуло нас еще сильнее, когда вскоре мы узнали, что Барон умер от сердечного приступа, так и не придя в сознание. Мы многое потеряли из-за этого.

Наконец, мы двинулись дальше, в направлении границы. В шестидесяти километрах от границы находился последний русский город Ката-Курган. Мы разбили лагерь за городом. По приказу губернатора Дреэше отец сообщил о нашем прибытии начальнику пограничного поста. Тот ещё раз дружески посоветовал нам не переходить границу. Но мы пренебрегли всеми советами, ведь перед нами была «открытая дверь, которую никто не может закрыть!»

Примерно в пяти километрах от древнеарабского села Сарабулак мы пересекли границу и сразу же продвинулись ещё на десять километров. Был уже поздний вечер, и мы остановились на ночлег. На следующее утро ярко одетые бухарские солдаты заставили нас вернуться обратно. Мы пришли в небольшую долину с множеством родников. Здесь мы поняли, что находимся на нейтральной земле, шириной около одного километра между двумя границами, где нас никто не мог тронуть.

Мы быстро начали строить землянки, ведь зима была уже на носу. Как только мы разместились у тёплой печи, пошёл снег, и наступили ледяные холода. Неожиданно появились бухарские солдаты, чтобы вновь прогнать нас. Протесты не помогли. Поскольку отец был аксакалом — нашим предводителем, они сперва сорвали нашу крышу, затем насильно и грубо загрузили наши вещи на двухколёсную телегу. Таких телег они привезли с собой больше сотни. Меня связали и бросили на повозку с высокими колёсами, направившись в сторону села Сарабулак.

С самого начала я сильно замёрз и попросил сопровождающего солдата развязать меня. В таком глубоком снегу я вряд ли мог бы убежать. Солдат остановил повозку, развязал меня, и я смог бежать рядом, пока не согрелся, но при этом сильно вымотался. Тогда он протянул мне руку и посадил на лошадь рядом с собой. Он усадил меня позади и накинул на меня широкий тулуп. Верхом на тёплой лошади и под тулупом мне больше не было холодно. В Сарабулак мы прибыли незадолго до наступления темноты. Телеги разгрузили у местного аксакала. Мой защитник передал меня аксакалу со словами: «Это сын того аксакала, который осквернил границу. Прими его, дай ему тёплую постель, как полагается мусульманам, и хорошо за ним присматривай. Я возвращаюсь в горы, а завтра приведём остальных. Сообщи об этом русскому начальнику границы в Ката-Кургане.»

После этого он исчез в темноте. Аксакал отвёл меня в тёплую комнату для гостей и ухаживал за мной самым лучшим образом. Наконец, я по обычаю лёг на ковры, укрылся тёплым одеялом и быстро заснул.

На следующее утро я проснулся поздно, чувствуя себя свежим и отдохнувшим. Аксакал, немолодой мужчина, позавтракал со мной, и мы вместе пошли на базар, ведь как раз был базарный день. Там он купил мне множество угощений.

Тем временем в село одна за другой начали прибывать телеги с нашими людьми. По приказу губернатора нас всех разместили в караван-сараях. Большая мечеть в селе стала нашей церковью, а здание рядом с ней — нашей школой.

После всех этих событий среди наших старейшин воцарилось вынужденное спокойствие. Но вскоре снова началась борьба группировок. Так как был только один выбор — за Эпна или против него, снова произошло разделение. Вскоре начали приходить письма от дяди Эпна, теперь уже из Икана, туркестанского города, где его группа застряла в снегах.

Я помню, как нашего любимого учителя и проповедника Пеннера, который всегда старался избегать споров, спросили, что он думает о положении нашей общины. Его попросили высказать это в проповеди. Я хорошо помню, как Пеннер встал и произнёс страстную проповедь против всех этих споров. Он осудил пророческие письма дяди Эпна, последствия которых тяжело переживала вся наша община. Кроме того, исполнилось ли хоть одно пророчество дяди Эпна?

«Поэтому я призываю всех нас: пробудитесь перед Господом, ибо Он откроет истинную правду. Я был бы, по слову из Исаии 56:10, немым псом, если бы не предупреждал вас самым решительным образом.»

Вот приблизительно его слова. Но никто его не понял. Я уже не помню точно, ушёл ли он сам из общины или был исключён. Несмотря на это, наше еженедельное изучение катехизиса и благословенные часы изучения Библии продолжались.

И. Пеннер становился нам, молодёжи, всё дороже и ближе с каждым часом, и от этого было хорошо и нам, и ему. Наконец, закончилась и эта зима. Пришла весна, а с ней — дядя Эпп со своей группой переселенцев. Дядя Эпп прилагал много усилий, чтобы собрать как можно больше членов церкви. Ему удалось убедить многих, но другие сомневались и оставались в стороне. Среди этих других был Франц Барч. Эти люди отправились через Ташкент в Аули-Ата (Джамбул) и поселились вместе в четырёх меннонитских сёлах.

Через служение И. Пеннера многие молодые люди уверовали, и среди них был и я. Однажды вечером, когда я, по обещанию Пеннеру, уединился для молитвы и произнёс: «Господи, покажи мне моё сердце!» — я заснул на улице в крытой повозке от жары. Сколько раз я так молился, не помню, но в этот раз молитва была услышана.

Господь показал мне моё сердце, и я понял своё погибшее состояние до такой степени, что в страхе выбежал из повозки и побежал на холмы Сарабулака. Там, в небольшой долине, я всю ночь боролся в молитве. Когда взошла утренняя заря, внутри меня произошло такое чудо, которое я не могу описать. Мне казалось, что в сердце моём звучит голос: «Вставай, твои грехи прощены, ибо они искуплены на Голгофе Иисусом Христом!»

Моё сердце наполнил неопишуемый мир. Я побежал домой. Отец как раз выходил из дома, чтобы разбудить сыновей, но я уже стоял у двери. Я обнял его и взволнованно рассказал о том, что произошло ночью. Однако отец, несколько отстранённо, ответил: «Ну, дорогой мой мальчик, я не знаю, какие у тебя могли быть переживания. Ты ведь никогда не был таким уж ужасным парнем. Небольшие юношеские шалости не были чем-то страшным. Все мальчишки такие. Я не понимаю, почему ты так из-за этого волнуешься!»

В этот момент к нам подошла мама. Она слышала наш разговор и поняла меня лучше. Она обняла меня с глубоким пониманием.

В одно из воскресений мы, новообращённые, по своему желанию приняли крещение и были

приняты в церковь. Теперь мы имели право участвовать в хлебопреломлении — вечере Господней. Крещение совершили проповедники Яков Тевс и Иоанн Янтцен, брат моего отца.

Формой крещения было окропление. Мы, крещённые, были все очень счастливы, и я до сих пор верю, что Господь принимает не форму крещения, а сердце. Хотя много лет спустя, уже будучи миссионером, я крестил многих погружением в воду, потому что считаю, что символ крещения лучше всего выражен в послании к Римлянам 6:4: «Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть...»

Но своих тюркоязычных обращённых людей я крестил даже тройным погружением во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Почему? Потому что мусульманин не верит в Троицу. Через подобное тройное крещение становилось нагляднее триединство Бога, и это понятие лучше входило в сердца этих людей. По благодати Божией они получали твердое убеждение. Для меня же важна была не форма, но убеждённость сердца, и я верю, что Господь тоже так на это смотрит.

Глава 4: Среди ямудов

В это время мой отец получил письмо от генерала Дреше из Самарканда. Он сообщал нам, что с помощью барона фон Гроттенхельма, генерала в форте Петроалександровка, он договорился, что мы можем поселиться у хивинской границы, у Амударьи. Князь Хивы Сеид Мухамед-Рахим Багадур Хан согласился принять нас в своём государстве как колонистов. Но он хочет, чтобы в Хиву прежде была послана делегация для согласования всех деталей с самим ханом.

В связи с этим были избраны посланники: брат Ризен, дядя Энн и мой отец. Они с одним проводником отправились в долгое 10 000-километровое путешествие в Петроалександровку и Хиву.

Это путешествие туда и обратно затянулось на несколько месяцев. Всё складывалось хорошо. Барон фон Гроттенхельм принял их очень приветливо и действительно был рад снова поговорить по-немецки. Он предоставил нашим посланникам доверенного переводчика и рекомендательное письмо. Когда они переплыли на лодке Амударью, то уже через 40 километров верхом достигли Хивы, где их также очень приветливо и гостеприимно принял хан. В ходе переговоров хан поставил только одно условие: наши мужчины должны были обещать не держать свиней. Место для поселения было предусмотрено в 160 километрах ниже по течению реки у судоходного канала Лаузан.

После того, как наши посланцы всё рассказали общине, моему отцу дали поручение сообщить генералу Дреше, что мы согласны отправиться немедленно, если бы знали как. Потому что та дорога, по которой наши мужчины проехали верхом, была непригодна для повозок. Через несколько недель пришёл ответ: «Выступайте! На границе Бухары, у Ширинхатина вас встретит эскорт бухарских солдат, которые надёжно проведут вас через все бухарское государство до Амударьи. Там для всей группы будут приготовлены хивинские лодки. А теперь счастливого пути!»

И наш большой караван отправился в путь. Шестьдесят семей со многими повозками приготовились совершить 1 200-километровое путешествие. Когда мы подошли к бухарской границе, пестрый эскорт солдат дружелюбно приветствовал нас: «Ассалом алейкум», что означало «Мир вам!»

В сопровождении этого эскорта мы несколько дней шли через плодородные земли Бухары, через города и большие базары. Везде, где мы останавливались, о нас уже обильно позаботились: корм для лошадей, большое количество овощей, яйца, молоко, рис, мука, баранье мясо и т. д. И всё это стоило очень дешево. Так мы, наконец, достигли устья Заравшана, где река была лишь маленьким ручьём, потому что отдаёт всю свою воду в бесчисленные оросительные каналы. Здесь наше путешествие на повозках закончилось. Повозки были разобраны, и вся поклажа водружена на верблюдов. Для этого нам понадобилось четыреста пятьдесят верблюдов. Для женщин и детей было устроено нечто вроде носилок, так, чтобы у верблюда с обоих боков висело по одному сиденью. До отправления на верблюдах нам пришлось ещё похоронить тётю Вибе.

Путешествие продолжалось на верблюдах, и дорога повела нас в пустыню шириной около 160 километров, которая тянулась до Амударьи. Весь день стояла такая жара, что передвигаться было невозможно. Поэтому днём мы отдыхали, разгружая верблюдов. Воды почти не было. Когда солнце начинало склоняться к западу, мы опять навьючивали верблюдов, и снова дорога вела то вверх, то вниз, через бесчисленное количество барханов. Многие женщины и дети заболели на покачивающихся верблюдах «морской болезнью» и сильно страдали от этого. Так продолжалось много ночей. Эти ночи были очень светлыми из-за яркой кометы, хвост которой освещал половину неба, так что всё было видно даже для чтения. Чтобы не уснуть во время передвижения, я часто пел вместе с другими песню «Наш путь идет через пустыню».

Наконец, лошади наши подняли головы, вдохнули свежий воздух и пошли бодрее. Вскоре появились деревья, и мы стали приближаться к каналу. Как освежились там люди и животные! Был уже почти вечер, когда мы прошли одинокую базарную площадь, называвшуюся Илскик, где жили одни таджики, которые, однако, все говорили по-узбекски. За этим местом была Амударья, и здесь уже несколько дней нас ожидали 9 больших хивинских грузовых лодок. Погонщиков верблюдов отпустили, заплатив им, и на следующее утро они отправились обратно на свою родину. Люди с трудом отыскивали свои вещи, сгруженные в страшном беспорядке. Только на это ушло несколько дней. Затем всё было погружено на барки. Каждая семья расположилась вокруг своих вещей и разобранной телеги. Молодые парни и несколько взрослых мужчин опять сели верхом на лошадей, взяли с собой провиант и посуду и отправились вниз по течению в направлении Петроалександровки.

Я тоже должен был ехать верхом. Но так как у меня были воспалённые глаза, я остался в лодке. Мы медленно поплыли вниз по течению. В каждом судне, кроме капитана, было семь матросов.

В обед причаливали к берегу, быстро готовили что-нибудь, но купали на судне. Вечером мы остановились у одного места, где берег был свободным, потому что с обеих сторон буйно рос низкий непроходимый лес, где в обилии обитали шакалы, лисы и гиены. Кто мог, ночевал на барках, мы же, остальные, спали на берегу. При этом мы всегда оставляли большие костры, чтобы отпугивать животных. Они всю ночь выли и лаяли, и никто не мог толком спать. Но зато за весь день можно было отоспаться на барках-каюках.

На девятый или десятый день мы без всяких приключений подошли к Петроалександровке. Уже издали мы увидели на берегу тройку лошадей и рядом одетых в белое людей. Это был генерал барон фон Гроттенхельм со своей женой и подростками детьми, которые все сердечно приветствовали нас по-немецки. Отцу и другим посыльным сердечно пожали руки. Здесь уже были и ехавшие верхом на лошадях.

Теперь барон посоветовал нам купить все необходимое для строительства в Лаузане, потому что это было последним местом, где проживали европейцы и где еще были магазины. Этот

совет был воспринят с удовольствием, и каждый покупал двери, окна, дверные навесы, гвозди и т. д. Закончив с этим, мы снова вошли в сильно загруженные суда и проплыли еще 160 километров вниз по течению, пока не достигли канала Лаузан. И на этом отрезке за нами снова следовали наши всадники сквозь заросли дикого прибрежного леса.

Как только барки разгрузили, заплатили команде и отпустили их, мы пошли на поиски подходящего места для поселения. Лаузан был ограничен с обеих сторон высокими плотинами. И за этими плотинами мы с большим трудом старались расчистить от колючек место для строительства. Все прежде всего приступили к тому, чтобы вырыть землянки вдоль прямой сельской улицы. Строительного леса и камыша для крыш было предостаточно. Древесины для топлива, в чем мы очень нуждались, было в изобилии. За это время очень похолодало, но вскоре мы сидели у теплых печей.

Сараи для лошадей были сделаны из камыша, так что и лошади тоже вскоре стояли под крышей. Корм для лошадей, люцерну, нам привозили узбеки, жившие в 5 километрах ниже по течению. Они также привозили нам продукты — муку, рис, кур, яйца и т. д. Все это стоило очень дешево. Рыбаки с другой стороны канала привозили отличную рыбу. Один осетр длиной до 1 метра стоил всего 25 копеек.

Зима прошла для нас довольно спокойно, и только по ночам нам мешал рев диких животных. Каждую ночь появлялся даже тигр. Он стал таким наглым, что часто по утрам прохаживался по улице до половины села. Но он ни разу не тронул ни одного человека, ни одной лошади. Его величество было в тот момент совершенно не голодным, потому что в лесу было предостаточно живности.

Приблизительно 5 километров вниз по течению жили ямуды-туркмены, которые пасли на огромных, свободных от леса пастбищах своих овец, верблюдов и лошадей. Ямуды были кочевым воинственным народом и жили в шатрах. Их никогда не видели без оружия. У каждого была русская заряжающаяся винтовка и кинжал на поясе. Одновременно со своим диалектом они хорошо говорили по-узбекски. Так как им нельзя было сильно доверять, по приказу правительства рядом с нами стоял небольшой отряд солдат с тремя офицерами, жившими в трех палатках. У одного из этих офицеров я каждый день брал уроки узбекского языка.

Зима была очень холодной, такой, что Амударья, шириной почти в два километра, замерзла, и по ней можно было ездить на санях. Когда весной 1883 года наступила оттепель, лед растаял и частично пригнал к нашему поселению, где получился затор. Вода так сильно поднялась, что стала переливаться через берег. И тогда только мы поняли, насколько жизненно необходимы были эти высокие плотины. Когда вода перекрывала ледяной слой, лед раскалывался с громоподобным шумом на большие куски, многие из которых перелетали через плотины. Через два-три часа вода гнала. Когда мы на следующее утро встали со своих постелей, то почти до колен стояли в воде. Итак, мы не могли оставаться здесь и переселились на один километр дальше на холм. Но теперь уже все строили из воздушных кирпичей, и дома, и сараи. Но мы не все остались вместе. Около двадцати семей, славящих против дяди Эппа, среди них дядя Я. Тевс, дяди Иоганн и Генрих Янтцен и наш любимый проповедник И. Пеннер, отъехали на четыре километра дальше и построились на другом холме, окружив поселение стеной. И в это время Яков, старший сын Якова Текса, женился на моей старшей сестре Марии. Они жили возле нашего холма.

Местные ямуды часто проезжали через наше село, но никогда ничего не пропадало. Поэтому охрана с тремя офицерами была отозвана. Возле нашего холма мы посадили овощи, картофель, фруктовые деревья. Все давало хороший урожай, и мы были очень рады. И тогда

ямуды начали воровать. Они теперь знали, что у нас нет оружия. Ведь все дикие животные, олени, косули, кабаны, гисны, накалы бегали у нас чуть ли не под ногами, и никто их не стрелял.

Вначале они крали наших лошадей. Потом они явно решили украсть молодую жену Генриха Абрамса. При попытке защитить свою жену он был убит. Бывало, что они выгоняли жителей из какого-либо дома и забирали все, что им нравилось. Не было почти ни одной спокойной ночи. Иногда мы, молодые парни, и некоторые мужчины пытались защищаться самодельными копьями. Тогда наши старики стояли на коленях у дяди Эппа и молились. И если после потасовки я иногда приходил домой немного раненым, то мне приходилось выслушивать укоры отца.

В нижнем селе, где жили другие двадцать семей, все было спокойно. Они наняли двух уральских казаков, живших на русском берегу реки. Туда ямуды не рисковали заходить. Но дядя Эши ни о чем подобном не хотел слышать.

Однажды светлой лунной ночью на нашем дворе появились трое ямудов. Одного я узнал. Мы, трое братьев Герхард, Бернгард и Сельвиус, тайно, ничего не говоря отцу, приготовили свои копья и встали у окна нашей просторной спальни. Входя в наш двор, они сначала дали три пугающих выстрела. Двое сошли с лошадей и направились в наш сарай. Там стояли семь наших лошадей. Они отвязали лошадей и вывели их во двор. Третий верхом на лошади ездил с заряженным ружьем перед нашим окном.

Когда мы увидели, что они забирают всех наших лошадей, мы с криком устремились в сени и хотели с копьями помешать им увести лошадей. Но когда мы подошли к наружной двери, отец со строгим лицом преградил нам путь. Он в гневе напал на нас: «Не стыдно вам так противостоять злу? Чтобы не брать в руки оружие, наш народ оставлял одну страну за другой, пока мы с большими трудностями не пришли сюда. И теперь мы должны доказать, что мы действительно уверены в своем решении. Неужели вы одним ударом хотите отместить веру ваших отцов? Назад в постель! Пока жив старый Бог, Который видит и эту кражу наших лошадей, Он и без лошадей не даст нам умереть с голоду!»

С плачем, но и с внутренним сопротивлением мы ушли в спальню. Но отец выдержал свой «экзамен на отказ от оружия». И что это внутренне очень многого ему стоило, мы и мать чувствовали очень долго.

В это время те двадцать семей готовились оставить Хиву и переселиться в Америку.

В одну ночь мне приснилось, что я стоял у нашего колодца посреди двора. Я смотрел в сторону другого села и увидел, что к нам направляется дядя Яков Тевс. Подойдя к колодцу, он хлопнул меня по плечу и сказал: «Дорогой мой Герман, ты сейчас усердно учишь язык этой страны. Я в духе вижу тебя миссионером среди мусульман, который проповедует им Евангелие Иисуса Христа. Но ты еще молод и неопытен, и у тебя будет еще много трудностей, пока Господь поставит тебя на то место, которое соответствует Его воле.»

На следующее утро я рассказал свой сон любимой маме, потому что она была моим доверенным лицом. Я уже не помню, что она на это ответила. Но я был поражен, когда несколько дней позже дядя Тевс подошел ко мне у колодца, взял меня за плечо и точно так же, как мне снилось, повторил упомянутые выше слова! Моя мать стояла у открытого окна и слышала его слова. Через двадцать лет они исполнились!

Однажды к нам во двор прибыл один казацкий офицер с небольшой группой охотников. Он

спросил меня, здесь ли живет старшина, сельский предводитель. Я ответил: «Да» и заметил, как он изучающе посмотрел на меня. «Юноша, ты болен?» - спросил он. «Ты очень бледен и худ.» Мой ответ был: «А как еще можно выглядеть, если почти ни одной ночи не спишь, а днем в жару надо работать на поле. Почти каждую ночь на нас нападают разбойники-ямуды и крадут лошадей. Наших тоже украли.» В это время из дому вышел отец. Коротко поздоровавшись, офицер сказал ему: «Я слышал, что вы позволяете ямудам обкрадывать себя. Разве вы ничего не сказали об этом вашему Аану в Хиве?» Отец ответил: «Мы бы не хотели этого делать, потому что Слово Божие запрещает нам это делать. Мы не берем в руки оружия.» «Но Бог поставил правительство для защиты праведных, но как оно защитит вас, если вы об этом не сообщите? Но теперь я понимаю, почему Бог меня сюда привел. Я направлю вам людей для защиты, чтобы это бесчинство прекратилось.»

И он уехал. Еще несколько дней он охотился в наших краях и затем исчез. Неделей позже прибыл отряд хивинских солдат, во главе которого ехал прекрасно одетый господин. Как мы позже узнали, это был министр внутренних дел Хивы, Кассим Диван. Он строго спросил моего отца, он ли является старшиной этого села, ибо другая группа в это время была на пути в Америку. После того, как отец утвердительно ответил на этот вопрос, господин велел поставить на нашем дворе свой прекрасный, усталый дорогами коврами шатер. Был устроен шатер и для его кухни, где готовили чай и вкусные блюда.

И вот он пригласил отца и меня, я должен был быть переводчиком, к себе в шатер, где он уже сидел на коврах. Нам тоже было велено сесть на ковры. Затем перед нами поставили на платке хлеб, сладости и чай. Во время чаепития он спросил: «Что вы за глупые люди, что позволяете ямудам обворовывать себя? И вы даже не говорите об этом правительству! Мы вынуждены услышать об этом от русских из Петроалександровки. Почему вы не сказали нам об этом?» Отец ответил ему так же, как и казаку-офицеру. Но министр просто не мог этого понять.

В это время мама испекла розанцы и приготовила чай. И теперь она пригласила войти в наш дом, чтобы мы могли оказать гостеприимство. Министр принял приглашение. Это был высокий человек, на голове которого была большая меховая шапка, отчего он казался еще выше. В доме он подошел к маминому столу, где стояла шкатулка с швейными принадлежностями. Он посмотрелся в её зеркальное отражение и спросил, кто её сделал. Отец ответил, что её сделал отец жены ко дню рождения.

«Как этот человек мог вставить в эту коробку стекло! Не видно никакого шва, ничего; всё сделано, как из одного куска. При этом хорошо виден насквозь цвет дерева.»

После короткого молчания он спросил: «Есть ли среди вас еще мужчины, кто мог бы сделать подобное?» Когда отец ответил утвердительно, он сказал: «Наш хан Хазретт несколько лет назад видел в Петербурге большой паркетный пол, который тоже был покрыт стеклом. И Хазретт тоже захотел иметь такой паркет. Поэтому мне хотелось бы переговорить об этом с вашими „уста“ (мастерами).»

После этого отец привел пятерых или шестерых из наших столяров и представил их министру. Тот показал на шкатулку и спросил: «Кто из вас сделал эту шкатулку?»

Тогда вперед вышел дядя Герхард Эзау и сказал: «Я». Он рассказал, как он присоединил стекло к дереву. Дядя Эзау объяснил министру, что это не стекло, а жидкость, которую называют политурой. Дерево сперва очень гладко отшлифовывают, затем с помощью ватных шариков втирают политуру. От этого дерево начинает блестеть, как зеркало.

После этого министр выбрал двух мужчин, чтобы отправиться верхом в Хиву к хану и показать ему шкатулку. Я должен был ехать с ними как переводчик.

На следующее утро мы отправились с секретарем в Хиву, что было в 150 километрах от этого места. На третий день мы прибыли туда и были представлены хану вместе с нашей шкатулкой. Хан с удивлением её рассматривал, и она ему явно понравилась. На ночь нас оставили у министра строительных работ. Его звали Мамут Диван. наших лошадей тоже хорошо обслужили, и нас приняли по-царски.

На следующее утро Мамут Диван по приказу хана отправился с нами к большому Нурлану (дворцу) хана, где хан сам показал нам большой зал, совершенно новый, не хватало только пола. Этот пол он хотел иметь паркетным, со звездами из светлого и темного дерева, и затем полированным.

Наши «уста» (мастера) пообещали выполнить эту работу, если хан обеспечит их светлым и темным деревом. Притом дерево должно быть сухим, а политуру нужно будет привезти из Петроалександровки. Хан пообещал, но еще спросил, сколько времени займет эта работа. Мастера ответили, что десяти работников хватит на шесть месяцев, потому что сначала пол нужно выложить очень гладко простым деревом. Основную работу составляют маленькие детали для выкладывания звезд.

После того как хан со всем этим согласился, он добавил: «Все ваше село с сорока семьями я велю перевести сюда, в Ак Мечеть, в большой парк моего брата. Там вы можете построить себе дома и жить спокойно; здесь нет разбойников.»

Глава 5: Ак-Мечеть и Аули-Ата

После того как все переговоры с ханом закончились, секретарь и мы вернулись в наше село. За наше отсутствие министр бывал на охоте и убил много фазанов и уток. То, что он и сто человек не могли съесть, он отдавал нашим людям. Ночью выставлялась охрана, и нападений больше не было.

Очень скоро прибыли несколько сотен повозок с большими колесами арбы, которые имели приказ забрать нас со всем имуществом в Ак-Мечеть около Хивы. Повозчиками были крестьяне из соседних сел. Приблизительно через две недели мы со всем своим имуществом, включая строительный лес и камыш, были в Ак-Мечети. Ничего не было забыто.

И снова началось строительство домов. В большом, окруженном высоким дувалом парке князя, где росло много абрикосовых и персиковых деревьев, дома построили большим прямоугольником, так что в середине осталась просторная площадь. Здесь мы построили церковь, школу и жилье для учителей.

В это же время четырнадцать наших мужчин начали работы над паркетным полом. Эту работу закончили приблизительно за пять месяцев. Наши женщины тоже получали у князя различную работу в его большом доме, потому что по азиатским обычаям у него тоже жило много родственников.

В 1883 году я настолько хорошо изучил узбеко-тюркский язык, что был приставлен переводчиком у правителя хана Сеид-Мухамед-Сим-Багадура. Хива была расположена в шести-семи километрах от нашего села, так что я целыми днями был во дворе хана, а вечером ездил домой. Хан подарил мне племенного жеребца-иноходца. По воскресеньям я оставался дома.

Одновременно с продолжением изучения языка меня обучали и Корану мусульманской Священной книги и другим писаниям.

К сожалению, в нашей общине возникали все новые разногласия, что очень мешало моей духовной жизни. Мы, молодые, в этом вопросе никак не могли понять наших родителей, что, конечно, приносило родителям много боли. Наконец, дяде Эппу запретили проповедовать в церкви, и он остался с еще десятью семьями один. К этим десяти семьям относились и мои родители. Мы, четыре брата и одна сестра, к тому времени уже все женатые, остались в общине. Дядя Эпп сильно осудил нас за это. И наши родители тоже должны были дать на это свое благословение, что очень глубоко ранило наши сердца. Насколько глубоко, знает только Господь.

Подобное переживали все семьи, кто остался в церкви. В 1880 году мы богатыми покинули нашу прекрасную родину Хансау, чтобы отправиться в Азию. Отец продал три своих хозяйства и пожертвовал на это безумие. Теперь мы остались ни с чем. Но к славе Господа нашего и Спасителя нужно сказать: «Мы никогда не имели горечи против своих родителей, для этого мы их слишком сильно любили. Но сохранить хорошее отношение к дяде Эппу стоило мне очень много борьбы».

Все эти непонимания и блестящая, пустая жизнь во дворе хана так мешали моему духовному состоянию, что я не мог там больше оставаться. И тогда я тоже переехал в 1890 году с моей молодой женой и двухлетним сынишкой Абрамом с еще тремя семьями в Аули-Ата (Джамбул). К тому времени там образовалось поселение из четырех сел в несколько сот семей. Они отделились от дяди Эппа еще в 1881 году.

Едва прибыв туда, мы заметили, что и там возникали споры. Здесь спор шел вокруг вопроса крещения с полным погружением. Так и здесь произошел разрыв и разделения. Через это образовалась менонитская церковь и менонитская братская община.

Все это еще больше повредило моему внутреннему состоянию и отодвинуло от всего духовного. Мы перезимовали в доме Якона Нитцена в Николайполе, двоюродного брата моего отца. Его сын Петр, моего возраста, тоже женатый, жил с нами в том же доме. Дядя Нитцен жил в двух километрах дальше на мельнице. Петр и я каждый день работали на мельнице. Младший его сын Абрам был в то время школьником, но уже тогда в нем был виден будущий проповедник.

Следующей весной правительство разработало планировку нового села. И я с Петром и еще десятью молодыми семьями оставили свои четыре села и основали новое поселение, получившее название Орловка. Очень скоро я заметил, что моих денег на устройство хозяйства не хватит. Хотя дом и сарай были под крышей, деньги кончились, и я не знал, что делать дальше. Но потому что продукты питания были очень дешевыми, мы кое-как держались на плаву. В этот критический момент нас посетил окружной начальник Калауер, чтобы посмотреть, как продвигается строительство у молодых менонитов. Так он зашел и ко мне. Он увидел, что стройка стояла незаконченной, и сказал: «Ну, братишка, наверное, твои деньги кончились, и ты не можешь строить дальше?»

«Да, так, наше высокоблагородие», ответил я. «Где ты научился говорить по-русски?» «В нашей частной школе на Волге.»

Сам он возил с собой трех переводчиков, потому что в округе Аули-Ата говорили на трех языках. И с этими переводчиками я стал беседовать на их языках. Потому что я их выучил при дворе хана. Окружной начальник слушал с удивлением и был поражен.

Через некоторое время он сказал мне: «Тебе нужны деньги для строительства. Я позабочусь о тебе, я дам тебе место лесничего в нашем округе. Там ты достаточно заработаешь, закончишь стройку и начнешь хозяйствовать. Но для этого тебе нужно будет ездить верхом по горам и проверять леса.» Я возразил: «Но я не учился в школе лесничества, как я буду лесником?»

«Я дам тебе книги. Из них ты все вычитаешь. К тому же придет опыт, но что мне важнее всего: тебе не нужен переводчик.»

Так я стал лесником и три года позже, после сдачи экзамена, старшим лесником. Это был 1895 год. Из церкви меня, как государственного служащего, тотчас же исключили, хотя я принял это место только потому, что был в большой нужде. Но это ни для кого не имело значения, что добавило мне еще больше горечи.

С получением должности старшего лесничего моя заработная плата резко увеличилась, но и ответственность тоже, потому что мне нужно было контролировать работу десяти подчиненных в разных районах. Кроме того, мы должны были не только надзирать за лесами, но и распределять пастбища между кочевыми киргизами и другими племенами из окружавших нас гор Тянь-Шаньского хребта.

Глава 6: Заговор и его последствия

Однажды вечером ко мне пришли трое старейшин, имевших в подчинении около 100-150 жителей юрт. Это были киргизы, но я знал их как честных людей. Они рассказали мне о «великой тайне». Из Ферганы, ранее столицы мусульманского кокандского ханства, пришел Израил-Хан-Тур, брат прежнего хана Хударярхена. Он собирается распространить известие о том, что Бог открыл ему, что наступило время освободить мусульман прежнего ханства от русских. Таким образом, Израил-Хан-Тур хочет возбудить жителей гор к восстанию против русских. Он выдает себя за святого, носит святую одежду паломника — длинный кафтан, сотканный из верблюжьей шерсти, и красный платок под белым тюрбаном. Такую одежду нельзя носить никому из простых людей, тем более киргизам.

Кроме того, те трое мужчин сообщили мне, что князь Израил-Хан-Тур ишан (святой) носит с собой большие свитки бумаги со многими подписями, печатями и отпечатками больших пальцев могущественных людей из больших городов Намангана, Маргилана, Андижана, Оша, Оротюбе и Ходжента, а также из многих, особенно важных базаров. В эту область входит и вся территория Аули-Ата на южной стороне Тянь-Шаньского хребта. И они, как верные служащие, чувствовали свою ответственность все это мне рассказать.

После того как я все выслушал, я ответил им, что это серьезное политическое дело, и что им нужно самим письменно сообщить обо всем нашему окружному начальнику Калауеру. На это они сказали, что не могут, потому что знают только тюркский язык. Если они напишут сообщение на этом языке, переводчику Бекжурову придется переводить его на русский. А так как тот сам состоит в заговоре, то он все это дело предаст. И потому это сообщение следовало бы написать мне на русском языке, а они подпишут послание своим именем и своими печатями. Это их желание, и я исполнил его, отправив их с сообщением к окружному начальнику в Аули-Ата.

Когда они уехали, я оделся по-киргизски и поехал верхом в горы, в ущелье Кумыштак, где должен был остановиться Израил-Хан-Тур. Там я его и нашел в большом ауле вместе со многими богатыми предводителями. Я сошел с лошади и вошел в юрту. Ишан сидел в своем одеянии святого паломника на богатых коврах. Многие предводители стояли вокруг него. Они

только что собирались начинать свою встречу.

Я поклонился и поздоровался по их обычаю «Ассалом алейкум, тахсир», что значит мир вашему высочеству. На это хан предложил мне занять место рядом с ним. Я думаю, это сделала моя богатая киргизская лисья шапка, а также и моя киргизская одежда. Я последовал его приглашению, сел возле него, и мы обменялись несколькими словами. Затем он сказал: «У вас голубые глаза, вы, должно быть, русский. Но вы так хорошо говорите на киргизском языке, что вы, несмотря на голубые глаза, наверное, татарин.»

После этого он повернулся к другим и говорил о божественных откровениях, на основании которых он хочет освободить все мусульманское население Ферганы и, если возможно, весь Туркестан от русского ига. Затем он показал свои бумаги со многими печатями и подписями и стал настаивать, чтобы каждый правоверный мусульманин поставил здесь свою подпись и пошел в назначенное время вместе со всеми мусульманами прогонять русских. Он подчеркнул, что от меня, как от татарина, подписи не требуется.

Я достаточно слышал и исчез так же тихо, как и приехал. И быстро поспешил обратно домой.

Через три дня старейшины вернулись из города и поделились со мной, что окружной начальник Калауер очень рассердился и накричал на них: «Я уже двадцать пять лет начальствую в этом округе Аули-Ата, и еще ни разу не было такого безобразия. Я ничему не верю, что вы там говорите. Здесь что-то не так, скорее всего личная ненависть к ишану.»

Все разговоры со старостами должен был переводить Бекжуров. В конце беседы начальник дал старостам письменный приказ поймать и посадить ишана с восемью его подданными, которые постоянно бывали с ним и были родом из Ферганы.

Десять дней им пришлось искать ишана с его людьми по горам, пока они их не нашли и не привели в город. Выяснилось, что еще во время разговора со старостами переводчик тайно послал гонца к ишану, чтобы предупредить его.

После того как ишан со своими людьми оказался в тюрьме, Калауер передал дальнейшее расследование своему заместителю капитану Лажечникову. В это время в нашем и соседнем больших русских селах киргизы-работники и слуги стали бросать свою работу с угрозой: «Так, как мы у вас работаем, так скоро вы будете работать у нас, потому что пришел наш избавитель.»

В один день капитан Лажечников приехал ко мне, но без переводчика. Он хотел уточнить, какое воздействие на киргизов оказали подстрекательства ишана. Своему переводчику он не доверял. И поэтому я должен был ехать с ним в горы и исследовать это дело бунта среди киргизов. Мне это показалось смешным, и я сказал ему, что это мало поможет. Но он так настойчиво просил, что я согласился. И я отправился с ним в горы. Мы посетили несколько аулов и не нашли там ни малейшего признака восстания.

После этого я посоветовал ему побеседовать с крестьянами большого села Димитровки и в других селах — там он больше услышит о поведении киргизов. Он согласился и выспросил крестьян из нескольких сел. Все рассказывали одинаково. Крестьяне объяснили, что киргизы покинули их с уже упоминавшейся угрозой. С этими знаниями Лажечников вернулся в город.

Калауердопрашивал тех трёх старост в своём кабинете, пока они не сломались и не подписали, и закрепили печатями заранее подготовленную Калауером бумагу, в которой было написано: «Мы, трое старост из таких-то аулов, имели личную ненависть к бывшему принцу Израил-Хан-Туру и не знали, как ему отомстить. И потому что господин лесничий Янтцен наш

добрый друг, мы попросили у него совета. Он сказал нам: „Так как принц большой человек, вы никак лучше не сможете ему отомстить, как только обвинив его в том, что он планирует народное восстание.“»

После того как они подписали и закрепили печатями эту бумагу, Калауер отправил их в тюрьму. Потом наступила моя очередь. Он вызвал меня в город и прочитал свидетельство старост. После этого он в бешенстве вскочил со стула, перекрестился перед иконой и поклялся: «Как истинно я перекрестился здесь перед твоими глазами перед этой святыней, так истинно я отправлю тебя в дальнюю дорогу в Сибирь.» Я должен был передать ему свои дела и был отпущен.

Но это было еще не всё. Он, кроме всего, ещё написал всем старостам, верховным старостам и церковным старейшинам строгое письмо, которое следовало прочитать с кафедр всем крестьянам: «Лесник Янтцен имел политическое подозрение на полностью невинного принца из Ферганы Исраел-Хан-Тура. Но у меня в руках доказательство, что бывший лесничий Янтцен ради угождения трём пылким старостам солгал и всё это выдумал. Слухи о революции не подтвердились. Это нужно сообщить всем жителям. Никто в будущем не должен больше здороваться с Янтценом.»

И наконец староста нашего села Орловки получил ещё один приказ направить Калауеру решение общины с просьбой освободить общину от лжеца Янтцена. Это письмо должны были подписать все жители. Но этого наша община в Орловке, из 125 жителей которой половина были лютеране, не сделала. Они обосновали свой отказ тем, что в поведении киргизов в последнее время ясно можно было распознать, насколько они возмущены против русских. Кроме того, они не желают предписаний Калауера. За неделю до Пасхи капитан Лажечников сам прошёл в тюрьму для допроса ишана. При этом ему удалось вынуть из сапога ишана письмо, направленное переводчику Бекжурову и написанное по-мусульмански. Там было написано: «Высокоуважаемый господин и брат Бекжуров! Я получил извещение извне, что дело наше всё же совершится. Предусмотрено, что наши люди утром в день Пасхи нападут на город и казармы в Аули-Ата, потому что тогда солдаты должны быть по приказу в церкви. В казармах наши люди захватят всё оружие и потом направят его против всех немусульман. А так как вы, как переводчик, носите европейскую одежду, то легко может случиться, что в общей толпе вы лишитесь жизни. Поэтому я советую вам в Пасху вовремя уехать из города со своей семьёй.»

Теперь у господина Лажечникова было неоспоримое свидетельство о запланированном восстании. Но он должен был передать письмо своему начальнику Калауеру. Тот, естественно, испугался. Что же теперь делать, чтобы предотвратить несчастье?

Господин Лажечников пришёл ко мне посоветоваться. Я сказал, что, по-моему, лучше всего в одну ночь арестовать всех аульных и волостных старост. Тогда у восставших не будет предводителей, и ничего не случится. Но Калауеру он должен представить это так, что это его решение, а не мой совет. Он точно так и поступил, и восстание не состоялось.

В это время Калауер передал всю аферу в вышестоящие органы в Ташкент, столицу Туркестана. Оттуда прибыли высокие следователи, перед которыми много раз должны были предстать ишан, трое старост и я. Наконец из Ташкента прибыл и Высший суд для вынесения приговора. Я, естественно, заметил, что не был вызван ни один из моих восемнадцати отпущенных свидетелей. Я протестовал без всякого успеха. Суд вынес приговор. Для меня это значило двенадцать лет сибирской ссылки, потому что я высказал «ложное обвинение в государственной измене против принца из Ферганы, Исраел-Хан-Тура ишана».

Я должен был подписать приговор. Я отказался и потребовал на основании положенного мне шестимесячного срока апелляции пересмотра дела. Суд разрешил это. В то время как ишана освободили, трое аульных старост должны были отсидеть полтора года в тюрьме за «ложные показания», которые Калауер вырвал у них силой.

Этим процесс закончился. Полковник Калауер победил. Подавленный и в сильном унынии я вернулся на свою квартиру, где проживали и другие меннониты. Именно в те дни многие были там. Они уже знали о решении суда. Меня встретили отчуждённые, отсутствующие взгляды.

Вечером, когда мы сидели за большим столом и пили чай, появился юноша-сарт (узбек) и спросил меня, я ли Янтцен. Я кивнул, и он передал мне письмо со словами: «Я должен привести вас к окружному нотариусу Васильеву».

Я прошёл в соседнюю комнату и прежде прочитал письмо. Оно было от графа Антишкова. Он просил меня немедленно прийти к нему с подателем этого письма. Он является членом Высшего суда и квартирует у Васильева. Ради моего же собственного интереса мне следует выполнить его желание.

Я тотчас же последовал этому приглашению. У Васильева, моего старого знакомого, я встретился с графом и еще одним господином. Все трое поздоровались со мной особенно приветливо. Я должен был сесть рядом с графом, и он сказал мне: «Господин Митцен, я был очень рад, что вы так упорно отказывались подписать приговор и тем самым выиграли шестимесячный срок апелляции. Я всего лишь очень молодой юрист из Петербурга. Как член областного суда в Туркестане, я был послан сюда. История ишана заинтересовала меня лично, я хорошо изучил ее и нашел, что нас бессовестно обманули. Почему так сделали, я еще не знаю».

Я написал апелляцию, которую нужно направить по трем адресам. В ней содержится сообщение обо всей этой истории и требование нового процесса с привлечением восемнадцати свидетелей, которых в первом процессе не слушали. Один экземпляр предназначен Его Императорскому Высочеству, царю. Второй экземпляр для Сената, и третий для областного суда, с которым вы уже знакомы. В конце каждого послания я указал на наличие еще двух экземпляров для других инстанций. Этим я хочу помешать тому, чтобы дело было отложено в дальний ящик, потому что шесть месяцев пройдут быстро. Если вы подпишете все три письма, я позабочусь, чтобы они немедленно были отправлены».

Я с облегчением подписал петиции и благодарил графа. Но он никакой благодарности не хотел слышать, более того, он сказал: «Я слышал от господина Васильева и от других, что полковник Калауэр снял вас с должности лесника и кроме того вендетически преследовал, хотя вся Аули-Ата видит вас как своего спасителя от мусульманского восстания. Поэтому я хотел бы предложить вам место лесничего в Ташкентской области, чтобы избежать преследования Калауэра. Я позабочусь об этом месте. Но сперва мы должны закончить процесс, чтобы вас освободили от приговора».

На этом я распрощался и вернулся на свою квартиру. Я и сегодня еще хорошо помню, что в ту ночь я очень хорошо спал.

Вернувшись домой, я нашел жену в большой озабоченности и страхе. Судебное решение о моей высылке в Сибирь стало известно в Орловке раньше меня. Многие меннониты и лютеране приходили ко мне, чтобы выразить свое сочувствие. Но вначале я избегал показываться в соседних четырех селах. Так прошло 2-3 месяца без каких-либо изменений. Работники-киргизы приходили на работу, как и раньше. Ишана с его восемью подданными Калауэр обеспечил

иностранными паспортами, с которыми они исчезли в Кашгар (Китайский Туркестан).

И вдруг пришло известие, что в Аули-Ату опять прибыли три тройки с высокими судебными чиновниками по процессу Янтцена. И вскоре по их прибытии меня вместе с восемнадцатью свидетелями вызвали на суд. Всех свидетелей допросили, и меня освободили от приговора.

Вечером я опять должен был прийти к Васильеву, где граф с большой радостью встретил меня и поздравил. Кроме того, он положил мне в руку документ о назначении меня на должность лесничего в горах под Ташкентом. Он все заготовил у окружного начальника, господина Кисселева. Пришли поздравить меня и многие жители города и знакомые лесничие. Я же ничего не хотел, как только отправиться домой и устроить благодарственный праздник со своими любимыми.

Еще одно я хочу заметить в этом месте. Хотя по совести я чувствовал себя отошедшим, хотя я потерял внутренний мир, но никогда за все эти годы я не забывал молитву, и многие молитвы Господь услышал, несмотря на ложные пути. И, по возможности, я не оставлял утреннюю и вечернюю молитву уже потому, что привык делать это с юности.

Теперь мне нужно было самым быстрым образом приготовиться, чтобы приступить на свое новое место работы в Ташкенте. Жена с детьми еще оставалась в Орловке. На телеге я отправился в предназначенное мне лесничество в Ново-Паркентской волости, отдаленной от Ташкента приблизительно на 90 километров, в горах Гиндукуша.

Население состояло почти исключительно из таджиков. У них был свой язык, и они жили в закрытых селах, окруженных виноградниками и горами. Лес состоял преимущественно из ореховых деревьев, кедров и диких видов плодовых. Так как ни один из местных жителей не имел права иметь оружие, в горах было очень много дичи: кабанов, оленей, горных баранов и козлов.

Таджики были очень дикими и мстительными. И здесь я вспомнил слова из Матфея 5, 5 и встречал этих людей с величайшей кротостью. И после одного года я убедился в истинности этих слов, потому что завоевал доверие всего племени в шести больших селах моего района. Я был воодушевлен охотой, стал страстным охотником и за те годы, что мы там жили, застрелил много дичи.

Через четыре месяца приехали и моя жена с детьми. Летом в селе было очень жарко. Поэтому в жаркие летние месяцы мы жили в просторной юрте в более прохладном регионе гор. К сожалению, на третий год моя жена так сильно заболела, что я был вынужден отправить ее с детьми обратно в Аули-Ату. И опять это путешествие в 490 километров. Ее перевез на удобной бричке один из ее братьев. Километров сто я сопровождал их и затем один вернулся на свой пост.

На следующий день на посту появился верховой джигит (посыльный) и передал мне большую бумагу от областного начальника из Ташкента, где был приказ немедленно явиться вместе с джигитом в его канцелярию. Я должен был дать сведения по политическому делу. Когда я прочитал письмо, сердце мое сжалось, полное страха и тревоги. Что опять произошло? Я ведь только что избежал политических сетей, и вот опять появились другие. Но мне не оставалось ничего другого, как ехать в Ташкент.

На следующий день я сел на коня и отправился. Адьютант Его Превосходительства очень приветливо встретил меня в главной канцелярии. Несколько облегченно я сел. И тогда я услышал, как адъютант сказал: «Я не знаю, слышали ли вы о том ужасном событии, что

произошло четыре дня назад, 19 мая, в Андижане. В тот день многотысячная толпа, возбужденная неким Исраел-Хан-Туром ишаном, неожиданно ворвалась в город и убила всех европейцев-немусульман, около 15 000 человек».

Я ответил: «Кто бы сказал мне об этом в горах?»

Он потащил меня в кабинет губернатора и сказал: «Имею честь представить вам, Ваше Превосходительство, лесничего Янтцена». Одновременно он положил ему на стол бумагу, подписанную моим именем, с которой губернатор, по-видимому, был уже знаком. Он поднялся, строго посмотрел на меня и сказал: «Молодой человек, как жаль, что вы уже сейчас выбрали долгий путь в Сибирь. Так как вы настолько глупы, вам придется пойти по этому пути. Ведь эту петицию написали вы?»

«Нет, Ваше Превосходительство!»

«Как вы это докажете?»

Я спросил: «Где и когда была составлена эта бумага?»

«19 мая в Аули-Ате».

«Ваше Превосходительство, я не уйду с этого места, пока вы не позвоните по телефону моему начальнику, полковнику Киселеву, и не спросите его, сколько времени я был в Аули-Ате и где я был 19 мая».

Он схватил трубку и вызвал Киселева. Киселев ответил:

«Лесничий Янтцен уже три года находится на службе в наших горах и за это время ни разу не был в Аули-Ате. 19 мая я вместе с некоторыми другими господами был несколько дней у Янтцена на охоте».

После этого Его Превосходительство радостно протянул мне руку, поздравил меня и сказал: «Вы свободны! Но мне очень хотелось бы узнать, кто составил эту бумагу».

«Не знаю, не имею представления».

«Ну конечно, он не был одним из ваших лучших друзей. Но так как нам понадобится ваша помощь, то подождите немного у господина Ильинского».

С этими словами меня отпустили, и я прошел в соседнюю комнату, где Ильинский уже ждал меня. Он тут же поднялся, протянул руку и поздравил меня с освобождением, потому что всё слышал через приоткрытую дверь. Он рассказал мне, что получил задание ехать в Аули-Ату, чтобы расследовать все события, связанные с делом ишана, и спросил, как ему лучше всего начать. Я сказал ему: «Прежде всего вам нужно перевести по службе в Верный или Перовск всемогущего полковника Калауэра и его переводчика Бекжурова, и сообщить всему Аули-Атинскому округу, что этим господам никогда нельзя будет вернуться в эти края. Только тогда кто-нибудь рискнет открыть рот и рассказать что-нибудь об ишане. Иначе никто слова не вымолвит».

Вернув мне дневник, он за всё поблагодарил и сказал: «Завтра утром я отправляюсь в Аули-Ату. Но я хочу вам посоветовать до моего возвращения никому туда не писать писем, ни жене, ни родственникам. Это может быть опасным для вас». Мы распрощались, и я покинул этот большой дом. Задумчиво шел я на свою квартиру, как вдруг кто-то заговорил со мной. Я

поднял глаза и узнал одного старого знакомого из Аули-Аты, ротмистра Зулова, который теперь стал адвокатом. Он был верхом на лошади, которую я продал ему несколько лет назад. Сойдя с лошади, он любовно похлопал её по шее и сказал: «Эта гнедая лошадь самая лучшая, какую я когда-либо имел. За четыре дня я проехал на ней 500 километров. Но это не главное. Я видел, как вы, сильно задумавшись, шли по улице. Вы даже не заметили, что я ехал рядом с вами, пока не окликнул вас. Я догадываюсь, что вас так мучает. Но я не напрасно изучал юриспруденцию и уверен, что вы выкрутитесь из всех этих неприятностей».

После этого он вскочил в седло и исчез. И в одно мгновение я понял, кто написал эту опасную петицию. Я также вспомнил, что Зулов был старым врагом Калауэра.

На следующее утро я отправился обратно в мои, ставшие такими одинокими для меня, горы, ведь моя жена с детьми уехали в Орловку. Так прошло три очень одиноких месяца. Я усердно трудился на своем посту. Но тяжелее всего было не получать известий из дома.

В один день пришел посыльный с приказом немедленно явиться к господину Ильинскому; он два дня назад вернулся в Ташкент из Аули-Ата, и у него есть что рассказать. Я тут же отправился с джигитом в город. На следующее утро я сразу отправился в канцелярию и был очень сердечно встречен господином Ильинским. Он рассказал:

«Еще до моего отъезда Калауэра по телеграфу перевели в Верный, и с полдороги в Аули-Ата я приказал посадить Бекжурова за решетку. Прибыв в округ, я прежде всего отправился в Орловку, в ваши горы, и посетил там вашу жену. Я открыл ей цель моего приезда. Затем я велел прийти ко мне всем вашим восемнадцати свидетелям в Орловке и спросил у них все необходимое об ишане. Оттуда я поехал в Димитровку и там выслушал десятерых ваших свидетелей, а также киргизов-предводителей.

Затем я поехал в Аули-Ата и допрашивал в тюрьме Бекжурова. Тот наконец сознался, что Калауэр получил от ишана две тысячи рублей и несколько сот овец за его освобождение и иностранный паспорт, чтобы тот мог уйти в Кашгар, в Китайский Туркестан. Бекжуров уверял, что как переводчик он должен был всё делать по приказу Калауэра. Сам он ничего за это не получил и потому невиновен.

Я оставил тюрьму и поехал на свою квартиру. На следующее утро Бекжурова нашли мертвым на его соломенной постели. Через несколько дней выяснилось, что жена Калауэра принесла Бекжурову большой поднос с жирным пловом, любимым блюдом мусульман, приготовленным из риса. Бекжуров, видимо, будучи сильно голодным, съел его и умер в ту же ночь.

А теперь, друг Янтцен, пройдемте в другой кабинет, где вы ещё больше узнаете от Его Превосходительства.» После дружеского приветствия губернатор сказал мне:

«Господин Янтцен, своим безупречным поведением в истории ишана вы сильно послужили нам. За это я назначаю вас старшим лесничим по всему Аули-Атинскому округу с двойным жалованием. О нашем замечательном вкладе в это дело я сообщил в Петербург и надеюсь, что скоро мы получим для вас доброе сообщение. А теперь я желаю вам счастливого путешествия в Аули-Ата к вашей семье!» Поблагодарив Его Превосходительство, я оставил кабинет.

Господин Ильинский пригласил меня к себе домой, чтобы вместе с его женой и детьми отпраздновать благополучный исход этой истории. От него я узнал ещё, что ишан и около ста других виновников были повешены. Село Мин-Тюбе, где ишан укрепился, сравняли с землей при помощи артиллерии.

На следующее утро я отправился в мои горы. Лишь через несколько дней прибыл мой

преемник, которому я должен был объяснить его новую службу. Это заняло почти неделю. Полюбившиеся мне таджики очень сокрушались, что я их оставил. Они принесли мне много подарков для жены и детей. Там были большие мешки с орехами, несколько бурдюков с виноградным сиропом и невероятное количество меда, так что я отправился с тяжело нагруженной телегой. Многие стояли у дороги и плакали.

Спустя приблизительно пятнадцать лет я ещё дважды посещал эти таджикские села уже как миссионер. И тогда это были благословенные дни, что я провёл с ними, но теперь уже духовно благословенные.

Когда я при возвращении остановился в Головачёвке, последней станции перед Аули-Атой, меня приветствовали добрые старые друзья, доктор Алисеевич и лесник Бердешев.

Они вышли мне навстречу и приняли с большой радостью. Там было ещё много других, которые громко кричали: «Наш друг и спаситель Янтцен приехал. Если бы не он, мусульмане вырезали бы нас!» Мне эта суета показалась чрезмерной, и потому я отдал телегу своему брату Генриху, а сам уехал с двумя друзьями вперёд. На следующий вечер мы прибыли в Орловку. Здесь было ещё больше шума, чем в городе. Весь наш двор был полон людей, все хотели меня приветствовать. Встречу с родными я не могу описать — она была потрясающей.

Всё это произошло до декабря 1899 года.

Глава 7: Внутренний суд

В Ташкенте договорились, что мне можно будет до весны следующего года отдохнуть от всякой службы, при этом содержание своё я буду получать полностью. Так и было.

В начале апреля 1900 года я получил от правительства задание построить у леса в Коянтогае, что километрах в пяти от Орловки, за счёт государства дом с закрытым двором и сараями. Это должно было быть моим служебным местом жительства.

Уже летом того года я мог въехать в этот дом. Мы прожили там около одиннадцати лет. Вокруг дома мне выделили ещё двадцать гектаров земли. Сначала хозяйством занималась моя жена с детьми и киргизами, так как у меня совсем не было времени. Дела в хозяйстве шли хорошо, и моё состояние заметно увеличивалось.

У нас была собственная сыроварня, небольшой племенной конный двор, а также удачно шли дела со свиньями. В то время зерно стоило так дёшево, что было выгоднее скормить его, чем куда-то перевозить. Ближайшая железнодорожная станция находилась в пятистах километрах, поэтому большие урожаи пшеницы было трудно сбывать.

Осенью киргизы из гор приходили с большими стадами скота и обменивали его на пшеницу.

За годы работы по хозяйству ответственность перешла к трем нашим старшим сыновьям. Старший, Абрам, с десяти до тринадцати лет учился в Ташкенте и учился хорошо. Но из-за растущего хозяйства его всё чаще задерживали дома, так как моя служба полностью занимала моё время. Было много печалей и огорчений.

Все десять подчинённых лесничих и служащих были русскими. Как бывшие солдаты, многие из них страдали от алкоголизма, но мне не разрешалось их увольнять. Они часто нарушали законы, и ответственность снова ложилась на меня. Кроме того, киргизы часто спорили из-за

распределения пастбищ.

Моё утешение — две правительственные грамоты, висевшие в служебном помещении в блестящих рамках. На них было написано: «За признание особых служебных заслуг посвящается старшему лесничему Герману Янтцену от Министерства в Петербурге от имени Его Императорского Величества, Царя России». Подписано Министром внутренних дел. «Старшему лесничему Герману Янтцену за особые заслуги и улучшение дорог в горах от руководства лесничества Туркестана». Подписано Генералом Дубиновым.

Как я гордился этим признанием! И не меньше — медалью, вручённой мне позже.

Но внутри меня все эти годы жила уверенность: «Ты не на своём месте! Ты с полным сознанием живёшь против голоса Святого Духа в тебе!» Со временем это сделало меня настолько несчастным, что однажды после утомительной охоты на фазанов я присел на пень и заплакал. Мой верный охотничий пёс Гектор лежал передо мной, грустно смотрел на меня и любовно лизал мою руку. Грустно и беспомощно я стал говорить с собакой: «Мой дорогой Гектор, тебе хорошо. Ты остаёшься таким, каким тебя создал Бог, безгрешным... А я?» И снова слёзы покатались из моих глаз. Гектор увидел это, вскочил и попытался меня утешить.

Мой дорогой двоюродный брат, проповедник Яков Янтцен, тогда приложил много усилий, чтобы вернуть меня на правильный путь. Но я был слишком горд, чтобы признаться людям в истине, которую знал слишком хорошо!

В это время наши сёла посетили двое проповедников с юга России — Яков Реймер из Рюкенау и Яков Крекер из Вернигероде в Германии. Две недели они евангелизировали в обеих общинах. Многие уверовали и ещё больше узнали о спасительной истине Писания. Мы с женой и детьми почти каждый день ездили из Коянтогая двенадцать километров на собрания, проводившиеся в окружающих сёлах.

Часто я бывал сильно захвачен, но на этом всё и заканчивалось; дальше дело со мной не шло.

Несколько позднее в наши края приехал мистер Бродбент, известный миссионер из Англии. Он вспомнил, что в огромном мусульманском Туркестане не проводится никакой миссионерской работы, хотя здесь были большие христианские общины, среди которых, конечно же, некоторые были детьми Божьими. И вот он прибыл сюда, чтобы создать здесь мусульманскую миссию. А для этого, конечно, нужны были миссионеры. Он надеялся найти их в наших сёлах. Он несколько раз призывал в обеих церквях, но без успеха. Ему говорили:

«Конечно, наши дети и молодёжь хорошо знают киргизский язык, потому что они здесь родились и каждый день общаются с киргизами. Но в миссионеры они не годятся; кроме того, они нужны нам дома. Но в Коянтогае живёт старший лесничий Янтцен. Он в молодости восемь лет изучал в Хиве языки жителей Туркестана и Коран. Он как раз подойдёт вам, мистер Бродбент. Хотя он и христианин, но отошёл от истины и многие годы живёт в мире. Может быть, вы уговорите его для вашего дела.»

Так мистер Бродбент пришёл ко мне и выложил своё дело. Он также передал мне всё, что обо мне говорили. Я молча выслушал его и, наконец, сказал: «Мне действительно жаль вас, мистер Бродбент. Но я вообще не думаю о том, чтобы рассказывать Евангелие этому лживому и вороватому киргизскому народу. Это действительно означает бросать жемчуг перед свиньями. С гораздо большим удовольствием я бы отправил их всех в Сибирь, потому что они обманывают меня каждый день.»

Мистер Бродбент выслушал меня и затем возразил: «Я знаю, что вы уклонились от пути, хотя

хорошо знаете истину. Но как вы можете перенести то, что вокруг вас люди погибают во тьме, а вы их не предостерегли? Разве вы не знаете, что написано у Иезекииля 33:8? Там написано как раз для вас, господин Янтцен: „Если ты (верующий) не предупредил безбожника о его безбожии, и тот так умрёт, тогда Бог взыщет кровь погибшего с твоей руки, господин Янтцен!“ Где бы я ни был, я буду молиться за вас, пока не услышу, что вы с Евангелием на тюркском языке проповедуете этим несчастным мусульманским народам Туркестана весть о кресте Господа нашего Иисуса Христа.»

Он распрощался и уехал обратно в Англию. Дорогой брат Бродбент сдержал своё слово. Его и дяди Якова Янтцена молитвы были услышаны. Но каким образом? Это было ужасно, и всё же это было моим спасением.

Это случилось в один воскресный вечер. Как обычно, мы с нашими пятью сыновьями, которые были очень музыкальными, сидели на улице при лунном свете и играли. Каждый играл на каком-нибудь инструменте: балалайке или мандолине, оба старших — на гитарах и иногда на скрипке, а я на цитре. Когда мы закончили свой концерт, я сказал:

«Ребята, сейчас цены на базаре за откормленных бычков очень хорошие. Как вы смотрите на то, чтобы забрать своих быков с гор? Мы хорошо заработаем.»

Мальчики согласились, и мы решили, что двое старших, Абрам и Бернгард, на следующее утро поедут верхом в горы и вместе с пастухами пригонят сотню наших быков. А после одного дня отдыха они погонят их на базар в Димитровку.

Через три дня отличное стадо прибыло домой. Всю дорогу мои мальчики радовались этим прекрасным животным, а также мать и все остальные радовались этим жирным, блестящим быкам. На следующий день, очень рано, пришёл пастух и позвал меня: «Бай, господин, у быков лёгочная чума. Пара уже сдохла этой ночью, многие стонут и болеют. Невозможно вести быков на базар; их нужно поставить на карантин.»

Я вскочил и побежал с ним посмотреть, в чём дело. Всё было так, как он сказал!

Приблизительно за шесть недель погибли не только сто быков, но и все 36 племенных коров. К тому же пали ещё от какой-то болезни пять племенных лошадей. Но, как будто это было ещё не всё: наш любимый Герман, которому было 8 лет, заболел тифом и не мог ни жить, ни умереть!

И гордый, имевший почёт у государства старший лесничий Янтцен, склонился пред судом Божиим на колени. И Бог долго говорил ко мне через Своего Святого Духа и показал мне все мои грехи и несправедливости, которые я в своей гордыне совершал против многих людей, и прежде всего, мусульман. Как долго продолжался надо мной Божий суд, я не знаю.

Полностью, совершенно сломленный, я лежал перед Богом и взывал о милосердии и мире ради Иисуса Христа! И Бог смилостивился надо мной и услышал меня. В знак Своего милосердия Он наполнил меня Своим миром. Описать всё это невозможно. И что мне до сих пор остаётся самым непонятным — во мне полностью исчезла всякая ненависть. Уже тогда я мог обнять казавшихся мне такими неприятными киргизов и сказать им: «Пойдёмте вместе со мной к Господу Иисусу; Он вас тоже любит и хочет сделать вас блаженными и счастливыми.»

После всех этих событий я освободился от государственной службы и переехал в Орловку, в собственный дом. Моё хозяйство стало меньше. Абрам женился, вскоре женился и Бернгард. Генрих женился года два спустя. Так дома оставались Герман, Фриц, Франц и 26-летняя Анна. Передача моей должности и сворачивание связанных с этим дел в десяти лесничествах

продолжались около двух лет. В это время я также привёл в порядок свои отношения с общинами.

Глава 8: Служение свидетельством

Так я стал, наконец, совсем свободным, и для меня оставалось одно: теперь ты должен наверстать то, что до сих пор упустил в своей жизни.

Но как наверстать упущенное? Как миссионер? Нет, это лишь означало бы смену мирской профессии на духовную. Но я был полностью и окончательно готов словом и делом свидетельствовать о любви Божией во Христе к нам, грешникам. И так, после моего личного познания Бога, как свидетель Иисуса Христа, я пошёл к мусульманам с благой вестью, как описывает это Павел в 1 Коринфянам 2:1-4:

«И когда я приходил к вам, братья, возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого; и был я у вас в немощи, и в страхе, и в великом трепете. И слово моё, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы.»

Как государственный служащий, я восемнадцать лет имел дело с кочевыми киргизами, казахами, кураминзами и другими жителями юрт. Их были сотни тысяч. Ими было трудно управлять, и в своей служебной гордыне я часто против них согрешал.

После моего обращения Святой Дух побудил меня пойти к ним и, насколько возможно, привести в порядок наши отношения, признавая свою вину и прося их меня простить. Не понимая происходящего, они с удивлением спрашивали:

«Как это получилось, что вы так изменились? Раньше, когда вы были в служебной форме, мы едва могли заговорить с вами, а если мы как-то нарушали российские законы, нас часто строго наказывали. А теперь вы приходите к нам в гражданской одежде и ещё просите прощения, хотя, собственно, мы были виноваты?!»

Я отвечал им: «Часто в своём гневе и служебной гордости я бывал к вам несправедлив и наказывал слишком сурово.»

«Но как так вышло, что вы изменились?» — спрашивали они.

«Это сделал во мне Господь Иисус с помощью Своего Святого Духа. Он подарил мне сердце, полное любви к вам. Он простил мне всё, и теперь внутри у меня такой покой, что я должен этим с вами поделиться.»

Это приводило их в изумление, и они хотели узнать, может ли Господь Иисус изменить их так же.

И тогда я рассказывал им благую весть об Иисусе Христе.

Они простили мне мою вину, и мы расстались добрыми друзьями.

Так я много ездил среди этих народов, и через несколько лет многие пришли к вере. После того как они доказали это своей жизнью и изучали со мной Писание, они захотели принять крещение. Изучая смысл крещения, мы пришли к убеждению, что нигде символ крещения не описан лучше, чем в Послании к Римлянам 6:3-4: «крестившиеся во Христа Иисуса в смерть Его

крестились. Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни.»

Таким образом, мы пришли к убеждению, что крещение должно быть через полное погружение в воду, и я совершал это. В завершение мы праздновали вместе вечерю Господню.

В 1911–1912 годах я прослушал курс Библейской Альянс-школы в Берлине. Эту школу в 1903 году основал пастор Келер в союзе с братьями из села Молочная для подготовки евангелистов для России и славянского Востока. В период Первой мировой войны школу перевели в местечко Виденест в Рейнланде, где она существует до сих пор.

После окончания курса я принял множество приглашений и побывал в братских кругах в Голландии и Германии, где говорил слово в церквях и других собраниях. Через это я познакомился со многими добрыми людьми и известными духовными деятелями.

Незадолго до моего возвращения в Россию я ещё раз посетил Библейскую школу в Берлине, чтобы сказать там заключительное слово. Среди присутствующих был и широко известный брат Яков Крекер из Вернигероде, которого я знал ещё по России как родственника.

На следующее утро все учителя, во главе с пастором Хр. Келером, а также учителя Варис и Мейхснер, проводили меня до вокзала Тиргартен. Под слова гимна «Бог с тобой, доколе свидимся», поезд тронулся в путь и привёз меня в Мариенбург. Там меня встретил любимый брат Корнелиус Андрес из Зандхофа и принял в своём гостеприимном доме. Он сопровождал меня и в Нойтейхсдорф, где когда-то родились мои отец и дед.

На следующий день мы посетили моего двоюродного брата Герхарда Янтцена в Херренхагене, в его прекрасном имении. Затем брат Андреас отвёз меня в Эльбинг, где я пешком ходил в Аугуствальде — место рождения моей матери, где я нашёл ещё нескольких родственников.

Затем мой путь лежал в Варшаву. Там я работал шесть дней, а после через Киев прибыл в Софиевку.

Следующей станцией был Рюкенау, где жил брат Яков Реймер, который несколько лет назад посетил нас с Яковом Крекером в Туркестане. Брат Реймер взял меня с собой в Апаулее, в семью Зудерман, где мы с другими братьями и сёстрами провели благословенное воскресенье. Встреча была чудесной ещё и потому, что за это время из Вернигероде приехал и брат Яков Крекер. Здесь брат Крекер в третий раз решительно сказал мне:

«Дорогой брат Янтцен, никогда не забудь то, что я тебе ещё раз здесь говорю: чем решительнее ты встанешь на сторону Господа Иисуса, тем сильнее ты с большим разочарованием и горечью в сердце поймёшь, что самые близкие братья не поймут тебя и оставят одного.»

Тогда я его не понял. Но позже горький опыт научил меня это осознать. Любимый брат Реймер также предостерег меня: «Брат, ты пришёл из так называемой Библейской Альянс-школы в Берлине. Советую: никогда не произноси слово „Альянс“ в наших меннонитских общинах, потому что это всех испугает.»

После этого воскресенья я посетил с миссионером Фризенем несколько сёл и общин, где мы проводили собрания. Наконец, я отправился на Тракт на Волге, в Хансау, где я родился. Я остановился у любимых родственников в Кеппентале. Я смог посетить многих друзей детства, проживавших в соседних сёлах. К сожалению, духовная жизнь там была очень слабой.

Но и здесь наступил день отъезда. Я сел на волжский пароход, который привез меня вниз по течению в Астрахань, откуда я с другим пароходом отправился в Баку. Там меня очень сердечно встретил бывший переводчик, ставший позже очень знаменитым, д-р Ф. В. Бедекер. Бедекер стал знаменит тем, что без усталости посещал тюрьмы России и Сибири.

С ним был и Патвакан Тараянц, армянин, закончивший в Лондоне Королевский колледж. Он был убежденным христианином и служил в Баку миссионером и проповедником. Через его служение там образовалась большая община, которой он руководил. Меня поселили у его очень богатого брата, обладавшего нефтяными скважинами. Я целыми днями трудился среди турок и азербайджанцев в Бакинском порту, а вечерами мы проводили собрания в армянской общине брата Тараянца. Эта работа продолжалась около двух недель. Затем я отправился дальше в Тифлис.

Здесь мне нужно было на некоторое время остановиться. При моем отъезде из Библейской школы в Берлине там присутствовал и брат Бродбент из Англии, мой старый друг, которого я впервые встретил в Туркестане. Как большой друг миссионерства и представитель Библейского общества, он ездил по многим странам и где только мог, проповедовал Евангелие. Через его служение в Турции многие турки уверовали, но их жестоко преследовали. Двое из них долгое время были в заключении, где их мучили и пытали, заставляя отказаться от своей новой веры. Им надрезали подошвы и спины, насыпали в раны соль, а затем били по ним палками. Брат Бродбент слышал об этом.

С помощью английского консула ему с большим трудом удалось освободить этих христиан-турок. Он перевез их в Тифлис, где была русская баптистская община. Это было приблизительно в 1910 году. Теперь брат Бродбент получил из Тифлиса печальное известие об этих братьях. Поэтому он просил меня найти их и духовно помочь им. Это и было основной причиной моей поездки туда.

Когда я передал этим двум братьям привет от Бродбента, меня очень тепло приняли. Они были арендаторами больших фруктовых садов и виноградников. К нам присоединился еще один состоятельный армянский брат. Ночевал я у Штейнбрехеров и в бюро Британского библейского общества. Каждый день я посещал двух братьев-турок. Они действительно были духовно больны, разочарованы и без надежды из-за отношений с баптистской общиной, которая требовала, чтобы они снова приняли крещение у них; иначе их не могли принять членами церкви. Это, в свою очередь, не могли понять оба брата, которые говорили мне: «Нас крестили в Стамбуле (Константинополе) в присутствии других миссионеров во имя Иисуса Христа. Зачем же снова?»

Они верили, что все дети Божии одно и что между ними нет никаких различий. И теперь им предстояло узнать, что их крещение не признается. Так они оказались в большом разочаровании во всем «христианстве». То, чего не смогли достичь пытки в тюрьме, казалось, было достигнуто мнением баптистской общины!

Однажды я сидел в саду у этих двоих турок на скамейке, затененной виноградом, напротив ворот в конце красивой аллеи. Братья говорили со мной о своем отчаянном положении. Вдруг открылись ворота, и вошел основатель русской баптистской церкви. Он слышал, что я нахожусь в Тифлисе, и хотел со мной познакомиться. Он представился следующими словами: «Я основатель и руководитель русской баптистской церкви здесь, в Тифлисе».

На это я ответил: «Дорогой друг, вы, возможно, никогда в жизни не выражались так точно, как сейчас, когда сказали, что являетесь основателем и руководителем баптистской общины, и что это не было делом Святого Духа. Ибо если бы Он был основателем и имел руководство, с этими

двумя турецкими братьями не поступили бы так бессердечно. Вы же знали, что они христиане и приняли крещение; вы знали, что они ради веры были в тюрьме, где, несмотря на все пытки, остались верными Господу Иисусу. Их спины и подошвы, которые я видел, до сих пор свидетельствуют об этом. Но ваше нехристианское поведение становится понятным, когда вы говорите, что вы основали церковь. В таком случае иначе и быть не может. Ваше „Я“ мешает Святому Духу».

Услышать такое было для него слишком, и он быстро исчез. Так как упомянутый армянский брат имел большой дом и был к тому же ещё свободным христианином, он позаботился о том, чтобы мы могли проводить собрания каждый вечер в течение двенадцати дней у него дома. Каждый вечер приходило всё больше людей, и многие несчастные находили мир. Примечательно, что каждый вечер приходил и руководитель баптистской общины. Но он молчал. В те незабываемые для меня вечерние часы Святой Дух с силой действовал среди нас.

Последним вечером было воскресенье. До обеда у нас было закрытое собрание убеждённых детей Божиих. Пришли около пятнадцати человек. Они стали ядром общины нецерковных детей Божиих. Так как хозяином дома был армянский брат, вообще-то одарённый оратор, то он принял на себя дальнейшее руководство группой.

После обеда эти дорогие братья приготовили мне прощальный чай. На чай были приглашены многие друзья, которые в большинстве также участвовали в вечерних собраниях. Каждый получил возможность свободно высказываться о своих духовных переживаниях. Почти все приняли в этом активное участие. Святой Дух видимым образом работал в каждом из них. Около шести часов вечера я сказал прощальное слово и пригласил всех спеть гимн «Приди к Спасителю». Этот гимн переведён на столько языков, что его знали почти все. И гимн зазвучал сразу на нескольких языках. Такой разнобой, но какое созвучие душ! Мне сказали, что на наших собраниях, кроме очень счастливых турецких братьев, бывали армяне, черкесы, лезгины, грузины, русские и некоторые немцы.

После заключительной молитвы, в которой приняли участие и братья-турки, все пошли проводить меня на вокзал.

По дороге на вокзал меня пригласила на чай одна дама, которую я заметил ещё на последнем собрании. Сопровождавшие меня пошли дальше на вокзал, чтобы ждать меня там, а я пошёл с дамой к ней домой. Там она рассказала мне, что является женой баптистского проповедника, который её оставил. В большом горе и со слезами она сказала: «Уже десять лет мой муж больше не заботится обо мне и живёт в другом доме. Лишь благодатью Божией, Которому я принадлежу, я ещё жива и радуюсь Богу, моему Спасителю».

После того, как мы вместе помолились, я оставил её дом и поспешил на вокзал, где меня ожидали братья. Они быстро вручили мне билет, и после ещё одного пения «Бог с тобой, доколе свидимся» я вошёл в вагон, и поезд тронулся. К вечеру следующего дня я снова был в Баку у брата П. Тараянца. К тому вечеру он тоже пригласил людей на собрание. Собралась большая община.

Затем мой путь лежал в порт, где я сел на пароход, который перевёз меня через Каспийское море в Узунаду. В Красноводске я сел на поезд, который в течение нескольких дней через всю Туркмению, через Мары, Байрам-Али, Чарджоу, Бухару и Самарканд привёз меня, наконец, в Ташкент. Здесь меня встретила моя любимая жена и двое младших сыновей, Герман и Фриц, которым было тринадцать и двенадцать лет. Радость встречи после такого долгого отсутствия была неопишуемой. Моя любимая жена приехала встретить меня в Ташкент из родной Орловки на собственной бричке, проделав путь в 400 километров через Чимкент за шесть дней. В то

время там ещё не было железной дороги.

Наняв дрожки, мы поехали с вокзала в караван-сарай, где стояла наша бричка. Мне показалось, что даже наши лошади обрадовались встрече. Как менонитский крестьянин, я всегда оставался любителем лошадей.

Несколько дней мы пробыли в Ташкенте, посетили некоторых друзей и закупили кое-какие товары. Затем отправились обратно и вскоре благополучно прибыли домой, где нас радостно встретили четверо семейных детей. На следующий день пришли многие родственники и проповедующие братья из соседних сёл — Романовки, Николайполя, Гнаденталя и Гнаденфельда. Меня также очень сердечно встретили обе общины — церковная и братская.

Глава 9: Среди мусульман и русских

После того как был убран урожай, мы с братом Абрамом Янценом отправились в поездку. Брат Янцен был в Библейской школе в Берлине двумя годами раньше меня и с радостью относился к миссионерской деятельности. Мы ехали верхом и рискнули забраться поглубже в горы нашей Таласской долины, относящейся к Тянь-Шаньскому хребту, чтобы проповедовать Евангелие так называемым кара-киргизам.

Наше путешествие длилось несколько недель. Мы посещали отдельные аулы (несколько юрт), и везде люди встречали нас очень дружелюбно и гостеприимно, истинно в мусульманском духе. Многие знали меня раньше, со времён моей службы.

Они очень внимательно слушали нас и часто были тронуты и взволнованы. Но чаще всего они просили у нас пшеницы, чтобы испечь хлеб. Мяса у них было много, а пшеницы всегда не хватало. Но мы не могли дать им пшеницы, потому что цель нашего путешествия была совсем другой. И они не могли понять, что эти чужие люди заботились о спасении их душ.

Но всегда оставались дружелюбными.

В этом путешествии по горам и долинам нам часто открывались неописуемо прекрасные виды. Но бывали и всякого рода неожиданности, совсем не такие прекрасные. Однажды в субботу мы ехали верхом по высокому гребню и попали в снежный буран — и это в начале августа! Мы миновали гребень и осторожно стали спускаться, по колено в снегу, держа лошадей под уздцы. Наконец мы пришли в большой горный котёл Кетмень-Тюбе и там снова вышли на дорогу. В этой долине было большое русское село. Отрезанные от остального мира снежными горами, жители этого села поселились здесь и жили уже пятнадцать лет. Село состояло из приблизительно трёхсот дворов и было окружено большими полями пшеницы и плодовыми садами. В некотором отдалении был очень большой сенокос и богатые пастбища с множеством скота.

В начале села брат Абрам несколько растерянно спросил: «Где мы здесь остановимся? Здесь же нет караван-сарая». «У самого лучшего крестьянина», — ответил я. Так оно и было.

Мы подъехали к большому чистому двору, где под широкой верандой стояла женщина и была занята самоваром. Там стоял стол, окружённый скамьями.

Мы поздоровались с женщиной и спросили, можно ли нам у них остановиться; мы

путешествующие миссионеры и евангелисты. Она позвала мужа, который подметал задний двор, потому что была суббота. Он с видимой радостью пригласил нас войти и добавил: «Уже многие годы мы не слышали Евангелия, читать мы тоже не умеем. Если вы хотите, я позабочусь, чтобы сегодня вечером перед воскресеньем всё село собралось на нашем дворе, чтобы послушать Евангелие. Мы же христиане, нам это нужно».

Мы с удовольствием согласились на его предложение, а он велел жене поставить самовар и накормить голодных мужчин. Затем он поставил наших лошадей в сарай и накормил их. Прошло немало времени, прежде чем он вернулся. А в это время хозяйка накормила нас прекрасным обедом. Наконец я сказал своему спутнику: «Мне хочется посмотреть, куда пропал наш хозяин».

Я нашёл его на заднем дворе — он усердно был занят тем, что снимал шкуру с двухлетнего жирного быка, которого только что зарезал. На мой вопрос, зачем резать скотину именно в субботу вечером, он ответил: «После стольких лет у нас такие большие гости, которые хотят рассказать нам Евангелие. Они же должны поесть что-нибудь хорошее, и мы с семьёй тоже будем есть».

Когда он закончил свою работу и распределил всё мясо, он присел к нам. В это время с поля пришли его взрослые сыновья с косами. Он тут же велел им сесть на лошадей и пригласить всё село прийти на его двор, чтобы послушать Евангелие; приехали два миссионера-евангелиста, чтобы и здесь рассказать Евангелие.

Молодые люди тут же вскочили на своих лошадей и поскакали по селу приглашать людей. И, как сказал хозяин, так и было. Незадолго до захода солнца весь двор был полон людьми: мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, и детьми. Все хотели присутствовать. Наши слушатели сидели на траве, а мы перед ними на стульях.

Мы читали из Евангелия от Иоанна, главы 1 и 3, а из 3-й прежде всего 16 стих, и говорили о нём. Закончили мы молитвой. Им было чуждо, что мы говорим с Богом без крещения, такого они ещё не видели. Но все были так тронуты, что просили нас остаться ещё на несколько дней — они хотели услышать больше, потому что очень в этом нуждались. Хотя было время уборки урожая, они решили оставить работы и приходить на каждое собрание.

Мы с радостью выполнили эту просьбу и остались ещё на несколько дней. Они регулярно приходили до обеда и после обеда, внимательно слушали и задавали много вопросов, на которые мы отвечали так, как подсказывал нам Святой Дух. Мы с Абрамом всё время повторяли друг другу: «Мы ещё никогда не встречали таких жаждущих спасения душ».

Господь был среди нас — это мы видели и слышали во время многих личных бесед и из вопросов в конце каждого общения. Перед нами были люди, которые из-за своего изолированного образа жизни были свободны от всех религиозных направлений и межцерковных споров. Чистые, свободные дети природы, но также и свободные от всякого предрешения, от всякого осуждения!

Но всё же мы должны были отправиться дальше. После необычайно сердечных проводов мы тронулись в путь с тяжёлыми дорожными сумками, которые наш хозяин наполнил жареным мясом, хлебом и овощами. Сердца наши были полны хвалы и благодарности, и сегодня я ещё с радостью вспоминаю об этих днях. Как пойдёт дело дальше, Господь усмотрит Сам, по слову Его из Исаии 55:11: «Слово Моё не возвращается ко Мне тщетным». Мы вернулись благополучно домой живыми и здоровыми.

Глава 10: Посещение Ак-Мечети

В сентябре 1913 года я предпринял со своей женой поездку в Хиву, чтобы навестить отца и других родственников в Ак-Мечети. Моя мать к тому времени уже умерла.

Поездка была очень долгой, потому что от Аули-Ата до Хивы около 1700 километров. На нашей собственной бричке мы поехали в Ташкент, оттуда поездом до Чарджоу у Амударьи. Там мы переночевали у хивинского консула, доброго старого знакомого. И на следующий день отправились пароходом в Хиву, которую мы после спокойной ночи благополучно достигли на следующий день.

В Ак-Мечети нас встретили очень сердечно, особенно мой отец. Ему было уже больше 85 лет. Дядя Клаас Эпп к этому времени тоже уже умер. Все знали, что я с 1905 года стал другим человеком и что я был в Берлине и там посещал Библейскую школу. Они знали, что я теперь много путешествую и тружусь миссионером среди мусульман и других народов страны. Поэтому меня попросили, чтобы я и здесь евангелизировал. Главным образом на этом настаивал дядя В. Пеннер, руководящий проповедник общины, ибо маленькая, насчитывающая десять семей, община Эппа держалась в стороне, сама по себе.

Я последовал этому призыву с тяжёлым сердцем и со страхом. Ведь я хорошо знал, кого имею перед собой — полную противоположность тому, что я только недавно пережил в большом русском селе. Я целый месяц каждый вечер говорил в церкви. Как тяжело мне это было, знает один Господь. Из-за многолетнего разделения, вызванного односторонним хилиастическим восприятием, у всех было хорошее знание Библии, но Самого Господа Иисуса они не имели. Не хватало личного переживания Его возрождающей силы, сознательного обладания вечной жизнью в своём сердце.

«Дорогие братья! И даже к праведному менониту обращено слово, которое Господь Иисус сказал книжнику и учителю Израилеву: „Должно вам родиться свыше. Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия“ (Иоан. 3, 3). Чтобы сделать это слово особенно важным для сердца Никодима, Господь Иисус усилил его двойным „Истинно, истинно!“. Это есть доказательство и требование, которое исходит из уст едиnorodного Сына Божия. В Иоанна 1, 12-13 мы читаем, что дети Божии рождаются не от людей, но от Бога. Здесь мы видим, о чём идёт речь. Всеи нашей человеческой праведностью мы ничего не достигаем и остаёмся погибшими. Никодим тоже был очень праведным человеком, но этого было мало. О том, почему Иисус пришёл в этот мир, написано в Матфея 18, 11 и Луки 19, 10: „Сын Человеческий пришёл, чтобы взыскать и спасти погибшее“.

Как вы знаете, меня с детства воспитывали действительно праведные, добрые, христианские менонитские родители. Также после моего обращения я был по моему желанию крещён крещением окропления в 1882 году и принят в общину. Тогда я имел полный мир и знал, что через крещение я был погребён со Христом в смерть и воскрешён для новой жизни, как написано в Римлянам 6, 4.

Из-за церковных споров в нашей общине и под влиянием пустой жизни при дворце в Хиве, где я был переводчиком, моя внутренняя жизнь пострадала так, что я переехал в Аули-Ату. Там я поступил на государственную службу и ещё больше отошёл от Господа. Так я многие годы жил без внутреннего мира, пока меня не постиг второй, очень страшный удар. В ярком свете Божиим (а Бог есть свет) я был полностью сломлен сознанием своей греховности. Но Божия милость была выше моей греховности, и Он снова подарил мне полный покой. Это проявилось прежде всего в том, что всякая ненависть оставила моё сердце, и с того времени оно

наполнено Его любовью. Он освободил меня также от многих других вещей, которые не могли Ему нравиться.

И с этой Его любовью я начал своё миссионерское служение. Господь благословил моё служение так, что уже некоторые мусульмане приняли Господа Иисуса Христа как своего личного Спасителя. После подробного изучения Писания я крестил их по их желанию на основании Римлянам 6, 4. Позже я заметил, что был крещён в Миссионерской школе в Берлине крещением погружения».

Когда братья в Ак-Мечети услышали это, они воскликнули: «Так ты баптист!» Я возразил: «Никак нет! С 1905 года я следовал только Духу истины, живущему во мне, а Он вёл меня на основании слова из Иоанна 16, 13».

Однажды вечером нашей главной темой был смысл последних слов из Иоанна 3, 16: «Иметь жизнь вечную». Мы сказали себе, что всякая жизнь — это жизнь Божия, потому что Он один вечен. А что есть Бог? Бог есть любовь по 1 Иоанна 4, 8 и 16. И вот здесь Господь Иисус говорит: «Верующий в Него имеет жизнь вечную». А так как во 2 Коринфянам 5, 19 сказано: «...Бог во Христе», а через веру во Христа мы имеем вечную жизнь, то значит, мы имеем часть в Боге. Другими словами, дитя Божие имеет Бога в своём сердце со всеми Его свойствами и помыслами. И потому что Бог есть любовь, то и дитя Божие не может иначе, как только любить всех людей, поэтому оно никак не может кого-либо убивать. Это-то и соответствует так называемому менонитскому неприятию оружия. Мы также обратились к 13-й главе 1 Коринфянам, где Павел разъясняет, что такое любовь. Здесь каждый может испытать себя, каково лично его отношение к словам Павла.

В таком духе я говорил в течение этой недели, следуя водительству Святого Духа. Но это был для меня невыразимо тяжёлый труд. Сердца, наполненные множеством предубеждений к иначе мыслящим людям, не позволяли им правильно судить о самих себе. Морально хорошо, по-христиански и праведно воспитанные, они тем не менее ничего не понимали об истинной вечной жизни внутри дитя Божьего. С глубокой болью я вспоминал прощальные слова брата Крекера, о котором писал уже выше. Быть непонятым очень тяжело. И тем не менее, они все очень дружелюбно относились ко мне и моей жене.

В конце моего труда там я ещё пережил большую радость, когда муж моей сестры, у которого жил мой любимый глухой отец, сказал мне: «Герман, теперь я тоже знаю, что Господь Иисус — мой Спаситель. Я тоже познал Его, и в моём сердце теперь глубокий мир. Теперь я полностью тебя понимаю». С такими же словами и сияющим взглядом ко мне подошла ещё одна тридцативосьмилетняя сестра.

Наши рассуждения в те недели привели нашего очень уважаемого и любимого учителя и проповедника к таким глубоким раздумьям, что однажды утром он пришёл ко мне с желанием прогуляться вместе по тихим уголкам Ак-Мечети. В одном тихом месте мы присели, и брат Пеннер сказал: «После всех наших исследований в эти недели я пришёл к тому, что должен признаться: я совсем не обращён, не говоря уже о том, чтобы быть дитём Божиим. Мне не хватает внутреннего свидетельства того, что написано в Римлянам 8:16: „Этот самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии“».

В его глазах были слёзы, когда он говорил мне об этом, и я от испуга даже не знал сразу, что сказать. Это было так давно, что я уже не помню подробности нашей беседы. Нужно только сказать, что борьба брата Пеннера была очень тяжёлой и серьёзной. Наконец, мы вместе помолились и пошли домой. Брат Пеннер прожил и проповедовал ещё несколько лет, но оставался унылым человеком, и, говорят, он тяжело умирал.

Когда наше время там кончилось, мы вернулись в Ташкент и зашли к брату Абраму И. Янцену, который в это время стал сотрудником Библейского общества. Мы ещё некоторое время потрудились вместе в старом городе среди узбеков. Затем мы с женой вернулись домой, по пути в течение шести дней раздавая среди мусульманского населения Евангелия и брошюры.

Глава 11: Случаи из миссионерской жизни

Кажется, это было в мае 1915 года, когда я снова надолго уехал из Орловки в Ташкент. По пути надо было проезжать через многие русские и узбекские сёла, а также киргизские аулы. Такие путешествия обычно совершались на бричке или верхом, что я часто и делал. По пути я не жалел времени, чтобы при каждой остановке в ауле или селе проповедовать Евангелие и раздавать Писания.

В караван-сараях сразу при входе были чайханы, где, сидя на коврах, пили чай проезжие или обычные посетители базара. Я каждый раз подсаживался к ним, имея в кармане брошюры на русском и узбекском языках. Люди вскоре обращали внимание на мой карман и спрашивали, что там. Тогда я доставал несколько брошюр и раздавал всем, кто умел читать. Просил того, кто лучше всех мог читать, прочесть вслух, например, Иоанна 3:16, и, как Господь мне тогда вложит в сердце, я направлял их к другим местам Писания.

Многие знали меня ещё раньше и с удовольствием слушали слова из Библии. Конечно, Слово воспринималось по-разному, но на большинство оно оказывало большое впечатление. Здесь меня прежде всего руководило слово из Исаии 55:11: «Так и слово Моё, которое исходит из уст Моих, оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его».

Так и это путешествие закончилось в доме Библейского общества у брата Янца. Как обычно, я и на этот раз остался у него на длительное время. Там мы посещали русскую баптистскую общину, к которой присоединились и некоторые немцы. Нас приняли с большой любовью, как будто мы принадлежали к ним. Нам также часто предлагали разъяснять Слово Божие.

Ташкент, столица тогдашнего Туркестана, был большим, красиво расположенным городом, где проживало более 200 000 европейцев. На востоке, отделённый от нового города рекой Келес, располагался ещё больший мусульманский старый город, где жили только сарты, узбеки, таджики и некоторые киргизы. В старом городе было много базаров, расположенных по обеим сторонам очень узких, запутанных улиц. Во время летней жары здесь всё находилось в полумраке, потому что улицы были прикрыты матами из камыша. Чужой здесь легко мог потеряться, и если он не знал языка, то вызывал лишь сожаление. В прежние времена европейцы нередко бесследно исчезали здесь.

В старом городе также находились большие мечети и религиозные учебные заведения с тысячами учащихся. Исламский фанатизм был здесь всегда очень силён.

Почти на каждом углу располагались чайханы, всегда полные народа, потому что в такую жару постоянно хотелось пить. По узким улочкам протискивались люди и караваны верблюдов. Двигаться было очень тяжело.

Так и мы всё снова и снова протискивались в этой тесноте со своими тяжёлыми от книг сумками. Однажды мы встретили группу нищенствующих дервишей — это монахи, которые, пением и попрошайничая, искали базар. Мусульмане почитают их как святых; в любом случае, они особенно фанатичны. Когда они увидели нас с нашими книжками, они набросились на нас,

стали плевать в лицо и кричать: «Долой этих проклятых христианских собак, этих гяуров», то есть неверных. Нашим счастьем было то, что быстро пришла полиция и разогнала дервишей.

Несмотря на препятствия, мы во время своих походов раздали сравнительно много Евангелий и брошюр. Даже в чайханах мы могли говорить с некоторыми о спасении их душ.

По воскресеньям мы шли к баптистам, единственной христианской общине в Ташкенте. Они пели много красивых гимнов из «Гуслей», известного сборника песен Ивана Степановича Проханова. Только ради пения туда приходили многие русские и немецкие деловые люди, которые вовсе не были верующими.

Некоторые из них приходили к вере и позже принимали крещение. Так уверовала и одна немка, муж которой служил солдатом где-то на персидской границе. Она сообщила ему о своём счастье. Но вместо того, чтобы обрадоваться, он прислал ей гневное письмо, обещая убить её, если она не оставит свою веру. Мужа звали Лаубах. У него была первоклассная бойня и колбасная фабрика с множеством работников. Кроме того, у них был большой дом. По происхождению они были лютеранами, но он был очень грубым и властным человеком.

Через некоторое время он приехал в продолжительный отпуск. Для его жены началось ужасное время, потому что он её бил и мучил. Но она оставалась верной своей вере. Это возбуждало в нём всё большую ярость.

В одно воскресенье мы услышали о нужде той женщины. Брат Янцен и я пошли к её мужу поговорить. Его буйство было ужасным. Это была тяжёлая борьба. Мы с его женой боролись с Господом за его душу! И Господь чудесным образом услышал нас!

Наконец он начал смиряться. Мы даже смогли уговорить его пойти с нами на собрание. Подавленный и тихий, он пошёл с нами, но проповедь слушал внимательно и был явно тронут. После проповеди все склонились на колени (таков был обычай в этой общине), и все громко молились, у кого что было на сердце.

Что происходило в сердце нашего друга Лаубаха — мы не знаем. Но после этого он не пропускал собраний. Дома он стал тихим человеком. Вскоре после этого он серьёзно покаялся и получил полный мир. Он хотел принять крещение. Он и его жена были очень счастливы. Она едва могла поверить: «Счастье моё божественно велико».

По мнению братьев, его хотели крестить на следующее воскресенье в реке Салар, которая протекала за городом мимо купальни. В воскресенье утром, после проповеди и молитвы, вся община пошла к реке. Кто только мог, протискивались в купальную палатку, открытую в сторону воды. К воде вела лестница. В углу была небольшая раздевалка. После небольшой проповеди ведущего брата об обращении и крещении и заключительной молитвы тот, кто должен был крестить, вошёл в белой одежде в воду. За ним последовал крещаемый. Но вдруг он повернулся и побежал обратно в палатку. Вскоре он снова появился и спокойно спустился по лестнице в воду. Его крестили. Пока они переодевались, община пела и с пением отправилась обратно в дом молитвы, где и закончилось торжество.

Нас с братом Янценом пригласили ещё зайти к счастливым супругам домой. Уже наступал вечер. После чая мы хотели попрощаться, но брат Лаубах настоятельно просил меня остаться у него.

Когда мы на следующее утро хотели встать из-за стола, хозяин вытащил бумажник, передал нам триста рублей и сказал: «Дорогой брат Янцен, возьмите эти деньги, купите голодным узбекам в старом городе хлеба и накормите их. Затем проповедуйте им Евангелие, и вы увидите, что слушатели с полным желудком быстрее послушают вас, чем с пустым».

На следующее утро брат Лаубах сделал то же самое, и на третий день тоже. Тогда я с удивлением сказал: «Но брат Лаубах, не слишком ли это много? У тебя ведь есть жена и дети?»

Он ответил: «Дорогие мои братья, мой кошелёк тоже был крещён и принадлежит Господу. Разве вы не заметили, когда я перед тем, как ступить в воду, вернулся? А причина была вот в чём: когда я переодевался для крещения, Святой Дух сказал мне: „Адам, возьми с собой кошелёк, он тоже должен быть крещён“. Но сатана прошептал мне: „Но у тебя же есть жена и дети“. И я его послушался. Но когда я хотел ступить в воду, Дух Божий опять сказал мне: „Адам, остановись, теперь или никогда, скорее вернись и заведи свой кошелёк, его тоже нужно крестить, потому что отныне он принадлежит Мне“. Тогда я быстро побежал обратно и забрал его. Я не стал говорить об этом людям. Так и мой кошелёк получил крещение и теперь полностью принадлежит Господу. Поэтому, дорогие братья, не заботьтесь обо мне, я знаю, что делаю. А теперь, счастливого пути в старый город».

Однажды мы сидели вместе в доме Библейского общества. Из-за сильной жары дверь была широко открыта. И тут мы увидели, как вошёл сильно оборванный хаджи — это паломник в Мекку, который уже побывал там. Этих паломников легко узнать: они носят на голове по-особому замотанный широкий тюрбан и светло-коричневый халат паломника. Этот человек вошёл и сел, явно очень уставший и изнурённый, на пол и спросил, есть ли у нас большая книга Лютера на узбекском языке. Мы не сразу поняли, что он имел в виду. Тогда он объяснил, что в этой книге написано про Иисуса, Сына Девы Марии. И тут мы поняли, что он ищет Библию.

Брат Янцен дал ему прекрасную Библию на его языке. Он сразу начал читать и притом так бегло, что мы смотрели на него с удивлением. Тогда он рассказал нам, что дважды совершал паломничество в Мекку и Медину. После второго паломничества он выбрал путь через Иерусалим и Вифлеем и молился на всех святых местах. Но мира для своей души он так и не нашёл. Тогда он пошёл через Константинополь и Крым на Украину. Там он встретил немецких людей, которые не ходили в русскую церковь, где поклонялись иконам. На ломаном русском языке он говорил с ними о том, что не имеет мира в своём сердце. И тогда они сказали ему, что ему нужно прочесть большую книгу Лютера, потому что в ней много написано про Иисуса, Сына Девы Марии. Если он будет её читать, то найдёт мир. И теперь он повсюду ищет эту книгу, написанную на его родном языке.

Мы оставили этого человека у себя и несколько дней изучали вместе с ним Писание. Он впитывал все слова, как губка. Наконец, он отправился в Андижан, где был его дом. Через несколько месяцев я получил в Орловке письмо от него, в котором он писал: «Я нашёл в Иисусе моего Спасителя и хочу принять от вас крещение».

Брат Янцен получил такое же письмо. Так я поехал в Ташкент, а оттуда мы с братом Янценом отправились за сотни километров в Андижан. Мы нашли нашего нового брата, Мусу Махмуди, счастливым и в большой радости.

Но у него была одна трудность в понимании того, что Иисус — Сын Божий, ведь Бог вообще не был женат. Понадобилось время, чтобы объяснить ему это. Я доказал ему это на основе Корана. Сам Мухаммед даёт этому объяснение, когда говорит: «Иисус, как гласит повеление

Бога Гавриилу, был принят и рождён девой Марией и не имел человеческого отца, как и у Адама не было человеческого отца, и потому он рождён только от слова Бога. Поэтому Иисуса и называют Словом Бога. Он жил без греха и умер. Но Бог воскресил Его и живым взял на небо».

Далее Коран говорит, что Иисус пришёл для многих во спасение. Мусульманская книга Шариат говорит об этом ещё яснее.

Наконец совершенный свет Слова Божьего пробился к нашему брату Мусе Махмуди, и он получил полный мир и радость. Через несколько дней дальнейшего изучения Писания мы, по его желанию, крестили его во имя триединого Бога — Отца, Сына и Святого Духа. После этого мы вместе праздновали святое хлебопреломление и снова вернулись домой.

Через своё свидетельство Муса Махмуди, хорошо знавший мусульманские писания, стал большим благословением для своего окружения. Через него один очень учёный человек из Аимкишлака, что в тридцати километрах от Андижана, тоже получил от брата Янца Библию на узбекском языке и усердно её читал. Вскоре после этого мы смогли навестить его в его селе. Он был сыном богатого купца.

Молодого человека звали Мамаджан, он был женат, и у него была чудесная дочка. Как высокообразованный мулла, он имел большую библиотеку. Он встретил нас очень приветливо, и мы несколько дней изучали с ним Библию. Брат Муса Махмуди тоже был с нами. Как учёный, бывший мусульманин, а теперь христианин, он своим решительным свидетельством оказал глубокое влияние на молодого человека.

После того, как мы ещё раздали в городе брошюры и Евангелия, мы вернулись через Ходжент домой.

Через несколько месяцев Мамаджан письменно попросил нас ещё раз приехать к нему, так как он хотел бы получить от нас крещение.

Нас снова встретили очень сердечно и поселили в его библиотеке. Но, несмотря на всю радость встречи, для нас не осталось незамеченным, что на нём лежит тяжёлое бремя. Он поделился с нами тем, что стал собственностью Господа, но это имело для него тяжёлые последствия. Отец лишил его наследства и забрал у него жену и дочку. Кроме библиотеки, ему нельзя было бывать ни в одной из комнат дома. Еду ему приносили в эту комнату, при этом совершенно не разговаривая.

Мы оставались у него несколько дней. Нам приносили еду и питьё. Мамаджан заказывал это для нас где-то „с улицы“. Ночью мы спали с ним в библиотеке на толстом ковре, совсем по обычаю этого народа. Весь день мы углублялись в изучение Писания. Мы задавали ему самые разные вопросы и при этом заметили, что он глубоко изучил смысл Слова Божьего. Однажды я спросил его: «Дорогой Мамаджан, как получается, что ты всегда так странно улыбаешься, когда мы задаём тебе вопросы?»

Он ответил очень серьёзно: «Дорогие братья, вы уже несколько дней пытаетесь узнать, насколько глубока моя вера в Господа Иисуса; ведь вы хотите знать, можно ли крестить меня. Это ваш долг, потому что мусульман в целом считают лживыми. Но теперь я должен вам кое-что рассказать».

С того времени, как я получил Библию, я очень много её изучаю. При этом у меня возникали всё новые вопросы, на которые я не мог найти ответов. Но я всё равно искал полную истину. Однажды я сидел на этом месте и в отчаянии воскликнул: „О Господь Иисус, ведь Ты воскрес

из мёртвых и живёшь, и Библия здесь говорит: 'Се, Я с вами во все дни до скончания века!' Откройся мне, я ищу Тебя!"

После этого крика я открыл глаза и увидел, как Он стоит передо мной с распростёртыми руками и с таким взглядом, который я не могу вам описать. Я вскочил и хотел броситься в Его объятия — но Он опять исчез. И теперь, дорогие братья! Я видел Его, и я Его собственность и хочу это засвидетельствовать тем, что хочу принять крещение, как написано в Римлянам 6:4. Поступайте теперь, как считаете нужным».

Это простое свидетельство глубоко тронуло нас. Ночью мы вместе с приглашёнными свидетелями — братом Мусой Махмуди и одной русской баптисткой — вышли из города и крестили Мамаджана в речке. По возвращении мы отпраздновали впятером вечерю Господню с великой радостью и благодарением. Мы знали, что Господь среди нас.

Почему мы преподали крещение глубокой ночью, а не светлым днём? Это был мусульманский город. Жители бы никогда не допустили крещения. Была даже опасность, что нас за это могли убить.

На следующий день мы уехали, и при этом, как обычно, использовали возможность раздать среди пассажиров трактаты. В связи с этим состоялись беседы с пассажирами о вере и спасении их души. Мусульмане того времени были очень религиозны и с удовольствием беседовали о религии и духовных книгах.

Глава 12: Восстание ямудов

В эти дни 1916 года я прочитал в Туркестанской газете следующее сообщение: «Туркмены с большим трудом овладели Хивой. Сеид-Испандьяр, его двор и одно немецкое село были разграблены и вырезаны».

Старый князь Сеид-Мухамет-Хан к тому времени уже умер, и ханом был его сын Испандьяр. Но он не мог справиться с ямудами и не обладал авторитетом отца. Так дело дошло до восстания туркменов. Узбеки, к которым относился и хан, были миролюбивым народом; туркмены же, или ямуды, напротив, были гордые и смелые, но одновременно агрессивные и склонные к разбою. Уже за несколько недель ямуды овладели западной частью страны и захватили столицу Хиву.

Хотя в самом начале восстания хан Испандьяр попросил помощи у русских, эта помощь опоздала. Хан, его двор и многие другие князья и жители были убиты. Прочитав эту телеграмму, я тут же собрался в Хиву. В Ташкенте я задержался у брата Янцена и всё ему рассказал. Он быстро собрался и сопровождал меня до Чарджоу, чтобы по дороге раздавать Библии и трактаты. За 34 часа, через Чину, Джизак, Самарканд и Бухару, мы добрались до Чарджоу у Амударьи.

Там мы хотели зайти к одному брату-баптисту, но полиция задержала нас и отвела к комиссару. Он проверил наши документы. Моё имя было записано в русской форме и звучало не Херман, а Герман (в русском переводе нет букв с придыханием). Он позвал других сотрудников и закричал:

«Вот, аж досюда немцы прислали своих шпионов! В карцер, обоих!»

Я сказал ему: «Я российский подданный и родился в России, также и мой друг. Мы уже много лет живём в округе Аули-Ата, и вы ещё спрашиваете, кто мы?» Он принял мой протест, но ночь

нам всё равно пришлось провести в полицейском отделении. На следующее утро нас со многими извинениями отпустили. И мы, наконец, могли пойти к брату-баптисту, которого мы знали раньше, и который нас хорошо принял.

Но у меня было одно-единственное желание — попасть в Петроалександровку и Хиву, и притом как можно скорее. Единственный пароход на Амударью ушёл два дня назад. Тогда я познакомился с одним уральским казаком, который жил в Петроалександровке. И мы договорились с ним, что купим рыбацкую лодку и вместе отправимся до Ханки, что расположена напротив Хивы. А он поплывёт дальше до Петроалександровки.

Купив лодку, мы в тот же вечер отправились из одного тихого места. Всё же было военное положение, и Амударья строго охранялась. Брат Янцен и другой брат проводили нас до лодки. Без всяких препятствий мы добрались на четвёртый день до Ханки. Казак отправился дальше, а я пошёл пешком.

В длинном хивинском халате с мешком на спине я с трудом пробрался через прибрежный кустарник к селу Хааке, километрах в четырёх от берега. Меня догнал один хивинский рыбак, ведя на поводу осла. Я попросил его сесть верхом на его осла. Он согласился. И так я сел на это ленивое животное, в то время как рыбак бежал рядом и подгонял осла.

Мы приблизились к городским воротам, и я уже заметил, что русские солдаты задерживали и проверяли всех, кто хотел попасть в город. Но мне удалось проскользнуть без проверки, и так я подъехал к воротам дома, где жил городской управляющий Аминбей — знакомый из старых времён.

Весь двор был полон казаков, которые стянули меня с осла и хотели знать, кто я. По одежде я был хивинец, но голубые глаза этому не соответствовали. Это вызвало подозрения. Один офицер подошёл и рявкнул: «Кто ты?»

«Я один из немцев из Ак-Мечети».

Сомневаясь, он раскрыл записную книжку и сказал: «Назови мне всех ак-мечетинцев по имени и по порядку их проживания». Я назвал, и он отпустил меня. Как раз в этот момент появился и старый друг Аминбей и дружелюбно со мной поздоровался, сказав при этом офицеру: «Он уже много лет мой друг, из Ак-Мечети».

Так всё пришло в порядок, и я остался у Аминбея. На следующее утро он отправил меня верхом со своим слугой в Ак-Мечеть, это 45-километровая поездка.

Как велика была радость всех моих родственников и друзей, когда они увидели меня. Все были очень бледными и уставшими. Они взволнованно рассказывали мне, что произошло. Опасность была для них очень большой, потому что ямуды хотели их всех убить как друзей хана Испандьяра. Но один ямуд-друг сообщил им об этом намерении. Он сказал: «Послезавтра, в понедельник, будет этот день.

Тогда должен был примчаться отряд ямудов и всех уничтожить».

Тогда вся община собралась в церкви и всю ночь и все следующее воскресенье постилась и молилась. Вечером Хиву со стороны Ак-Мечети стали обстреливать русские пушки. Тем самым ямуды были вытеснены из села. Бой продолжался два дня. Отступив на 150 километров, ямуды сдались. Восстание ямудов плачевно провалилось. А из рода Бегадулов в живых остался только один брат хана Испандьяра — Сеит Абдулла.

Сеит-Абдулла я хорошо знал с юности и решил навестить его. Я поздравил его со спасением и оставался у него четыре дня. Он явно был очень рад моему посещению, но всё ещё находился под впечатлением недавних событий и говорил: «Дорогой мой Яман-Ага (так меня там звали), мой отец, у которого вы много лет служили переводчиком, умер естественной смертью. Но его последователь, Сеит-Испендьяр, и все остальные мои братья были убиты ямудами. Теперь хан я. Но каким будет мой конец?»

Весь день я должен был оставаться рядом с ним, и у меня была хорошая возможность говорить с ним о спасении его души. При этом я достал из кармана Новый Завет на узбекском языке и дал ему один экземпляр. Он с радостью взял его в руки, и мы остаток дня провели на его веранде, углубившись в чтение Писания. Всё было для него ново и незнакомо. Я понял, что он был очень внимателен ко всему, о чём мы говорили и читали. Таким же образом мы провели и следующие дни. Потом мне нужно было уезжать. Хан передал мне свою великолепную фотографию, на обратной стороне которой написал: «Моему любимому брату (брат в русском звучании) Яман-Аге на память о нашей встрече в самые тёмные дни моей жизни в 1916 году в Хиве». И подписал: Сеит-Абдулла Багадур Хан.

Когда в 1918 году в город пришли большевики, его правление было свергнуто. Абдулла, лишившись всего своего состояния, должен был до самой смерти работать слугой. Это было последнее сообщение, которое я получил о нём.

Тогда я быстро добрался до парохода в Ургенче, на котором, спустившись по течению, достиг Чарджоу. Моё прощание с родными в Ак-Мечети было очень коротким. От Чарджоу поезд за три дня довёз меня до конечной станции Аули-Ата, и оттуда бричка повезла меня в Орловку.

Глава 13: Волнения среди киргизов

По дороге извозчик сообщил много дурных вестей. Российское правительство призвало теперь на военную службу и мусульманское население Туркестана, но не для того, чтобы с оружием воевать против немцев, а для рытья окопов. Киргизы воспротивились и стали в своих мечетях молиться Аллаху о победе немцев над русскими. Они считали, что если их уже призвали в армию, значит, германцы перестреляли всех русских, и они теперь должны будут занять их места.

В русских селах все мужчины от 17 до 45 лет давно уже были призваны. Остались только старики, женщины и дети. Теперь киргизы собирались в отряды и банды, нападали на села, ужасным образом убивали людей и грабили дома. Затем сёла поджигались. Дома мне всё это подтвердили. Страх и паника росли невероятно. Многие отправляли своих дочерей подальше. Нашу дочь Анну мы отправили к родственникам в Самару у Тракта, где она жила целый год. Таким образом, киргизы уничтожили в местности Истиккуль Приснек, что недалеко от нашего села, сорок русских деревень. Они уничтожали не только дома, но и все посева, так что практически всё было потеряно.

В одну светлую лунную ночь большая группа киргизов появилась на нашем дворе. Мы со страхом увидели, что все были вооружены. Один из них сошёл с лошади и подошёл к окну, за которым спал я. Он явно хорошо ориентировался. Он

позвал меня по имени. Я открыл окно и спросил, что он хочет. Он ответил: «Наши предводители послали нас за вами. Мы стоим большим лагерем у Ключевки. Предводители хотят с вами посоветоваться, потому что вы немец. Быстро седлайте лошадь и поехали с нами. Совет должен закончиться до утра, а нам ещё ехать двенадцать километров».

Сопротивляться каким-либо образом было бессмысленно. Это была и вежливая просьба, и серьёзная угроза одновременно. Успокоив жену и детей, я отправился.

На большом пастбище собралось около тысячи киргизов. Главари сидели на возвышении и ждали меня. Они вежливо пригласили меня сесть посередине. Затем один из них, видимо самый главный, начал:

«Друг Рахман-бай (так меня называли в этих племенах), мы пригласили вас, чтобы кое-что с вами обсудить. Как вы знаете, мы хотим покончить с русскими. Немцы перебили всех русских, и те теперь хотят забрать нас в армию, так что мы решили помочь немцам отсюда. Мы их друзья и всё время молимся за них в мечетях. Ведь их паша, кайзер Вильгельм, несколько лет назад посетил в Константинополе Сеит-Хамид-пашу, султана Турции. Он также ходил в пятницу (мусульманский священный день) вместе с султаном на служение в мечеть с белым тюрбаном, как и султан. После того, как германский паша попросил руки дочери султана для своего сына (на самом деле ничего такого не было), мы теперь добрые друзья с немцами.

Мы знаем, что в ваших восьми селах живут немцы и что вы также против русских, как и мы. Русские относятся к вам так же, как и к нам. Это мы видели при поставках лошадей: там, где русский крестьянин должен был отдать одну лошадь, у вас забирали двух. Русские ненавидят вас так же, как и нас. Но теперь наступило время мести. Сорок сел уже стерты с лица земли. Теперь остались Александровка, Димитровка, Ключевка, Водное и Александровка.

Ваши села расположены как раз между ними, но с вами ничего не случится. Чтобы охранять вас, мы уже несколько ночей окружаем их постами, которых никто, конечно, не должен видеть. Но они следят, чтобы кто-нибудь из наших людей нечаянно вас не тронул. Теперь вот наш совет: пойдёте с нами и отомстим нашему общему врагу.»

Лихорадочно стараясь сохранить спокойствие, я начал говорить: «Друзья, я очень благодарен вам за то, что вы так пошли навстречу и за ваше доверие. Но я должен вам сказать: насколько правда то, что вы говорите о нашем отношении к русским, настолько верно и то, что во всех наших селах живут христиане, которым Христос запретил мстить. Поэтому мы не можем идти с вами. Но если вы желаете, я могу дать вам совет.»

«Мы полностью доверяем вам, Рахман-бай, потому что знаем вас много лет. Поэтому мы знаем, что вы дадите добрый совет.»

«Дорогие друзья, вы думаете, что вас призывают в армию, потому что уже расстреляно очень много русских. Но это большая ошибка. Россия гораздо больше, чем вы думаете, и она может призвать ещё очень много солдат. Вы это ещё увидите. Я не ошибусь, если скажу вам: может быть уже очень скоро придет много солдат, чтобы наказать вас. Среди них будут много отцов и сыновей тех, кого вы убили. И они будут мстить. Поэтому я советую вам, как ваш друг: уходите как можно скорее со всем, что у вас есть, в горы. Подождите там десять дней и увидите, прав ли я.»

После этого все предводители собрались на совет. Совет длился довольно долго. Наконец меня опять позвали в круг. И опять самый главный заговорил со мной, при этом он встал передо мной:

«Дорогой Рахман-бай, мы решили принять ваш совет и последовать ему, потому что знаем, что вы желаете нам только добра.»

Тогда собрали всех мужчин, и главный повторил им всё, о чём мы советовались и что решили. Затем он поднял руки к небу и воскликнул: «В знак того, что мы приняли совет нашего друга

Рахман-бая, поднимем все к небу руки и скажем: «Аллах-га шукур!», что значит «благодарность Богу». Это общее восклицание из более тысячи уст прозвучало как удар грома. Затем последовала команда: «Все бегут со своими юртами, скотом и семьей в горы до следующего призыва!»

Но нового призыва не последовало. Как я и предполагал, прибыли тысячи русских солдат, среди них отцы и сыновья убитых, и мстили всякому, кто назывался киргизом и попадал им в руки, причём мстили ещё ужаснее, чем в своё время киргизы. Солдаты проникали далеко в долины и горы и уничтожали всё, что только находили. Но многие богатые киргизы, вместе с награбленным добром, среди которого было много девушек, бежали в Китайский Туркестан, что находился в пяти дневных переходах отсюда.

Глава 14: Подвластью большевиков

Сразу через год, в 1917, разразилась революция со всеми её страшными последствиями. Миссионерскую деятельность запретили, и мне пришлось сидеть дома, тихо и без дела. С одной стороны это было для меня действительно полезно. Но покой продолжался недолго. Уже в июле новое правительство издало указ, чтобы все народы и племена избрали делегатов, которые бы представляли интересы общин в бывших губернских городах.

Наша община, состоявшая из 12 деревень, избрала меня, потому что я, кроме русского, знал все четыре мусульманских языка, на которых говорили в огромном Туркестане. Сотрудниками и советчиками мне выбрали братьев П. Я. и Г. М., которые также имели право голоса. Уже в том же месяце все делегаты Туркестана должны были собраться в большом здании губернатора. Сам губернатор со всеми подчинёнными был арестован и снят с поста. Так как нам всем было чуждо и незнакомо правительство без избранного или назначенного главы, то был выбран председатель, коммунист и одновременно противник всех до сих пор существовавших форм управления. Это был господин Керенский, который позже некоторое время был правителем России. Любой вопрос решался большинством голосов. В этом совете было 5 процентов европейцев и 95 процентов мусульман, которые, естественно, всё решали в своём духе.

Из Москвы постоянно прибывали красноречивые учёные мужи, обозлённые долгой войной, которые ругались и натравливали на царское правительство. Собрания продолжались много дней. Нам, троим менонитам, сказать было особенно нечего. Из Москвы каждый день поступали новые предписания, так что смятение всё возрастало.

Мы трое жили тогда в хранилище Библий у брата Янца. В свободное время мы, как обычно, ходили в старый город и беседовали с нашими мусульманскими друзьями. Но большего достичь мы не могли.

При встречах делегатов о религии особенно не говорили, хотя время от времени какой-нибудь «высокоуважаемый» московский оратор грубо и презрительно высказывался о полах. В конце концов они становились виноватыми во всех несчастьях.

Когда мы вернулись из Ташкента, нам постоянно приходилось участвовать в советах в Аули-Ате. Но в октябре опять нужно было ехать в Ташкент, где в это время было волнение.

С 25 по 28 октября продолжались кровавые бои, в которых погибло много людей. Большевики воевали против левых революционеров. Большевики, в отличие от левых, были все хорошо вооружены. В крепости были также и некоторые солдаты царской армии, их уложили первыми. Затем победители прошли по всему городу и жестоко уничтожали всех, кто попадался им на

пути — мужчин, женщин и детей. Вскоре улицы были полны трупов. Председателя левой партии они живым посадили в топку локомотива, готового к отправке, и сожгли его там. Это был один мой старый знакомый Баронев, бывший директор государственного банка, деликатный человек. У него осталась молодая жена с несколькими детьми.

Во время этих страшных событий мы, трое менонитов, сидели у брата Янца в подвале.

Когда всё утихло, победившие большевики устремились в дома так называемых «богатых бюрократов», чтобы реквизировать всё, что осталось, для нового правительства. «Грабеж» было капиталистическим выражением, которое большевики к себе не применяли.

Как только появилась возможность, мы собрались домой, с постоянным страшным вопросом в сердце: как там дома? Мы добрались до Чимкента и с большим облегчением увидели, что там всё спокойно. Мы проезжали через многие русские села, но там ничего не знали о том, что произошло в Ташкенте. Дома всё тоже было спокойно.

Но вскоре и в наших селах появились большевики и их комиссары, которые собирали большие собрания. Все старше шестнадцати — мужчины и женщины — должны были там присутствовать. Произносились громкие речи о счастье и благополучии, но прежде все должны были стать членами партии. У нас, менонитов, они нашли мало понимания.

Хранилище Библий нам пришлось в 1918 году закрыть. Поэтому брат Янцен вернулся со своей семьей обратно и жил в Николайполе. Потом он некоторое время работал в Орловке учителем. Между Орловкой и Николайполем было семь километров. По воскресеньям он часто служил нам в школе Словом Божиим, и мы получали богатые благословения.

После жатвы до нас дошли строгие приказы сдать всё, что было у нас лишним, или что считалось государственной собственностью. Всё это нужно было доставить в Александровку, которая располагалась в 35 километрах от нас. Это было тяжёлым ударом для крестьян, но ничего нельзя было изменить. Вскоре прибыли представители власти и забрали у нас плуги, веялки, косилки и множество телег.

Кроме того, каждые три месяца в нашем округе устраивались выборы. Ни один из выбранных не имел права отказаться от избрания, иначе его считали контрреволюционером, то есть царистом, и соответственно с ним обращались. Во время одних таких выборов несчастье пало на меня: я получил на выборах окружных комиссаров столько голосов, что стал заместителем главного комиссара. Этот комиссар, бывший военнопленный из Галиции, звали его Сорока, был неплохим человеком, своего рода чистый коммунист, оставшийся в России, но любил выпить.

Теперь я должен был каждый день работать вместе с ним в окружной канцелярии и поэтому был вынужден всё время находиться в городе. По вечерам я часто ходил в старые кварталы, где мог поговорить со своими мусульманскими друзьями о более важных делах, чем о печальных событиях в нашей стране.

Почти каждый день в комиссариате проходили заседания, где должны были присутствовать все делегаты округа. По примеру Москвы, через Ташкент, мы быстро принимали новые решения. Как уже говорилось, нас было 5 процентов, а мусульман — 95 процентов. Угнетаемые раньше царским режимом, они теперь были настроены враждебно. Так как большевики дали им вначале больше свободы, почти все они стали членами партии и поэтому имели власть во всех других инстанциях. И для них было само собой разумеющимся мстить своим бывшим господам.

У Сороки и у меня было очень тяжёлое положение, потому что они принимали массу

неразумных и ненужных решений. Грамотные мусульмане держались в стороне и не хотели иметь ничего общего с большевистской идеологией. Но, несмотря на это, мусульмане большинством голосов проталкивали свои вопросы, и в этом их поддерживали вернувшиеся с фронта. Все эти вернувшиеся солдаты были глубоко озлоблены и разочарованы. Многие из них работали писарями в канцеляриях, где главенствовали мусульмане.

Осенью из Москвы пришёл закон об экспроприации и к нему приказ, чтобы каждый народный представитель подписал этот закон. Все делегаты снова собрались вместе и заранее предупредили, что отныне нет больше слов «моё» и «твоеё». В собрании делегатов закон положили для подписания. Большинство согласилось. Но я воспротивился, и президент потребовал от меня объяснений. Я встал и сказал: «У нас в селе есть сосед, который двадцать лет назад приехал из России в Туркестан молодым человеком с женой и двумя детьми. Всё это время он тяжело работал и приобрёл немного земли. Если я подпишу этот закон, то заберу его собственность. Значит, я должен спросить себя: зачем этот человек все эти годы работал? Он настоящий революционер. И таких случаев много. Ведь Ленин говорил нам, что большевики должны заботиться о пролетариате и поддерживать его. Поэтому я не могу подписать этот закон».

Тогда все делегаты закричали на меня: «Долой его! Долой Янца! Он контрреволюционер, монархист, капиталист». Другие кричали: «И он как миссионер перетянул некоторых наших людей из мечети в своё учение» и так далее.

Я встал и вышел из зала. В своей квартире я сразу лёг спать, так как было уже поздно. Через пару часов меня разбудил стук в дверь. Я встал и спросил, кто там. Мне ответил знакомый голос Ибраимова, председателя коммунистической партии мусульман, который был одновременно председателем ГПУ, грамотный татарин и мой хороший друг. Он сказал: «Дорогой друг Янца, как неразумно вы поступили сегодня, не подписав закон об экспроприации! Знаете, что потом произошло? После заседания меня вызвали в Отделение по важному вопросу. Когда я пришёл, то услышал, что речь идёт о вас. Было решено убрать вас с дороги, расстреляв. Завтра в 7 часов за вами придут солдаты. Сам я, конечно, ничего не мог сделать. Но, как старый друг, который часто бывал в вашем доме, я должен вас предупредить. Я делаю это по закону мусульманского гостеприимства и теперь свободен от вашей крови. Вот ваша лошадь и седло. У вас ещё есть время бежать. Пусть Аллах будет с вами и защитит вас. До лучших времён». С этими словами он исчез.

Я быстро оседлал коня, поехал к своему коллеге сказать ему, что случилось, не называя имя того, кто меня предупредил, и передал ему печать и ключи от канцелярии. Он пожелал мне удачи, и я уехал. До Орловки было 65 километров. Но темная ночь защитила меня.

Дома я рассказал жене и детям — они уже были женаты — о своём положении. Я решил, что меня прежде всего будут искать дома. Поэтому хотел бежать в горы, чтобы спрятаться у каракиргизов.

Так я сел на коня и поскакал в горы.

Всё произошло, как я думал. Солдаты искали меня дома, обыскали весь дом и забрали всё, что им понравилось. Это было тяжёлое время для моей семьи.

Весь день я прятался высоко в горах, а ночью тихо спускался к какому-нибудь аулу и оставался там на ночь. Но прежде я убеждался, нет ли в ауле солдат. Убедившись в их отсутствии, я выбирал лучшую юрту, чтобы не быть обузой бедняку.

Меня всегда принимали очень приветливо и давали всё лучшее, так как все они знали меня много лет. Когда мы сидели вокруг казана, где варилось мясо, я мог проповедовать им Евангелие и беседовать с ними о спасении их душ. Они внимательно слушали и задавали много вопросов. В такие вечера приходили почти все жители аула. Так я жил среди них более четырёх месяцев, переходя из аула в аул. Меня ни разу никто не выдал.

Однажды вечером я был гостем одного сартского муллы (духовное лицо), женатого на каракиргизке и работавшего среди этого народа учителем. Вдруг я услышал, что на улице кто-то спрашивает меня. Я сжался от страха, но потом узнал голос своего любимого сотрудника, брата А. Янца. Он тут же сошёл с коня, и мы приветствовали друг друга в юрте. Это был настоящий сюрприз! Он много дней искал меня и, наконец, нашёл.

Я хотел знать, почему он искал меня. Он сказал, что его побудила к этому только любовь ко мне. Он хотел разделить со мной мою участь. Я попытался объяснить ему, что, хотя его план и свидетельствует о доброй дружбе, но он неосуществим; мне же нужно было каждое утро уходить в высшие регионы гор. К этому времени уже наступила глубокая осень, а значит, там часто было очень холодно, к тому же шли дожди, а иногда непрерывно шёл снег. Разводить костёр нельзя было — он бы выдал нас.

Но он оставался непреклонным в желании разделить мою участь. Так мы много дней были вместе. Его любовь очень мне помогала, но с другой стороны меня угнетала мысль, что он в такой же опасности, как и я. Поэтому я сказал ему: «Дорогой Абрам, я знаю, что меня ищут. Представь себе, что однажды они меня всё же найдут. И, к несчастью, ты будешь со мной в этих диких местах. Тогда с тобой поступят так же, как и со мной. А ведь ты им ничего не сделал, и они ничего против тебя не имеют.»

Мои постоянные уговоры всё-таки убедили его. И однажды мы расстались друг с другом, как Давид и Ионафан. Он печально отправился домой.

Погода в горах в конце концов стала невыносимой и для меня. Я так тяжело заболел ревматизмом, что уже не мог выдерживать боли. И я сказал от боли и отчаяния: «Господь Иисус, я не могу так больше жить. Я должен сдать большевикам и ГПУ. И если будет Твоя воля, что они меня расстреляют, то пусть будет так.»

И так однажды ночью я окружным путём вернулся домой и рассказал своим родным о своём решении. Они тоже не видели для меня другого выхода. Два дня я ещё скрывался дома. А незадолго до этого за мной опять приходили и искали меня везде, даже в соседних сёлах. И, наконец, я должен был попрощаться. Ночью я окружными путями отправился в город. Мой младший брат, которого я ещё посетил, поехал со мной, чтобы забрать обратно лошадь.

Когда я явился в городе в ГПУ, все господа очень удивились. Я объяснил: «Я знал, что вы присудили меня к смерти. Хотя я только ради общего порядка вступился за пролетариат. Я бежал, потому что не хотел быть расстрелянным только потому, что поступил по совести. Я никого из своих близких не хочу заставлять что-либо делать насильно, и поэтому чувствую себя невиновным. Но теперь я болен и не могу больше жить в горах. Поэтому я пришёл добровольно, чтобы сдать. Если вы хотите меня расстрелять, вот лежит револьвер. Я распрощался с этой жизнью и готов умереть.»

Тогда они удивились ещё больше. Они встали и ушли в другую комнату посоветоваться. Вернувшись, они отправили меня с двумя солдатами в тюрьму. Для моих ревматических суставов это было невероятно тяжело. Брат Генрих забрал мою лошадь и короткое прощальное письмо для моих родных, которое солдаты разрешили мне написать, и печально

отправился домой. Меня привели в маленькую камеру, где ночами я должен был лежать на холодном асфальтовом полу. Кровати не было. Что я пережил, не могу описать; Господь знает. В таком состоянии я провёл одиннадцать дней и ночей. Той еды, что давали, здоровому человеку едва ли хватало. Но у меня не было аппетита, и я ел мало. На двенадцатый день два солдата с большим трудом вывели меня из клетки. Я думал, что теперь мне дадут спасительную пулю. Но случилось другое. Через большой, окружённый высокими стенами тюремный двор меня провели в соседнее здание, где была квартира и канцелярия тюремного комиссара.

Комиссар сидел за зелёным столом, перед ним лежали всякие бумаги. Он посмотрел на меня и спросил: «Имя? Женат?» и т. д. Записав все ответы, он сказал:

«Я вижу, ты болен. Кто тебя арестовывал?» Еще раньше, когда я отвечал на его вопросы, он заметил в моем кармане книгу и теперь хотел знать, что это. Я ответил: «Это моя карманная Библия».

«Разве ее у тебя не забрали во время ареста?»

Я сказал, что у меня забрали часы и кошелек, а Библию не забрали.

«Ты разве еще веришь в Библию?» Мой ответ был: «Да!», на что он громко рассмеялся и сказал: «Ну хорошо, возьми Библию и прочитай мне что-нибудь из нее.»

Я взял из кармана Библию. Недолго думая, я раскрыл ее. Это была 3 глава Исаии, которую я ему прочитал. Он прервал меня: «Кто это написал? Это же именно то, что мы сейчас переживаем в огромной России!»

«Это написал пророк Исаия.»

«Когда он это написал?»

«Лет за шестьсот до рождения Христа.»

«Как он мог знать то, что у нас теперь происходит в России? Ведь многое точно совпадает с тем, как оно у нас сегодня.»

«Ему это продиктовал Святой Дух Божий.»

Он был очень удивлен и долго раздумывал. Наконец он спросил, во всех ли Библиях это написано. Я ответил утвердительно. Еще подумав, он сказал: «Мне нужна Библия.»

На это я попросил у него лист бумаги, перо и сказал: «Я напишу записку моему другу здесь в городе, и он достанет вам Библию.»

Через несколько дней меня опять привели к нему. Увидев меня, он закричал: «Ты обманул меня! У меня теперь есть Библия, и я всю ее обыскал, точно ли там это написано. Но там этого нет.»

Я уверил его, что и в его Библии имеется тот же текст, раскрыл ту главу и дал ему прочитать. Он был поражен. Наконец он сказал: «Мне нужно изучить Библию. Поэтому я буду каждый день вызывать тебя сюда как писца, и мы будем изучать вместе. Я вижу, ты болен, тебе нужна кровать.»

Как он сказал, так и было. Как писец я имел теперь свободу до и после обеда без сопровождения входить к нему и выходить; и мы вместе изучали Библию. В это же время было судебное разбирательство, и мне было разрешено посетить дом, мне выдали постель, подушку и другое. Я даже попросил принести мне Писания и трактаты на русском и узбекском языках и раздавал их среди других заключенных.

В мою камеру однажды привели огромного, чернобородого, длинноволосого и очень угрюмого человека. По разговору он был сибиряк. Мне сказали, что он грабитель церквей и убийца. Я подумал про себя: вот так общество! Он никогда не разговаривал, если его не вызывали на разговор. В основном он тихо лежал на своем затхлом соломенном матраце и, казалось, чувствовал себя совсем неплохо. Но он много ругался на плохую еду. Когда я что-нибудь получал из дома, я делился с ним. Это ему очень нравилось. Потихоньку он оттаивал передо мной, но очень немного.

Однажды мы получили большой кусок хлеба, который нам нужно было поделить. Ножа не было, и мы стояли в нерешительности. Вдруг он полез под стол и вытащил спрятанный там кинжал. Я испугался и удивился, как ему это удалось. А он хладнокровно и спокойно сказал: «Возьми нож, он еще новый. Им я еще никому не перерезал горло, на нем еще нет крови. Раздели хлеб, потому что ты старше из нас двоих.» И я это сделал.

Позже в нашу камеру привели еще одного казака-офицера. У него была ранена нога, и он хромотал. Это был приветливый, симпатичный человек с открытым характером, он много рассказывал и красиво пел. Здесь я должен добавить, что заключенные были почти все открыты друг перед другом и рассказывали о своих преступлениях вполне честно и не стыдясь. Они исходили из того, что все мы равны, иначе не были бы здесь.

Так было и с казаком-офицером. Он рассказал, что после государственного переворота, когда царская семья была убита, он был настолько внутренне возмущен, что с осени 1917 до 1918 года он воевал против красных во главе большого отряда. Наконец он, тяжело раненный, попал в плен. Чтобы не быть узнанным, он выбросил свою офицерскую форму и назвал себя другим именем. В камере он лежал близко около меня. Вскоре он заметил, что я молюсь и читаю Библию. Через это он так доверился мне, что высказал все, что было у него на душе.

«Я отпавший христианин, член баптистской общины. В этой долгой войне я огрубел и после развала царской России все больше разочаровывался и потерял все духовное. Пожалуйста, помолитесь за меня, потому что я очень несчастен.»

Я с удовольствием постарался это выполнить, и, наконец, он тоже начал молиться. Часто он пел многие русские гимны из «Гуслей» Проханова. Он также сам сочинял песни и записал их мне на память в тетрадь. Его мелодичный голос доставлял мне много приятного.

Из-за моего ревматизма я по ночам плохо спал. Чаще всего я засыпал к утру. Но в шесть часов всех заключенных будили через двери с большим шумом, и это было мне так неприятно. И чтобы избавить меня от этого, офицер незадолго до подъема тихим голосом пел мне в ухо красивую песню. Я получил от него много хорошего. Но однажды его забрали из камеры и расстреляли. Но я очень надеюсь встретиться с ним у Господа.

Наши уроки Библии с тюремным комиссаром проходили ежедневно в течение многих недель. И я стал замечать в нем видимые изменения. Но однажды его не оказалось. Тот, кто заменил его на этом месте, австриец и бывший заключенный, рассказал мне, что комиссар попросился в отставку. Его отпустили, и он вернулся на родину. И этого человека я тоже надеюсь встретить у Господа.

Каждый день в строго определенное время заключенным разрешалось двадцать минут прогуливаться по кругу в тюремном дворе. И здесь мне однажды под ноги упал снежок, брошенный через забор. Он разломился, и я увидел, что внутри лежал завернутый в бумагу кусок хлеба. Я быстро поднял его и спрятал в одежде, потому что наши прогулки строго охранялись. В камере я развернул пакет и нашел там следующие стихи:

Как хорошо, когда молчать
мы можем перед Богом,
и наш язык не распускать
пред Ним в роптании строгом.
Его спешим к ответу звать,
когда пути нам не понять,
которым Он ведет нас!
Пытаем мы: зачем же так?
Вздыхаем: что же будет?
Мы ропщем: что ж так без конца
всё не везет мне, люди!
О, участь горькая моя!
Достоин лучшей доли я,
чем мне нести досталось!
Но милосердный Бог молчит,
пока однажды чудно
Он Свое дело не свершит
велико и премудро.
И наш наступит час тогда,
и от стыда свои уста
открыть мы не посмеем.
Но если тьма пришла к концу,
то радостно воздать хвалу
твои уста стремятся.
И будешь ты сердечно рад,

пройдя все испытанья,

что молча их сумел принять

и кротко, без роптанья.

Когда же после всех земных тревог,

блаженной вечности преступишь ты порог,

то возликуешь громко к славе Божьей!

Позже я узнал, что это стихотворение бросила через забор моя племянница, чтобы утешить меня. И это было мне утешением. Но удивительным оставалось то, что оно упало под ноги именно мне, ведь она не видела меня из-за стены. И я возблагодарил за это Господа.

В это время немусульмане Туркестана тоже объединились в коммунистическую партию, чтобы лучше защищаться от применявших насилие большевистских мусульман, и их новый руководитель был мне хорошо знаком. Однажды председатели этой новой партии передали в мусульманское ГПУ петицию, где семнадцать руководителей жизнью ручались за мою политическую надежность и требовали моего освобождения. И все семнадцать человек подписались. На этом основании я был отпущен, чтобы продолжать работу заместителя окружного комиссара. Пять месяцев я прятался в горах и пять месяцев отбывал срок, как приговоренный к смерти. Освобождение пришло в 1919 году.

С этого времени мне нужно было присутствовать на всех партийных собраниях. Как представителю интересов нашей общины и русских крестьян из 75 сел мне с христианской позиции часто приходилось очень тяжело.

В это время в селах очень много реквизировали зерно, лошадей, коров, свиней, овец и т. д. Конечно, крестьян это не воодушевляло, и тогда некоторые давали выход своему гневу, говоря: «Янтцен такой же большевик, как и все другие в городе. Если бы он не был им, нас бы так не грабили». Хотя при этом они видели, что со мной и моими пятью сыновьями поступали так же. Мне было больно выслушивать их мнение, потому что мне было их всех действительно жаль!

Глава 15: Восемь «властелинов»

Никто не мог избавиться от этих и подобных им ситуаций. Был уже 1920 год, когда из Москвы в наши села приехали восемь делегатов. Это были немецкоязычные горячие коммунисты из Германии и Австрии, оставшиеся здесь пленными. Они получили от высшего правительства, Центрального Комитета, приказ большевизировать нас в школах и селах, чего бы это ни стоило.

Эти люди создали почти невыносимый террор. Они, например, совершенно произвольно требовали в любое время лучших лошадей и в короткое время их совсем загоняли. Или в течение пятнадцати минут требовали запряженную лучшими лошадьми бричку, чтобы сгонять в расположенную в тридцати километрах Димитровку. С этой поездки лошади возвращались полуживыми. И это только для того, чтобы напиться там водки, которой у нас не было. Между тем они каждый день устраивали пропагандистские собрания, где должны были присутствовать все, имеющие право голоса. И тогда работа на полях стояла. Никакие протесты

не помогали, они всегда угрожали армией из города.

Однажды они поделили между собой все восемь школ, в которых жили и наши учителя. Учителя были изгнаны из своих жилищ, и им ничего не разрешили взять с собой. Жена одного учителя запротестовала, тогда один из большевистских учителей схватил топор и тяжело её ранил.

Наши сельские комиссары сообщили мне обо всех этих насилиях. Наши люди составили настоящие протоколы. И об этих обстоятельствах я сообщил на наших заседаниях окружных комиссаров, где я протестовал против террора. Но ко мне мало прислушивались, потому что те восемь человек были посланы из Москвы с чрезвычайными полномочиями. То есть мы ничего не сумели добиться с поступившими ко мне 36 протоколами.

Наконец я стал советоваться с представителями наших сел, что делать дальше. В это время наша «восьмерка» получила из Москвы строгий приказ отправить наших учителей в Сибирь как контрреволюционеров.

После всей этой несправедливости я сам очень устал и потерял надежду. С моего двора забрали все сельскохозяйственные машины, и не только это. Был конфискован и мой большой дом. Обоих младших сыновей с семьями оттуда прогнали, а туда въехала одна большевистская семья. Таким образом, большевики стали полностью господами над нашим имуществом. И наши проповедники и члены церкви всё время приходили ко мне и настаивали, чтобы я ехал в Москву защитить наши права.

Я долго противился этим просьбам. Во-первых, моя жена ничего не хотела об этом знать. Её поддерживали и дети, ведь они уже достаточно натерпелись за меня в прошлом. Но наши старики не переставали просить, пока однажды ночью не уговорили меня. Они обещали в мое отсутствие полностью заботиться о моей семье. И так я, наконец, согласился со следующими словами: «Хорошо, я сделаю, что вы хотите, если жена и дети согласятся».

«Ладно, отец, поезжай и в этот раз. Всё равно всё пропадает, чего ты добьешься, там видно будет», — решила наконец жена.

На следующее утро начались большие приготовления для долгого путешествия. Нужно было напечь и нажарить на дорогу. Везде царил голод, потому что всё конфисковали, так что вымирали целые села. Но, наконец, всё было готово, и 10 декабря 1920 года я отправился.

От нас я мог сразу ехать железной дорогой, потому что несмотря на все волнения, её достроили до нас. В Ташкенте я встретил одного меннонитского брата из Александерталя в Старой Самаре, который как раз закупил для своего села сухофрукты и собирался уезжать. Мы договорились ехать вместе и ещё в тот же день уехали из Ташкента.

Поезда ехали очень медленно, потому что локомотивы отапливались дровами, угля не было. И так как мы ехали в северном направлении, становилось всё холоднее. В Оренбурге лежал снег и было невыносимо холодно. Для того чтобы нагрузиться топливом, пришлось стоять здесь один день. На перроне и на станции повсюду лежали замерзшие и умершие от голода. Иногда мы видели умирающих, но о них никто не заботился. Это было ужасное зрелище.

Наконец поезд отправился дальше на запад. Но на полпути к Самаре поезд застрял на станции Сорочинск в снегу. Бушевал леденящий снежный буран. Машинист закричал: «Мы не можем ехать дальше. Пусть каждый пассажир идет куда хочет или остаётся замерзать здесь в поезде».

Мы оба вышли и обнаружили худого крестьянина с ещё более худой лошадкой и саними. Мы спросили его, куда он едет. Он ответил: «Я ищу людей, которых бы мог куда-нибудь отвезти, чтобы немного заработать».

Мы попросили отвезти нас в Александерталь к немцам. Он засомневался, боясь, что его лошадь не выдержит такого расстояния в 120 километров. Но всё же он дал себя уговорить. На наш вопрос, сколько будет стоить дорога, он потребовал только хлеба и никаких денег. И так как наши мешки были полны продуктов, мы быстро договорились. Мешки погрузили на сани и отправились. Вскоре наш извозчик попросил поесть. Мы дали ему, и он был очень рад и благодарен.

Ночевали мы в попутных селах в здании милиции, потому что во многих домах были замерзшие и умершие с голоду люди. Так как у меня был с собой мандат окружного комиссара из Аули-Аты, и я мог показывать его милиции, там каждый раз заботились о том, чтобы дать нам тёплую комнату, самовар и корм для лошадей. Так что хорошо было и извозчику.

Если описать всё, что мы пережили в этой поездке, будет слишком много. К тому же я забыл, сколько дней мы были в пути. Наконец мы прибыли в Александерталь, где я остановился у проповедника И. Кливера. Нас с большой радостью приняли он сам, его жена и все родители. И наш «мужик» тоже мог несколько дней отдохнуть в благополучии.

Меннонитские села хорошо организовались в кооперативы и поэтому к тому времени ещё были сохранены от реквизиций. Поэтому жили они сравнительно хорошо.

Мне пришлось ждать там приблизительно пять недель, пока снова не стали ходить поезда. В это время я посетил многих родственников и друзей, а также моего двоюродного брата Иоганна И. Янца, который в настоящее время живет в Бразилии и служит проповедником и учителем. Я мог посетить и некоторых родственников жены. Я также много раз должен был выступать по воскресеньям в церквах и других собраниях. Но, наконец, я смог с полными дорожными мешками отправиться дальше в Москву. Там я нашел в главной квартире братьев Петра Фрезе и Корнелиуса Классена.

И вот началась борьба против восьми «властелинов», посланных из Москвы в Аули-Ату. Братья Фрезе и Классен верно помогали мне при хождении от одной инстанции к другой. Но многого мы так и не добились. Никто из больших людей не хотел верить, что члены их партии в 36 случаях тяжело согрешили против большевистских законов. С другой стороны, они не могли так просто отмахнуться от тех многих подписей. Поэтому я настаивал на своих требованиях призвать этих преступников большевистских законов к ответу и освободить нас от такого террора. Кроме того, следовало вернуть наших учителей из Сибири.

Однажды ко мне домой прислали представителя Коминтерна, также бывшего военнопленного, говорящего по-немецки. Он пришел с угрозами, но я оставался твёрд. Наконец ЦК пообещал призвать тех восьмерых к ответу и вернуть обратно учителей. А мне можно возвращаться домой. Это обещание я хотел иметь в письменном виде, потому что без бумаги и возвращаться не мог. Наконец братья Фрезе и

Классен добились, чтобы ЦК выдало такую бумагу. И я тут же отправился в обратный путь длиной в 5000 километров, на котором тоже было много препятствий и переживаний. Эта поездка туда и обратно длилась почти шесть месяцев.

Уже в день моего прибытия все, имеющие право голоса, были особенно строго и убежденно созваны «восьмеркой» на собрание. Я, конечно, тоже принял участие и сидел на первой

скамейке перед руководителем. Он встал и сообщил, что я по заданию всех жителей ездил в Москву, чтобы помешать им работать. И что я так представил там дело, что их теперь хотят судить и, возможно, расстреляют. Но, по его словам, всё это было неверно представлено. На этом основании они написали объяснение. Если община подпишет их объяснение, то их освободят от наказания. Как христианам и антимилитаристам нам должно быть невозможным отправить их на смерть. Скорее всего, всё было неверно представлено этим плохим христианином Янтценом, и он показал на меня пальцем.

Его речь действовала очень волнующе, и наши люди поддались ей. Некоторые говорили, что они совсем не это имели в виду. Наконец, я встал и спросил, держа в руках протоколы: «Дорогие сограждане, эти протоколы, что у меня в руках, истинны или ложны?»

«Конечно, они правильные», — был ответ.

Тогда я вытащил свой мандат делегата и ещё раз спросил: «Этот мандат ещё имеет силу? Я всё ещё являюсь вашим делегатом или вы уже избрали другого?»

«Нет, ты наш делегат и должен им оставаться».

Тогда я повернулся к «восьмерке» и сказал: «Вы это слышали?» А в собрание я крикнул: «Как ваш представитель и делегат, я являюсь общиной, и никто из вас не имеет права что-либо сказать. Поэтому оставьте сейчас это собрание и идите работать». Я ещё раз повернулся к тем восьми: «На этом я закрываю собрание. А вам остаётся теперь только выполнить то, что скажет и предпишет ГПУ, и, наверное, уже предписало. Все последствия вы должны приписать себе, а не мне». На этом я оставил помещение и пошёл домой.

На следующий день пришли некоторые наши проповедники вместе с руководителем «восьмерки» и начали просить. Руководителя я попросил немедленно покинуть дом. А моим дорогим братьям мне стоило ещё много труда объяснить, что они сами себя покажут лжецами, а меня приговорят к смерти, если подпишут «объяснение» «восьмерки». Наконец, они все вернулись в свои села.

На следующее утро все узнали, что восемь «властелинов» исчезли. Никто их больше не видел, и ГПУ тоже.

А через несколько недель наши учителя вернулись с севера домой, снова въехали в свои школы и без препятствий продолжали свою работу. И мне нужно было вернуться в окружной комиссариат.

Глава 16: «Чтобы все были едино»

Однажды на улице меня приветствовал один евангелист, член русской баптистской общины в Ташкенте. Брат Щетинин был очень одарённым оратором. Он рассказал мне, что Ташкентская община послала его на пару недель в Аули-Ату, чтобы евангелизировать. Ортодоксальная церковь уже преследуется, но они, баптисты, ещё могут трудиться беспрепятственно. Поэтому община решила действовать до тех пор, пока ещё день, ибо вскоре наступит ночь, когда никто ничего не сможет делать. Он уже арендовал зал и развесил пригласительные плакаты на собрания. Но никто не приходит. Может быть, я знаю, что делать.

Я его спросил: «Разве ты не знаешь русскую душу? Я помогу тебе. Завтра я поеду верхом в наши сёла. У нас там хорошие хоры. Я приглашу их недели на две приехать сюда и помочь нам

хорошими русскими евангельскими песнями».

Он очень обрадовался. На следующий день я разыскал регента хора братских меннонитов и всё ему рассказал. И тут же попросил его через день, то есть в пятницу вечером, приехать со своим хором в город. И чтобы они взяли на две недели продуктов, самовар и посуду, потому что в городе не особенно было что купить. И чтобы не забыли корм для лошадей. О крыше над головой можно не заботиться. Я арендую хорошо знакомый и теперь пустой караван-сарай, где всем хватит места.

Подумав, брат регент сказал: «Евангелист — это русский баптист. Я не знаю, согласятся ли мои хористы. Но я сделаю всё, чтобы они согласились. Ты и другой хор пригласишь?»

«Да», — ответил я. Другой брат дал мне такой же ответ. На следующий день я вернулся в город и приготовил всё, что обещал. И действительно, в пятницу вечером в большом караван-сарая появилась одна бричка за другой, полные хористов, с пением и шумом.

Брат Щетинин и я сердечно и с искренней радостью всех приветствовали, и в особенности обоих руководителей общин, брата К. от общины церковных меннонитов и брата В. от братских меннонитов. После того как все расположились, поели и попили, а до начала собрания было ещё время, я предложил пройти до зала собрания пешком по улице с пением. И потом посмотрим, что будет. Господь обязательно всё управит Своим Святым Духом.

Все согласились, и один хор из тридцати хористов с регентом во главе пошёл вперед, второй последовал за ним на определённом расстоянии. Все пели христианские гимны, и это вызывало у прохожих огромный интерес, так что многие пошли следом до зала, арендованного братом Щетининым.

Там были спеты некоторые гимны, и при этом жители города слушали с явным интересом. Затем я кивнул брату Щетинину, и он сердечно пригласил всех пройти в зал, где он хочет поделиться с ними чем-то важным. Вскоре зал был переполнен, многим не хватило места, и они стояли на улице, чтобы послушать через открытые окна. И шестьдесят певцов тоже должны были остаться на улице.

Когда все успокоились, брат встал и произнес захватывающую проповедь. После заключительной молитвы он пригласил всех прийти и на следующий вечер, так как у него ещё было многое, что он хотел сказать. Почти все пообещали прийти снова, и после заключительного гимна все тихо разошлись.

На следующий вечер у нас было такое же большое собрание.

Брат Щетинин говорил с большой радостью духа, а также и в воскресенье вечером. Мы все были убеждены, что Господь Словом Своим и Духом, Который явно действовал в сердцах людей, был среди нас. Об этом свидетельствовали и беседы с некоторыми участниками после собрания.

Когда мы в воскресенье после особенно благословенного утреннего собрания собрались на обед за длинным столом, и я увидел радостных хористов и других участников, я, наверное, улыбнулся. Потому что брат Щетинин спросил меня: «Дорогой брат Янтцен, скажи нам, почему ты именно сейчас улыбнулся, когда посмотрел на наше общество? Если это святая улыбка, то мы тоже хотим участвовать, если нет — тогда тебе нужно признаться и раскаяться».

Он загнал меня в тупик, и я подумал: если скажу полную правду, я поставлю в неловкое положение обоих братьев, пресвитеров общин. Лучше я промолчу. Но брат Щетинин настаивал

на ответе, и также оба пресвитера.

Наконец, я сказал: «Когда книжники однажды задали Иисусу вопрос, а Он не хотел отвечать, тогда Он задал им встречный вопрос и сказал: „Если вы ответите на Мой вопрос, тогда Я отвечу на ваш“. Их ответ был: „Мы не знаем“, на что Иисус сказал, что Он им тоже не будет отвечать. Так и я хочу задать вам вопрос. Если вы на него ответите, тогда и от меня получите ответ, почему я улыбнулся. Можете ли вы, трое братьев-книжников, сказать мне, почему Господь Иисус сказал Своим ученикам: „В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам“? И вот я сам себя спрашиваю, почему Господь Иисус так сказал? Ведь ясно, что в небесах нет холодной зимы и жаркого лета, ни снега, ни дождя, чтобы иметь крышу над головой».

Тогда братья засмеялись и ответили: «Брат Янтцен, ты придумал себе удивительный вопрос».

«Но это не ответ на мой вопрос», — заметил я. После всяких догадок они, наконец, сказали: «Мы не можем ответить на этот вопрос, потому что не знаем, почему Господь Иисус сказал это Своим ученикам».

«Хорошо, даю вам время до завтрашнего обеда, чтобы подумать. Может быть, вы тогда мне ответите».

Они согласились. Когда я на следующий день в обед спросил, могут ли они мне ответить, все трое сказали: «Нет!»

«Тогда я объясню по-своему и тем самым отвечу на ваш вопрос, и тогда вы можете обсудить или осудить мой ответ. Улыбнулся я вот почему: я посмотрел вдоль нашего длинного стола, посмотрел, как наши любимые хористы радостно и с удовольствием ели друг с другом и беседовали, и каждый радовался другому. И я подумал: здесь нет никакого разделения, все мыслят одинаково. Но, о горе! Если бы наш дорогой брат Щетинин, ведь он баптист, сказал: „Дорогие братья, Господь в Своей благодати приставил нас здесь в Аули-Ата к совместному труду, который мы с удовольствием делаем под Его руководством, чтобы пением и проповедью Евангелия призывать грешников к покаянию и рассказать им, как любит их всех Господь, что Он никого не изгоняет. Кроме того, мы все пережили, что Его Дух действует среди слушателей. И теперь я предлагаю вам, прежде чем мы примем пищу для плоти, встать на колени и поклониться Господу. Будем благодарить Его за то, что Он из нас сделал новое творение, так что мы теперь как дети Божии словом и песнопением поставлены в этом мире свидетелями Ему. Поэтому я ещё предлагаю: давайте прежде совершим вместе святую вечерю, а затем приступим к обеду“. Вот о чём я подумал, дорогие мои братья. И поэтому моя улыбка стала немного горче. Я знал, что если наш брат Щетинин сделает такое предложение, тогда бы ты, дорогой брат Б., вместе с членами своей общины, оставил это помещение с одной стороны, а ты, дорогой брат К., вышел бы со своими — с другой стороны. Это произошло бы, хотя мы знаем, что мы все дети Божии или, по выражению Павла, „члены тела Иисуса Христа“. Разве может быть более тесная связь с Ним и между собой? Может быть, поэтому мне в голову и пришла дурная мысль: может быть, поэтому Господь Иисус сказал Своим ученикам (приблизительно в этом духе): „Я вас знаю и в случае нужды приготовлю вам обители, ибо вы сами в самом высшем блаженстве не сможете переносить друг друга“? Братья мои, моё сердце истекает кровью, когда я думаю о том, каково состояние народа Божьего».

И я замолчал. Все трое братьев сидели и не вымолвили ни слова. И хористы совсем замолчали, обмениваясь лишь отдельными словами. Наконец, совершенно неожиданно, брат Б. встал и сказал: «Я хочу здесь признаться, что приехал сюда с несвятым предубеждением. И этим предубеждением стал, я думаю, препятствием в деле Господнем, а иначе благословение могло

быть намного большим. Мне действительно очень жаль». К этому признанию присоединился и брат К.

После ещё одной общей молитвы все сели в свои большие бички и вернулись домой. Вечером я, как обычно, пошёл в старый город к моим мусульманам, чтобы лично говорить с ними.

Глава 17: Новые проблемы

Хотел я того или нет, всё это время мне нужно было оставаться в окружном комиссариате, чтобы по возможности защищать интересы наших и всех других сел округа. Но в целом достижений было очень мало. Особенно тяжёлым был 1922 год.

Уже вскоре после экспроприации, когда и у киргизов забрали много скота, среди них начался сильный голод. Повсюду на наших полях и в степях лежали умершие от голода. Нас мучил ужасный запах тления, но это никого не волновало. И тогда я неоднократно вспоминал слово из Иеремии 25:32-33: «Так говорит Господь Саваоф: вот, бедствие пойдёт от народа к народу, и большой вихрь поднимется от краев земли. И будут поражённые Господом в тот день от конца земли до конца земли, не будут оплаканы и не будут прибраны и похоронены; навозом будут на лице земли».

Тогда возник вопрос: означает ли это большевизм?

Наступило ли время исполнения этих стихов? Когда несколько лет позже всякая религия и богослужения были запрещены, а всех пастырей иногда ужасным образом мучили и убивали, я очень часто думал об этих словах. Когда я высказал эти мысли в братском кругу в Европе, меня часто сочувственно высмеивали. Но сегодня, в 1950 году, многие думают совсем иначе.

Другая беда пришла с эпидемией тифа. Вымирали целые семьи. Также умер наш младший сын Франц, 15 лет. Двое других детей и я неделями лежали в постели, но выздоровели. Умер также после долгих страданий мой любимый брат Абрам. У его гроба слово сказал старый брат Франц Барч, бывший раньше учителем в Лизандерхё на Тракте. Он говорил очень проникновенно из Исаии 57:1: «Праведник умирает, и никто не принимает это к сердцу; и мужи благочестивые восхищаются от земли, и никто не помыслит, что праведник восхищается от зла». Как и его овдовевшая

жена с детьми, я тогда тоже потерял в нём очень многое. Общины это не так почувствовали, так как он был для них «слишком сильно настроен на объединение». То есть он одинаково любил всех детей Божиих, как и Небесный Отец, Который лучше всего оценивает значимость и незначимость различий в мнениях и учении. «Ибо мы отчасти знаем», — сказал Павел в 1 Кор. 13:9.

В те голодные годы мы устроили в обеих наших общинах столовые. Через день забивались два откормленных бычка. Мясо разрезали на мелкие кусочки и варили в больших котлах, добавляя картофель, мучную свеклу или пшено. И два раза в день кормили чашкой супа 400-500 киргизов. Они спали в больших пустых сараях на соломе. В свободное время им рассказывали библейские истории. Они учили стихи из Библии, прежде всего Иоанна 3:16, и рассказывали их перед едой. Это обучение проводили некоторые наши молодые люди. Время от времени я приезжал из города, чтобы проповедовать в церквях, проводя своего рода богослужения. Когда меня не было, им служили братья Г. Регир и Г. Р. Браун.

Этот труд мы совершали около года; затем поступил запрет, и дело остановилось. Кроме того,

наши общины, при всём желании, уже не могли больше находить необходимые средства. В конечном итоге это были те меры реквизирования, через которые Ленин создавал себе пролетариат.

Все, что было у нас конфисковано — зерно, картофель и т. д., — большими кучами лежало на перроне под открытым небом, строго охранялось и гнило под дождем и снегом. Вокруг от голода умирали целые роды, в основном кара-киргизы в горах. Наши и русские крестьяне еще как-то выживали. Умерло от голода и большое количество конфискованного у киргизов скота — лошадей, коров, верблюдов и мелкого скота.

Осенью этого несчастного 1922 года в Чимкенте появился молодой фанатичный коммунист, еврей из Москвы. Ему был дан приказ и власть от Центрального Комитета ликвидировать всех, отмеченных в ГПУ кулаков в Туркестане — в их селах или в гарнизоне, то есть расстрелять. Кулаки, как правило, когда-то имели работников или работниц. В Чимкенте мусульманское ГПУ, естественно, назвало всех русских крестьян, хотя все состоятельные узбеки всегда имели слуг. Этот вооруженный властью человек выставил названных трёхсот крестьян в ряд и расстрелял их собственной рукой! Никто ничего не мог сделать, потому что ему подчинился весь гарнизон.

В конце концов он прибыл и в Аули-Ату. Меня в городе как раз не было. И здесь ГПУ передало ему список с фамилиями русских крестьян и восемнадцать фамилий наших крестьян, которые когда-то раньше были состоятельными. В списках значилось и моё имя. Так как людей в списках было много, то ГПУ послало во все сёла солдат с приказом доставить названных людей. В городе их посадили в тюрьму.

Когда забрали меня и моего соседа Корнелиуса Валла, у которого когда-то был большой магазин, и привезли в город, мы встретили в тюрьме уже около четырёхсот товарищей по несчастью. Тюрьма была переполнена. Мы, восемнадцать меннонитов, вместе с некоторыми лютеранами и другими — всего человек пятьдесят — лежали в большой камере. Там были русские, армяне, грузины и немцы. Было так тесно, что мы частью лежали друг на друге. Заключённые теснились и под нарами. Воздуха было так мало, что почти невозможно было дышать, стены и нары были полны вшей. Ночью в углу стояла параша, и от неё воздух был ещё более спертым.

Почти каждый вечер в 9 часов этот кровавый человек проходил со своим секретарём и несколькими солдатами по длинному коридору и расставлял солдат на посты. Он сам заходил в отдельные камеры и выбирал себе жертвы. Они должны были выйти в коридор. Если, по его мнению, было достаточно, как рассказывали нам охранники, он отбирал всегда двадцать — двадцать пять человек, тогда их выводили в ближайший лесок и тут же расстреливали. Часто это происходило в присутствии охранников, которые на следующее утро всё рассказывали нам во время 15-минутного проветривания.

Однажды вечером настала очередь и нашей камеры номер 9. Когда кровавый человек вошёл, все возбуждённо вскочили. Мы увидели перед собой молодого человека, около 27 лет. Увешанный двумя тяжёлыми револьверами, он на поясе носил ещё кавказский кинжал. Рядом с ним стоял секретарь, видимо русский, с большой книгой под мышкой. Молодой человек ужасно ругался и закричал: «Я давно вас, кулаков, искал и, наконец, нашёл. Вот, посмотрите, моя власть от ЦК и приказ всех вас уничтожить без суда, т. е. этим револьвером отправить вас на луну».

Секретарь должен был раскрыть книгу и прочитать наши фамилии. Их было немного, но все стояли в высшей степени напряжённые, в ожидании, не будет ли названо его имя. Эта тишина

была для некоторых почти невыносимой. Названные выходили вперёд, иногда их было десять, иногда и меньше. И когда они стояли перед ним, он проклинал их, Бога, Иисуса, Божью Матерь и всех святых. Затем троим велел выйти в коридор, а другим сказал:

«Завтра, так же верно, как я тут стою, я отправлю вас на луну.»

Потом он оставил нашу камеру и делал то же самое в других камерах. Наконец, мы услышали, как открылись железные ворота. Раздались выстрелы, и никто из вызванных не вернулся обратно. Однажды в пять часов после обеда забрали одного моего старого знакомого, казака, усердного крестьянина. В десять часов вечера он был мёртв.

Как нам на следующее утро рассказали охранники, его жена и старшие дети последовали за отцом на телеге, потому что хотели видеть, что с ним будет. Он был честным и безупречным мужем. Женщина рискнула подъехать на своей телеге к тюрьме и остановилась. Задав лошади корма, она подошла к воротам и спросила, там ли её муж и что с ним собираются сделать. Охранник ответил, что не знает. Но вообще каждый вечер расстреливают заключённых.

После этого женщина вернулась к своей повозке. Сразу после этого вывели группу заключённых, и женщина узнала мужа.

В отчаянии она подбежала к кровопийце и молила о пощаде. Он не оттолкнул её, но велел позвать детей. На месте казни он заставил жену с детьми копать мужу могилу. Ей приказали рыть не так глубоко, чтобы рука могла остаться снаружи, чтобы вороны их могли найти! Она так и сделала. И чтобы почти обезумевшая женщина не унесла его тела ночью, у могилы поставили охрану.

Наши общины каждый день посылали к воротам гонцов. Те одаривали охрану, чтобы узнать, живы ли их родные. Получив ответ, гонец возвращался. Всё это охранники потом нам рассказывали. Дома наши родные каждый вечер собирались в церквях и молились за нас.

Однажды вечером, по предложению одного проповедника, все собрались и молились с постом 35 часов. И Господь услышал их молитву.

Когда однажды снова вывели некоторое число крестьян на расстрел, появился гонец с телеграммой для кровопийцы. Он раскрыл её и, по своей нервозности, прочитал вслух в присутствии охранников: «С получением этой телеграммы все ваши полномочия аннулируются. Немедленно возвращайтесь в Москву». На следующее утро охранники рассказали нам об этом. Сразу после этого кровопиец явился в тюрьму со всем ГПУ и объявил всем заключённым, что он отправляется в Москву на короткое время. Сразу по возвращении он нас всех ликвидирует, не сойти ему с этого места. Затем он повернулся к гэдэушникам и приказал не отпускать ни одного кулака, иначе он и их расстреляет. На этом он ушёл и исчез навсегда. Он никогда больше не вернулся.

Ещё долго после этого мы лежали в мрачном ожидании неясного будущего. Наконец, ГПУ узнало, что кровопиец не вернётся, и наши люди могли выкупить нас с помощью продуктов. Это тоже было не так просто, потому что в наших сёлах тоже уже почти ничего не было. У людей забрали всё. Но с помощью других жителей села мы, восемнадцать крестьян, наконец, освободились. Некоторые провели в тюрьме девять месяцев; я был там почти семь месяцев.

Вернулся я домой телесно и духовно разбитым. Так как общины за моё отсутствие избрали другого делегата, то я, наконец, был свободен. Меня также освободили от моих обязанностей в окружном комиссариате. Но меня не забыли. Почти каждую неделю приходили люди от ГПУ и с различными угрозами производили обыски. Я заметил, что меня держат на мушке. Во мне

росло убеждение, что остаётся одно: побег. Дети тоже настаивали на том, чтобы я бежал: их не преследовали. Но куда мне бежать с моей постаревшей, болезненной женой?

Глава 18: Побег в Германию

Я написал о своём положении брату Иоганнесу в Виденест, в Германию. В то время письма за рубеж ещё не проверялись. Но из Германии мне никто помочь не мог. Поздно вечером, когда жена уже спала, я иногда вставал и тихо выходил в ночь. Я часами сидел на небольшом бугре за нашим садом и много беседовал со своим Небесным Отцом. Я говорил: «Ты видишь, что я не могу здесь больше оставаться. С одной стороны я мешаю мусульманским начальникам, с другой стороны — большевикам, которые ничего не хотят знать о Тебе. И теперь они преследуют меня, потому что я часто указывал им на Тебя и на их совесть. Неужели у Тебя действительно нет больше уголка на этой земле для меня, где мы с матерью ещё можем в тишине и спокойствии прожить остаток дней?»

Так прошло несколько месяцев, всё время под давлением угроз и опасности. Однажды на нашем дворе опять появился мой друг Ибраимов, председатель мусульманской коммунистической партии и ГПУ. Уставший от долгой поездки 65 километров верхом, он присел и сказал:

«Дорогой отец Янтцен, несколько лет назад ради вашего хлебосольного гостеприимства я предупредил вас, чтобы вы избежали расстрела. Я посоветовал вам бежать. Так вы тогда и сделали. И хотя вы позже сдались, потому что заболели, вы в конце концов всё же были освобождены. В прошлом году вы опять попали в тюрьму для расстрела. И опять избежали смерти.

Но так как вы теперь главным образом мешаете нашей мусульманской компартии, то вчера на нашем пленарном заседании было решено убрать вас с пути. Жребием выбрали человека, который должен это исполнить. Его имя я, конечно, назвать не могу. Но как уже было один раз, то и сейчас я пришёл как ваш старый друг, чтобы вас предупредить. Я советую вам любой ценой бежать, потому что убийства из-за угла вы не избежите. Он найдёт вас, где бы вы ни были».

Ибраимов остался у нас на ночь. Жена угощала его, как только могла. Утром, после завтрака, он, явно взволнованный, попрощался с нами, причём взял одной рукой руку жены, другой — мою, и сказал: «Мамаша, папаша, не будьте легкомысленны к тому, что я сказал. Бегите!» Затем сел на коня и исчез. А мы стояли растерянные и спрашивали себя: куда?

Чуть позже пришло письмо от брата Варнса с визой, разрешающей въезд в Германию, и следующим сообщением: «Дорогой брат Янтцен, я добился для тебя визы от нашего правительства. Но как тебе добраться сюда, мы не знаем. Но мы всё время будем молиться за тебя и твою жену. Мы будем сердечно рады твоему приезду».

Это письмо было подобно утренней заре после тёмной ночи. Ведь всё казалось таким беспросветным. Но ещё оставался большой вопрос, как преодолеть 9000 километров до Берлина и Виденеста. Для этого нам нужны иностранные паспорта, которые выдавало только ГПУ. А они держали меня в чёрном списке. Если я буду просить у них паспорта, то вместо паспорта мне дадут пулю, потому что я числился контрреволюционером. И даже, имея паспорта, у меня не было разрешения на поездку. В Туркестане действовал закон, что билет мог купить только тот, у кого был пропуск от партии.

Итак, я опять оставался в темноте неведения, не зная, как быть дальше. Ночами я снова пробирался к тихому холму и говорил с моим Небесным Отцом и Его Сыном Иисусом Христом. В своей борьбе я дошёл, наконец, до того, что говорил приблизительно следующее: «Господь Иисус, мы во многих местах Библии читаем, что Ты — глава, а мы — члены, и я верю этому. Ты видишь моё безвыходное положение. Если, несмотря ни на что, Твоя милосердная воля в том, чтобы привести нас в Европу, а я должен согласиться, что это так, потому что получил визы на въезд, тогда дай мне совет, как я могу беспрепятственно получить паспорта. Ты, как глава, помысли Ты за меня и открой мне, Твоему дитю, Твои мысли. Что Ты мне скажешь, то я хочу делать. Я прошу Тебя во имя Твоё!»

И я внутренне совершенно решительно получил повеление: «Тебе нужно здесь, в колониальном бюро, получить удостоверение, что ты исполнил все государственные обязанности и в общине тоже не оставил никаких долгов. С этим иди в ГПУ и закажи иностранные паспорта».

Когда я утром рассказал это жене и детям, они испугались и сказали: «Но отец, всё что угодно, только не это! Ты же идёшь прямо в пасть ко льву!»

«Я знаю, но я должен следовать совету свыше.»

И я пошёл в колониальное бюро и взял там удостоверение, что у меня нет долгов и я свободен. Затем я отправился в город. Эта поездка заняла целый день.

Я сидел в бричке как сомневающийся человек и думал: «Разве не безумие то, что ты делаешь? Может, то, что ты думаешь, — простое внушение, будто ты это получил свыше? Будет ли Бог ради тебя совершать чудо и допустит тебе получить паспорта?» Но другой голос говорил: «Ты должен делать то, что тебе велено!» Какая борьба между тьмою и светом!

Вечером я прибыл на свою квартиру, но спать не мог. Наконец наступило утро. Завтракать не хотелось. В конце концов я собрался и отправился в ГПУ, где, как я верил, сидели мои преследователи.

Когда я с тоской в сердце зашёл, то моментально увидел, что за столами сидят все незнакомые люди. Председатель, к моему удивлению русский, приветливо встал мне навстречу и спросил: «Ну, батюшка, вы пришли так рано, чем могу вам помочь? Что вы желаете?»

«Я хочу совершить со своей женой поездку в Германию и Голландию, где у нас много родственников и друзей. Мы хотим их посетить. Для этого нам нужны иностранные паспорта, которые я должен получить от вас. Дома я свободен. Я исполнил все свои обязанности.»

При этом я положил перед ним удостоверение от колониального бюро, которое он прочитал. Затем он сказал: «Все правильно, но вам нужно подождать. Присядьте. Дело вот в чем: мы здесь все чужие и не знаем вас. Все служащие ГПУ вызваны на десять дней в Ташкент на пленарную конференцию. Поэтому мне нужно сперва просмотреть чёрный список, нет ли там вашей фамилии. Тогда, разумеется, вы знаете, что с вами будет.»

И он начал искать. На длинной книжной полке стояли все книги по месяцам с соответствующим указателем имён. Он не нашёл моего имени в книгах за старые числа. Но его рука всё ближе подходила к книге за февраль предыдущего года, где должно было стоять моё имя. Я сидел тихо и дрожал, внутренне вздыхая: «О, Отец!»

Вдруг он повернулся и сказал: «Ах, в этих двух последних книгах вас, наверное, тоже не

будет.» И он тут же продиктовал своему писцу удостоверение для получения иностранных паспортов для меня и моей жены. Он подписал, поставил печать, дал мне бумагу и сказал: «Я желаю вам счастливого путешествия. Если бы я был таким же капиталистом, как и вы, я тоже разочек с удовольствием съездил бы за границу и посмотрел, как люди там живут.»

Он пожал мне руку и отпустил. Не помню, поблагодарил я или нет. Внутри меня не было ничего, кроме удивления и замешательства. Выйдя на улицу, я сказал: «О, Отец, как Ты велик в Своей милости к такому несчастному, несовершенному человеку, как я!»

Но как же теперь дальше? Как и на чём мне ехать? Как мне получить необходимый партийный пропуск? И я тихо сказал своему Небесному Отцу и эту, следующую проблему.

Вдруг я услышал с другой стороны улицы, как кто-то зовёт меня по имени, и одновременно подходит мой старый знакомый, служащий железной дороги. Он протягивает мне руку и говорит: «Почему вы так рано идёте задумчиво и с поникшей головой? Правда ли, что рассказывал ваш сын, что вы хотите ехать в Германию? Если так, то как вы получите билет? У вас же нет партийного билета?»

«Да, это так, но мы хотели бы поехать в Германию.»

«Вы, как верующий, видимо, думаете: „Небесный Отец позаботится обо мне.“ Но я думаю по-другому. Небесного Отца больше нет. Здесь я с большевиками согласен. Если бы был Бог, Он давно бы уже пожалел наш разбитый город и страну... Но я хочу рассказать вам что-то другое.

Как вы знаете, я москвич. Моей матери больше девяноста лет, и она ещё живёт там в нашем доме. И вот я получил телеграмму, что она больна. Жена и я должны немедленно ехать, потому что она очень хочет ещё раз нас увидеть. И мы решили всё продать и переехать в Москву. У нас уже всё готово. Но в Москве голод, и мы накупили много продуктов. В моих документах написано, что мне можно взять и двух коров. Но у меня их нет.

Для моей поездки мне, как служащему железной дороги, дали в распоряжение целый вагон. Половина вагона ещё пустая. И теперь мне кажется чудом то, что я вас здесь встречаю. И хотя я знаю, что Небесного Отца не существует, а у вас, как у „белого“, нет партийного билета, а у меня он есть, хотя я только ради хлеба красный, внутри я такой же белый, как и вы, то я предлагаю вам вторую половину моего вагона. Сделайте, как я. Накупите на все проездные деньги продуктов и возьмите двух коров. За корм по дороге я, как служащий железной дороги, позабочусь. Моя жена берёт с собой своих 25 кур, мы посадим их в клетку. Вы с женой сойдёте за моих людей. Мне это разрешается, и билетов для этого не надо.»

От всего услышанного и пережитого в это утро я был так поражён, что даже не мог ему сразу ответить. И тогда он опять начал говорить: «Но вы ничего не отвечаете! Ну да, я понимаю. Вы думаете о своих иностранных паспортах, которые вам нужны, и которых вы никогда не получите. Я же знаю всю вашу историю и что вы в чёрном списке.»

Тогда я вытащил свои разрешения от ГПУ и показал их ему со словами: «Дорогой мой друг, вы только что ругали моего Небесного Отца и совсем не знаете, что вы Его слуга тем, что предлагаете мне свой вагон для поездки.

А теперь вы увидели бумагу от ГПУ и не знаете, что ещё сказать. А дело такое: мой любимый Небесный Отец в Своей милости решил спасти меня. И для этого весь отдел ГПУ, который меня знает, должен быть на некоторое время отозван в Ташкент. А другие, которые меня не знают, должны их замещать, а заместитель председателя, просматривая чёрные списки, не находит там моего имени.

И в несколько минут он готовит нужные бумаги, желает мне счастливого пути и отпускает.

Выйдя на улицу, я благодарю своего Небесного Отца словами: «О, Отец, как велика Твоя милость!» и тут же опять спрашиваю себя: как я получу возможность уехать? И вот вы зовете меня через улицу и предлагаете эту возможность и даже решаете проблему партийного билета.

И это тройное чудо в одно утро заставило меня от удивления замолчать. А ваше предложение? Конечно, я его принимаю. Это идет из Божьих рук, а вас, Его слугу, я от всего сердца благодарю.

От этих слов и при взгляде на бумаги мой друг совсем побледнел и, наконец, воскликнул: «Теперь я вообще ничего не понимаю! То, что вы говорите, и то, что я вижу — это же совершенно неестественно».

«Да, вы правы, это неестественно. Это божественно; это нечто, что ни вы, ни я не можем понять своим рассудком. Потому что Бог много больше, чем мы, люди».

И потом мы еще коротко договорились, чтобы до конца недели я всё приготовил для отъезда. На этом мы расстались, и я отправился в обратный путь. Как отличались мои чувства от тех, которые были вчера! Это невозможно описать пером.

Когда я прибыл домой, все смотрели на меня с удивлением, потому что боялись, что я не вернусь. После того, как я им всё рассказал, их удивление возросло еще больше. Естественно, мои переживания вскоре стали известны во всех наших селах. В это время мы тайно закупили много продуктов, а также двух молочных коров. И на бричке всё это было отправлено на вокзал, где мои сыновья погрузили это под руководством того служащего в вагон. Дома было еще несколько беспокойных дней. Каждый день ко мне приходили наши проповедники и протестовали против моего отъезда за границу. Они обвиняли меня в маловерии: ведь всемогущий Бог сумеет и здесь также сохранить от всякого зла, как и в другом месте. Они не могли поверить, что это Божий путь для меня. Они думали, что это моя собственная воля оставить в беде общины, когда они в таких трудностях. По их мнению, большевистское правительство надолго не устоит, и тогда обстоятельства изменятся.

Эта неделя была для меня очень тяжелой. В конце концов, и все мои дети были против меня, так что я остался один. Непонятый всеми.

В день перед отъездом пришел брат Петр И. Янцен, брат умершего Абрама Янцена, и сказал: «Брат Янцен, у меня есть еще одна бричка и еще две более-менее хорошие лошади. Я отвезу вас завтра в город. Это мой последний знак любви к вам». Я с благодарностью принял это предложение.

На следующее утро он очень рано приехал из Николайполя в Орловку.

Наступило время прощания. Мы должны были расстаться со всеми своими детьми и внуками, с домом и двором, со всем, что было нам близко и дорого. Мать уже сидела в бричке. Все наши близкие стояли вокруг и плакали.

Я уже сидел в бричке, как снова выскочил и еще раз пробежал через оба моих дома, мои, полные раньше сараи и помещения для сельскохозяйственных машин, которые теперь были пусты, через сад, и еще раз зашел в свой кабинет. Там в футляре еще лежала моя концертная цитра. Я как-то машинально схватил ее и взял с собой, потому что позже уже не мог вспомнить, как она оказалась в нашей телеге.

Заняв наконец свое место, я крикнул: «Бог с вами, мои дорогие, до встречи на небесах!» И брат Янцен выехал со двора. Мать без чувств упала мне на руки. Это было 28 марта 1923 года.

Постепенно мать пришла в себя, а вместе с этим вернулась и вся её материнская боль. Всю дорогу до города она сидела в своём углу и тихо плакала.

На вокзале нас очень приветливо встретил наш друг. Попрощавшись с нашим дорогим извозчиком, братом Янценом, мы вошли в вагон.

На следующее утро наш поезд отправился. Наш хозяин устроил всё в вагоне так, что с одной стороны стояли коровы, а над ними в ящике куры. Потом было небольшое свободное пространство, где стояла небольшая печка, на которой мы могли готовить. Другая часть была разделена матами на две половины. На каждой стороне были нары, под которыми были сложены вещи, мешки и коробки. Над нами были прибиты доски, куда мы могли сложить всё остальное.

Почти на каждой станции наш хозяин телеграфировал на следующую станцию, чтобы там заранее заготовили сено и воду для коров и дрова. Всё всегда было готово. Так наше путешествие беспрепятственно продолжалось в северном направлении, и через восемнадцать дней мы благополучно прибыли в Москву.

Сразу по прибытии я позвонил по телефону главным представителям всех меннонитов России — братьям О. Г. Классену и Петру Фрезе — и сообщил им, что я прибыл из Туркестана со своей женой, с различными продуктами и одной коровой, и просил их забрать нас с вокзала. Другую корову мы подарили нашему хозяину за его огромную благосклонность, которая помогла нам благополучно добраться до Москвы. Он с большой радостью благодарил нас за это.

Нас поместили в меннонитский приют. Корову вскоре пришлось продать, потому что корм был невероятно дорогим. За корову я получил намного больше денег, чем она стоила в Туркестане. Мне бы никогда и в голову не пришло просить за корову столько, сколько мне здесь предложили. Но все продукты с каждым днём дорожали. В этом мы узнали обесценивание денег и ничего не продавали из наших продуктов. Наши хозяева — семья Фрезе, брат Классен и еще одна семья Изаак, приехавшие из Мюллерово — жили из наших продуктов до тех пор, пока мы через несколько недель не отправились дальше.

После долгих стараний и беготни от одного места к другому, при этом братья много помогли мне, я, наконец, получил иностранные паспорта. Их ещё нужно было зарегистрировать в немецком консульстве. Консул был очень приветлив и предупредителен. Он ещё немного расспросил меня о Туркестане и всё хотел знать, как мы сюда добрались. Наконец, он сказал:

«Господин Янцен, из-за гражданской войны в Западной России и Польше вы в настоящий момент не можете ехать поездом. Поэтому я советую вам остаться здесь, в Москве, в вашей хорошей квартире и подождать, когда прибудет первый корабль из Штеттина в Петроград. Мне об этом сообщат, и я немедленно сообщу вам. Тогда быстро езжайте в Петербург. Но я вам советую забрать как можно больше от тех продуктов, что вы привезли. В Германии они вам очень пригодятся, потому что там инфляция, и цена денег каждый день падает».

Нам ничего не оставалось, как молчаливо выжидать время. В меннонитском приюте нам было хорошо. Но внутренне я очень беспокоился. Меня постоянно преследовала мысль, что могло бы случиться, если ГПУ узнает, что мы поехали в Москву, чтобы отправиться за границу. Они могли арестовать меня по телеграфу, и тогда со мной было бы покончено. При этом моя любимая жена почти всегда плакала, когда мы оставались одни, и это мне было очень тяжело

видеть.

На это время пришлось образование меннонитского сельскохозяйственного объединения, для чего приехали братья с Украины, и среди них брат Б. Б. Янц, брат Г. Ризен и еще один брат из Александерталя, округ Самара. Это объединение было основано в день моего рождения, 28 мая, и мы отпраздновали оба эти события вместе.

На следующий день меня вызвал германский консул, чтобы передать письмо. Нам нужно как можно быстрее отправляться в Петербург, где готов к отправлению корабль «Одер». Он должен был отправляться на следующий день в четыре часа. Письмо консула мне нужно было передать некоему господину Шладеру, шефу пароходной компании. А он позаботится, чтобы мы могли отправиться ещё этим пароходом. Консул пожелал нам счастливого пути. Я быстро побежал обратно, рассказал всё братьям, и когда все успокоились, братья помогли нам добраться с нашими пятью мешками до вокзала. Скорый поезд был готов к отправке, и с множеством добрых пожеланий счастливого пути мы отправились.

В час дня мы прибыли в Петербург. Мы быстро наняли дрожки, которые отвезли нас с багажом к конторе пароходной компании. Там господин Шладер коротко спросил: «Чего вы желаете?»

«Два билета на „Одер“ до Штеттина».

Он резко ответил: «Билетов нет. Позавчера были проданы последние места».

Я подал ему письмо от консула. Он пробежал его глазами и крикнул в соседнюю комнату: «Быстро два билета на „Одер“!» А мне сказал: «Пожалуйста, сядьте, господин Янцен». Он ещё быстро написал письмо шефу русской таможни в порту и передал его мне со словами: «Письмо нужно отдать в таможню. Надеюсь, что с ним вас ещё пропустят. Потому что сейчас уже довольно поздно, и пропускной пункт может быть закрыт. А теперь побыстрее, вот письмо и два билета».

Я выбежал, сел в дрожки, и мы помчались в порт. Приближаясь к таможне, я ещё издали увидел, что ворота были закрыты и охранялись двумя солдатами. Они не хотели меня пропускать. Но я настоял. Тогда дверь открылась, и один господин закричал: «Что случилось, почему вы шумите?»

В ответ я передал ему письмо и спросил, на месте ли ещё господин таможенник. Он кивнул и побежал с письмом в помещение. Вскоре он вернулся с пятью огромными мужчинами, которые взяли наш багаж и побежали с ним. Мы с трудом поспевали за ними.

За длинным низким столом стоял шеф. Показывая на багаж, он строго спросил: «Что у вас там, в пяти мешках?»

«Там продукты».

«Вы хотите этим кормить немцев, в то время как мы здесь почти умираем с голоду? Но я этого не допущу. Они останутся здесь! А если вы ещё пикнете, проклятый буржуй-капиталист, тогда вы ещё здесь получите пулю, от которой хотите смыться. Мы хорошо знаем, кто вы. Что у вас там, в чёрном ящике?»

«Это моя концертная цитра, на которой я с удовольствием играю».

Тогда он громко рассмеялся и сказал товарищу: «Ты подумай! И носится же этот старик с такой штукой, когда ему нужно радоваться, что он свою жизнь спасает за границей. Вообще-то

я совсем не верю, что он умеет на ней играть». Тогда один из мужчин закричал: «Пусть он нам поиграет!»

Вынув цитру, я заиграл грустную, тоскливую русскую песню. Мужчины окружили меня и слушали. Я проиграл песню три раза. Подняв голову, я увидел полные слёз глаза.

Шеф закричал: «Хватит, проклятый буржуй», а мужчинам сказал: «Наклейте на его багаж бумажные марки и отнесите всё это на корабль».

После матерного слова он ещё пожелал нам счастливого пути, а мужчины поспешили на корабль. Там они распрощались с нами и поблагодарили за прекрасную песню.

Стоя на палубе, я ещё услышал, как кто-то закричал: «Господин Янтцен, сегодня такая спешка, и я вспомнил, что вы, наверное, не поменяли деньги. Я не мог успокоиться и поэтому прибежал, чтобы поменять их».

Я узнал господина Шладера. Он кричал с берега: «Бросайте мне быстро кошелёк с деньгами». Я так и сделал. Он поменял деньги и бросил мне его обратно. Ещё раз пожелав счастливого пути, он ушёл.

Вскоре корабль отошёл от пирса и отправился. Мы стояли на палубе и видели, как старый Петербург, теперь Ленинград, становился всё меньше, пока совсем не исчез в море. Мы ещё долго сидели и смотрели на восток, где остались руины нашей жизни, где остались наши дети и все наши родственники...

Наконец, совсем стемнело, и мы должны были отправиться в свою каюту. Но сна не было. Поднялся сильный шторм, который сопровождал нас все четыре дня до Штеттина.

Там нам нужно было прежде всего пройти паспортный контроль. Затем пришёл врач и прежде всего осмотрел наши глаза и язык. Он сказал: «О, что вам пришлось пережить! Ваши нервы полностью расшатаны. Но так вы здоровы».

Теперь можно было идти с носильщиком к таможене. Здесь нас встретил толстый служащий, который, так же как и петроградский таможенник, резко спросил: «Что у вас там, в этих засаленных мешках?» На мой ответ, что это продукты, он сказал: «Что вы думаете, мы тут умираем от голода, как вы там? А вообще продукты нельзя завозить. Всё нужно продезинфицировать. Ведь у вас там, на востоке, всякие болезни, и мы не позволим заразить ими наше отечество. А когда вещи продезинфицированы, ими уже нельзя пользоваться. А что у вас в том ящике?»

Я ответил: «Концертная цитра».

И точно так же, как таможенник в Петрограде, он засмеялся и крикнул своим сослуживцам: «Подумайте-ка, этот старик ещё таскает по всем странам свою цитру, как будто у нас таких нет. Сомневаюсь, может ли он на ней играть». «Проверь-ка, может он всё-таки умеет», — закричал другой.

И тогда я проиграл старую немецкую народную песню «Не знаю, почему я так грустен».

Проиграв её трижды, я заметил, что все очень внимательно слушали. И тогда я ещё проиграл «У Рейна». Тогда все закричали: «Браво», а толстый воскликнул: «Он наш человек! Он наш человек! Сердечно приветствуем вас на немецкой земле!»

И тогда были приклеены таможенные марки, а некоторые служители остановили повозку, которая отвезла нас на вокзал.

А теперь я хочу спросить дорогих читателей: разве я мог знать, что моя цитра дважды спасёт наши продукты? Мне бы такое и не приснилось. Не иначе, как Господь хотел для нас чего-то лучшего.

Когда мы хотели купить билеты до Виденеста, нам сказали, что это невозможно, потому что там стоят английские и французские войска. Билеты можно купить до Ганновера, а там добирайтесь, как знаете.

Так мы попали в Ганновер. Была ночь, и никто ничего не знал. Сидя так на вокзале, жена вдруг сказала: «А Гарден здесь не рядом? Сюда уже в 1918 году бежала моя сестра Мария со своими пятью детьми».

Я кивнул и спросил начальника станции, есть ли поблизости село Гарден. «Да», — ответил он, — «там есть сахарные заводы. Здесь хорошая связь через электрические трамваи, и за двадцать минут вы будете на месте».

Утром мы сдали багаж в камеру хранения и поехали на электротрамвае в Гарден. Посреди села мы вышли и спросили одного человека, занятого на стройке, живёт ли здесь вдова Паульс со своими детьми. Старший должен работать на сахарном заводе. Он сказал: «Да, она живёт здесь неподалёку. Но она всегда больна. Её голова не такая, как у здоровых людей. Но вон как раз идёт Вольдемар, её второй сын. Он вам лучше всё объяснит».

Я повернулся и увидел сильного молодого человека. Я сказал: «Доброе утро, Вольдемар». Он поблагодарил и сказал: «Я вас не знаю». На что я ответил: «Действительно! Ты был ещё маленьким мальчиком, когда я посетил вас в 1912 году в Вальдхайме на Украине».

Тогда он посмотрел на меня внимательнее и сказал: «Разве вы дядя Герман Янтцен?» Я кивнул, показал на жену и спросил: «А эту женщину ты знаешь?» «Нет», — ответил он. «Но может быть, это тётя Анна, мамина сестра?»

Я послал его вперёд к его матери, чтобы её немного подготовить. Мы тихонько пошли следом. Почти тридцать лет сестры не видели друг друга. Когда мы вошли в дом, Вольдемар уже шёл нам навстречу. Мать была за домом и кормила кур. Мы вошли в комнату и посмотрели через окно, выходящее во двор. Там она стояла, сестра жены, старая, согнутая, больная женщина. Она воскликнула взволнованно: «Но, Вольдемар, почему ты не на работе? Разве мы действительно должны умереть с голоду? Артур, Гильда и Герман полуголодные лежат в кроватях и ничего не могут зарабатывать. А ты бегаешь здесь и не работаешь».

«Мама, я пошёл на работу, но по пути встретил двух гостей, они приехали издалека. И я только хотел тебе об этом сказать».

Тогда она закричала: «И ты должен меня подготовить? Я уже подготовлена. Это Герман Янтцен и тётя Анна, моя сестра. Я уже два месяца постоянно молилась: „О Боже, пошли мне этих двух людей, потому что мы погибнем тут на чужбине!“ И поэтому я давно уже готова к их приезду, я уже готова, я уже готова...»

И она вошла в комнату. Сёстры бросились друг другу в объятия и обе без чувств упали на пол. Мы с Вольдемаром подняли их и положили на кровать, брызгая на них холодной водой, пока они не пришли в себя. Свояченица продолжала бормотать: «Я уже готова, я уже готова». Её рассудок был явно помутнён. Но, наконец, она сказала: «Теперь вы оба, Анна и Герман,

должны остаться у нас. Вы не должны нас больше покидать».

Постепенно мы рассказали о своих переживаниях последних лет. В это время я послал Вольдемара на вокзал за нашими вещами. Поздно после полудня он вернулся с багажом. Как велика была радость всей семьи при виде обилия продуктов! Моя жена, более крепкая из обеих женщин, помогала распаковывать.

Там были сушеные сухари, сыры, копченые свиные окорока, в другом мешке были пшеничная мука и рис, а под конец еще кофе и чай. У всех глаза светились.

Но нужно было следить, чтобы эти проголодавшиеся люди ели осторожно и в меру. После того как все поели немного сухарей с кофе, моя жена сварила жидкий суп из пшеничной муки. И в последующие дни все немного окрепли. Через пару недель и другие дети смогли пойти на работу на сахарный завод.

Только теперь я понял план Господа с цитрой. Я не могу объяснить это иначе, как тем, что в Германии, в селе Гарден, жила вдова с детьми и была в большой нужде. И она кричала к Господу о помощи, и Господь услышал её молитву. И при этом таким удивительным для меня образом, ведь я совершенно не мог знать эту обстановку и все события, потому что мы уже многие годы не писали друг другу.

Итак, мы вначале крепко осели в Гардене, потому что мы не могли ехать дальше на запад. А цены росли каждый день. Я каждый день ходил закупать всё, что только мог получить. Инфляция росла непомерно.

Сразу по прибытии я написал письмо профессору Вениамину Инру в Карлсруэ и сообщил ему о состоянии семьи Паульс. Я просил по возможности помочь этой семье. Может быть, они смогли бы уехать в Канаду, так как у фрау Паульс было три сильных взрослых сына. Так в конце концов и получилось. Еще во время нашего пребывания в Гардене эта семья уехала в Канаду.

Но теперь кончились все наши продукты и деньги. Я сперва ничего не говорил жене, но я всё рассказал своему Небесному Отцу, Который уже так часто удивительным образом мне помогал и выручал из всех моих бед. Я тихо сказал Ему: «Дорогой Отец, Ты знаешь наше положение. Эта женщина с детьми уехала, и для нас в этом месте тоже нет возможности жить. Деньги кончились. Сегодня я ещё один раз могу купить хлеба, а что потом? В Виденест, где нас давно уже ждут, мы попасть не можем — как же теперь, Отец?»

Прошел и этот день. С тяжёлым сердцем я лег спать. Моя любимая жена лежала на своей кровати и тихо оплакивала своих детей, как бывало почти каждую ночь. Иногда в своём горе она говорила: «О, Отец, если бы я никогда не была матерью!» И эти слова она повторяла всё чаще. Тогда я молился с ней, и она успокаивалась и засыпала, устав от своего горя.

На следующее утро, очень рано, пришёл почтальон и принёс письмо от брата Варнса из Библейской школы в Виденесте. Он сообщил: «Позавчера наш город был освобождён от английских и французских войск. Теперь путь открыт, и вы можете приехать в Виденест. Выйти нужно на предпоследней станции перед Виденестом — в Дершлагге. Там пройдите в контору господина Эрнста Ройбера. Он ждёт вас и приведёт в приготовленную для вас квартиру. Зная, что вам понадобятся деньги, я приложил мелочь.»

Этой «мелочью» были несколько миллионов марок, которые из-за инфляции стоили ничтожно мало. Я быстро купил еще хлеба. Позавтракав, мы уложили свои пустые мешки и другие мелкие вещи и пошли на вокзал. Из Гардена мы могли прямо попасть в Виденест. На следующее утро мы прибыли в Дершлагг, где тут же пошли в контору господина Ройбера.

Сердечно приветствовав нас, он посадил нас в свой автомобиль и довёз до нашей новой квартиры крестьянского дома в маленьком селе Бергхаузене. Хозяин этого дома был родственником господина Р., который умер несколько лет назад.

Мы поднялись по ступенькам, и господин Ройбер показал нам четыре комнаты. Всё было свежеекрашено и оклеено обоями. В спальне стояли две заправленные кровати, большой шкаф с мужской и женской одеждой. Потом был ещё комод с нижним бельём. В кухне было приготовлено много продуктов, наверное, на целый год. В подвале была куча картофеля и гора угля. Во дворе, под большим навесом, был курятник с двадцатью курами, которых нам подарили. И ещё за домом был большой фруктовый сад.

Когда господин Ройбер всё нам показал, он снова забрал нас наверх и сказал: «Дорогие мои брат и сестра Янтцены!

Этот дом ждет вас уже два месяца. Молоком и маслом будет вас по необходимости обеспечивать моя племянница, фрау Д., которая живет в соседнем доме. Хлеб каждый день будет давать наш друг и брат И., его пекарня в пятидесяти метрах отсюда. Платить в обоих местах не нужно, это мое дело. Но я вижу, что вы очень нуждаетесь в отдыхе. Поэтому я пока прощаюсь с вами, а через два часа заберу вас в мой дом в долине, где я живу у свояка. Там мы пообедаем.

Когда он уехал, мы, мать и я, сидели, как во сне, не находя слов. Все, что мы пережили и услышали в это утро, намного превосходило наше разумение. Мы сидели тихо и вздыхали: «О Боже, как Ты велик в Своем милосердии к нам. Где мы найдем слова благодарности за все это!»

Вдруг мать показала вытянутой рукой и пальцем на стенку позади меня и сказала: «Посмотри туда!» Я оглянулся, и что я увидел? На стенке висело стихотворение, которое моя племянница перебросила мне в 1919 году через тюремный забор. Оно висело в красивой рамке под стеклом:

«Как хорошо, когда молчать мы можем перед Богом...»

Тогда я сказал: «Разве это не Авен-Эзер: до сего места довел нас Господь? Насколько мало я понимал Господа тогда, в тюрьме, настолько мало я понимаю Его сейчас. Ибо пути Его удивительны и непостижимы для человека. Разве во время всего нашего путешествия одно чудо не сменялось другим? И теперь это тихое жилище, уже за два месяца приготовленное для нас дорогими детьми Божьими, которых мы раньше никогда не видели и не знали, и которые обеспечили нас всем необходимым! Воистину, Бог непостижим!»

В это время уже подъехала коляска, и мы сели в нее с господином Ройбером. За несколько минут мы добрались до его дома, где он еще раз нас сердечно приветствовал, а также семья Д. Мы сели за богато уставленный стол, и, как всегда, когда кто-то говорил нам приветливое слово, у нас по щекам текли слезы, потому что наши нервы больше не выдерживали. Нам потом сказали, что вся семья и большинство жителей этого района относятся к баптистской общине в Дершлагге. Здесь, в Хундсхайме, где живет господин Ройбер, тоже есть капелла, где каждое воскресенье бывают собрания, а также по вторникам и четвергам. Часто на служение приезжают брат Варнс и другие братья из Библейской школы. Виденест расположен отсюда километрах в восьми.

И потому что они уже очень долгое время знакомы с братом Варнсом, они хотели, чтобы и мы, как дети Божии, обращались между собою на «ты». Мы с радостью согласились.

После обеда брат Эрнст (так звали господина Ройбера) снова отвез нас в наше жилище. А сам поехал в Дершлаг в свою контору. На текстильной фабрике, которой он руководил, работало около ста человек. Работники также называли его по имени, потому что они все были детьми Божиими.

На следующий день с некоторыми близкими приехал брат Варнс, чтобы приветствовать нас в нашем новом жилище. Наша встреча была очень сердечной, потому что мы не виделись одиннадцать лет. Он пригласил всех нас вскоре приехать в Виденест, чтобы рассказать там учащимся Библейской школы и семьям учителей о нашем путешествии. Но этого я не мог обещать, потому что мы оба очень устали и плохо себя чувствовали.

Мне понадобился целый год, чтобы отдохнуть от событий последних лет. Я также долгое время должен был быть опорой своей жене в ее сердечной тоске. Она очень тяжело переносила разрыв со всеми нашими детьми. При этом мне самому очень часто не хватало выносливости и утешения. Все вокруг нас очень старались различными проявлениями любви поддержать нас и устроить наши дни как можно светлее. И я до сих пор им всем очень благодарен.

Глава 19: Служение в Германии

Летом 1924 года меня пригласили на многодневную конференцию в Виденесте. На такие конференции собираются сотни верующих из всей Германии, а также из Англии и Голландии. Мне несколько раз предлагали говорить там Слово. И так получилось, что многие стали приглашать меня проповедовать в их собраниях. И, так как одна женщина из Библейской школы и подруга моей жены обещали не оставлять ее одну, я принимал приглашения и отправлялся в поездки, которые продолжались иногда до шести недель.

Каждый год «свободные общины» организовывали по две конференции — весной в Берлине и осенью в Лейпциге или в Бад-Хомбурге, что повыше, около Франкфурта-на-Майне. Меня всегда приглашали на эти конференции.

Кроме того, я участвовал во многих других конференциях в Вернигероде у брата Якова Крекера, руководившего тогда миссией «Свет на Востоке». Там участвовали братья Проханов, профессор Марцинковский, профессор Шларб, графиня Ливен, пастор Джек и некоторые другие. Однажды там собрались 25 русских, и заключительный день был проведен на русском языке. Несколько раз я бывал на Бланкенбургской конференции, где познакомился с пастором Модерзоном. Он был одним из главных руководителей сельского церковного движения в Германии. Мне также несколько раз приходилось говорить в его кругах.

Так случилось, что он пригласил меня в 1926 году в Тюрингию, чтобы там евангелизировать. Там уже работал один молодой евангелист, но был еще очень неопытным. Я принял приглашение. Молодой брат К. был учеником Библейской школы у брата Варнса, и мы уже были знакомы. В его доме я и жил.

Мы работали вместе в трех селах. Он все организовывал, а я каждый вечер говорил Слово. Так продолжалось шесть недель. В объявлениях к собраниям было написано: «Будет говорить миссионер из Туркестана, из России». Это вызвало любопытство людей, и поэтому зал собраний был всегда полон, а слушатели были очень внимательны. Господь также благословил, что почти каждый вечер души приходили к вере и обретали покой.

И тогда один из залов для собраний, где жил брат К., стал слишком мал. Он считал, что мы

нуждаемся в большем помещении, но оно принадлежало старшему пресвитеру. А так как тому не очень нравился наш труд, было сомнительно, согласится ли он его предоставить.

Тогда я предложил найти его и попросить помещение. Мы пошли к нему, и нас провели в его кабинет. Довольно холодно он спросил, кто мы и чего хотим, хотя при этом он хорошо знал брата К.

Брат К. тогда представил меня как миссионера из Туркестана и сказал, что я помогаю евангелизации по просьбе пастора Модерзона. И после многонедельной работы зал для собраний перестал вмещать людей. Не даст ли он нам в распоряжение свой зал, может быть, на один или два вечера?

На это он очень внимательно посмотрел на меня и спросил: «Где вы изучали теологию и что за Евангелие вы проповедуете?» Я ответил: «Теология по-немецки означает знание о Боге, и в этой школе я до сих пор студент и ещё не сдал свой экзамен». Он отчуждённо посмотрел на меня и опять спросил: «А ваше Евангелие?»

«Я всегда делаю так, как Павел пишет в 1 Коринфянам 2, 1-2: „Я приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого“.»

Немного подумав, он сказал: «Хорошо, вы получите зал».

После того как он согласился исполнить мою просьбу и пригласить на эти собрания ещё пятерых пасторов его округа (хотя сам для себя он никаких обещаний не давал), мы поблагодарили его и ушли.

Через три дня в большом зале состоялось заключительное собрание. Войдя в зал, мы увидели, что он был полон от первого до последнего места. Впереди на стульях сидели пятеро пасторов.

Наша тема звучала так: «Любовь Божия, как спасающая, которая и сегодня проявляется среди людей и делает несчастных счастливыми».

В конце собрания, когда люди собирались покинуть зал, брат К. остановил их и сказал: «Минуточку, пожалуйста! Брат Янтцен споёт нам песню в сопровождении цитры, которую он так любит».

С этими словами он совершенно неожиданно поставил передо мной цитру, которую тайно привёз из нашего дома. Я посмотрел на цитру, на людей, которые вновь спокойно сели, и вздохнул в растерянности: «Господи, что же мне теперь спеть?» Тогда я сказал: «Я удивлён этой неожиданностью, но если так должно быть, то я спою в четырёх коротких куплетах историю моей жизни:

Свободно имею всё, что мог иметь,

По милости Божьей я тот, кто я есть.

Не для похвалы, но чтоб ясность была:

Один я из тех, кого милость нашла!

Припев:

Я славлю громко Спасшего меня:

Один я из тех, кого милость нашла!

Однажды глубоко, опутан грехом,

От милости Божьей далёк был совсем.

Но вот Иисуса коснулась рука:

Один я из тех, кого милость нашла!

Не слёзы сумели меня изменить,

Но милость Господа смогла исцелить.

Отравлен грехом и отпав от Христа,

Один я из тех, кого милость нашла.

Хочу передать вам с сиянием в глазах,

Что счастье и радость обильны в сердцах

У тех, кто, как я, примет эти слова:

Один я из тех, кого милость нашла!

Я до сих пор помню, как моя цитра, украденная в сентябре 1944 года, во время войны, никогда до и после этого не звучала так громко и прекрасно, как тогда.

И что случилось? Пять или шесть мужчин вскочили и закричали: «Я погиб! Я погиб!»

Брат К. подошёл к ним и пригласил пройти с нами в нашу квартиру. В это время встали пятеро пасторов, отчуждённо глядя на меня, они не знали, что сказать. Тогда я сказал им: «Уважаемые господа, Святой Дух всегда делает Своё дело хорошо. И то же самое Он сделает с этими мужчинами». На этом они очень вежливо попрощались со мной, поблагодарили за вечер и ушли. Брат К. и я взяли с собой этих пятерых мужчин. Мы несколько часов говорили и молились с ними, после чего они с миром и радостью отправились домой.

По окончании этих шести недель 117 человек свидетельствовали, что нашли мир.

Мне нужно было вернуться в Бергхаузен, где меня ждала моя любимая жена. Её тяжёлое горе делало её всё слабее. Когда я был дома, каждое воскресенье и ещё два раза в неделю я служил Словом в баптистской общине. Но дома меня надолго не оставляли. Так как в местечке С. продолжалось пробуждение, брат К. вновь вызвал меня туда, чтобы объединить новообращённых в небольшие общины. Так в С. возникла большая община, а в другом селе – поменьше. По названию они оставались в местной церкви. Но после активного изучения Библии и возрастания в её познании многие приняли крещение.

Когда пастор Модерзон узнал об этом, его дружба с братом К. и со мной закончилась. Он сказал, что не это имел в виду. Мы не должны были сделать новообращённых баптистами, к тому же они уже были крещены в младенчестве. Я ответил ему, что мы никого не уговаривали к повторному крещению. Но, изучая Писание, новообращённые пришли к Марку 16:16, где

написано: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет». Они сказали, что были крещены в младенчестве, но тогда не могли веровать. Поэтому для них то крещение не имеет смысла, ведь они не были осознанно верующими. И теперь они хотели принять крещение по слову Господа, в чём мы не могли им отказать. И я их крестил. Баптизм тут ни при чём; в конце концов, я сам не баптист. По великой благодати Божией я стал ребёнком Божиим и больше никем. Но, к сожалению, он меня не понял, и контакт между нами прервался.

Осенью 1927 года моя жена была уже так больна и немощна, что, казалось, шла к своему концу. Поэтому я не мог больше никуда ехать, несмотря на многие приглашения. В Библейской школе, куда я был причислен как член и к которой принадлежу до сих пор, я должен был уделять много времени студентам. Плодом этого служения стало то, что четверо студентов по окончании курса приняли решение ехать в Болгарию, чтобы там проповедовать Евангелие туркам.

Перед тем как выйти на служение, трое из них женились. Их жены перед этим тоже прошли соответствующий курс подготовки к будущей совместной работе. Четвёртый студент не мог жениться сразу и потому был готов отправиться несколько позже. По прибытии в Болгарию им нужно было прежде всего изучить турецкий язык, на что ушло два года.

В июне 1928 года моя любимая жена почилла от своего материнского горя. Соседки были при ней, когда она, ещё дав доброе свидетельство своей связи с Господом, тихо отдала Ему свою душу.

С ней я потерял всё, что имел на этой земле! Я не могу и не хочу описывать своё горе, да это и не столь важно для моего читателя.

Несмотря на мои протесты, брат Р. устроил похороны, и в Бергхаузен приехала вся Библейская школа, что для них было само собой разумеющимся. После пения студентов слово сказал брат Варнс. За ним говорили другие учителя школы. После заключительной молитвы и пения хора, студенты подняли гроб на плечи и несли его до кладбища в Хундсхайме. Мы шли туда почти полчаса.

Хотя в доме было много людей, но у могилы собралось ещё больше. Из ближайших сёл пришли многие друзья, братья и сестры, пришли даже из Эльберфельда и Бармена. И это ради одной старой, уставшей от жизни, ушедшей в вечность «русской», которая для всех была сестрой во Христе. Это устыдило меня.

У могилы хор баптистов спел песню, а проповедник сказал слово. Затем говорил наш любимый брат Эрнст Ройбер, который особенно подчеркнул благословение, которое мать Янтцен своим тихим образом жизни распространяла на всех окружающих. За ним последовали другие личные свидетельства мужчин и женщин, говоривших о благословении, полученном от матери Янтцен. Потом я сделал заключительное слово.

Пока два хора пели заключительный гимн, гроб опустили в могилу.

Перед тем как все стали расходиться, брат Ройбер пригласил всех в расположенную поблизости капеллу отобедать. Там стояли длинные покрытые столы со сдобой и кофе. Перед обедом брат Ройбер помолился, я уже не мог говорить. После обеда баптистский брат сказал ещё заключительное слово, и все разошлись. Мне потом сказали, что на похороны пришло около 450 человек.

Брат Варнс хотел сразу забрать меня в Виденест, где у меня была комната, но я отказался. Тогда русский студент Метниченко, особенно любивший мать и меня и называвший нас

«родителями», предложил остаться со мной на некоторое время. Но я и от этого отказался, потому что хотел побыть один и тихо пожить для себя.

Через несколько недель я закрыл дом, отдал брату Ройберу ключи и переехал в Библейскую школу. Там я тоже некоторое время держался уединённо и нашёл много утешения у семьи Варнса и некоторых других.

Однажды я принял приглашение брата К. и уехал в С., чтобы продолжить помогать ему укреплять обращённых два года назад и вновь обращённых, объединяя их в отдельные общины. В своих старых церквях они не чувствовали себя дома. Кроме того, были ещё желающие принять крещение. Так возникли новые общины в сёлах С. и Ст.

Осенью того же года я принял приглашение в Голландию, где я ездил по стране с одним братом-переводчиком. Я говорил во многих собраниях свободных церквей. Моя квартира была у семьи Аббенброк в Арнхеме, но большую часть времени я был в поездках и постепенно всё больше изучал голландский язык.

Глава 20: Миссионерская поездка в Болгарию

В Голландии меня настигла просьба наших молодых миссионеров в Болгарии приехать к ним и, «как старый специалист», показать, «как подойти к сердцам турок». Они прошли начальный курс болгарского и турецкого языков, но дальше дело не шло.

Будучи в марте 1929 года в Виденесте, я был вновь приглашён на ежегодную конференцию в Бармен. Я отправился с несколькими братьями, во главе с Варнсом. Мы сидели в одном отделении вагона, чужих не было, и мы о многом беседовали. Тогда я повернулся к брату Боуну, который ранее несколько лет работал в России врачом-гомеопатом и в прошлом году также посетил братьев в Болгарии. Я хотел узнать, сколько стоит дорога в Болгарию. Он ответил: «Триста марок! Но почему ты спрашиваешь? Ты хочешь поехать? Тогда я тебе советую взять с собой не триста, а четыреста марок, они тебе пригодятся».

«Так как молодые братья постоянно приглашают меня показать им, как можно подойти к туркам, то я подумал: если это Господня воля, Он приготовит мне путь, чтобы поехать и помочь братьям».

Тогда брат Боун спросил меня: «Сколько марок у тебя сейчас в кармане?» Я ответил: «Наверное, двести». Все братья засмеялись и сказали: «Тогда тебе нужно ещё двести. Где ты их возьмёшь?»

Я ничего не ответил, но тихо сел в свой угол и закрыл глаза, будто собираюсь спать. Братья продолжали беседовать. Через некоторое время брат Боун снова обратился ко мне: «Брат Янтцен, ты до сих пор ещё не сказал, где возьмёшь другие двести марок для поездки в Болгарию. Или ты спишь?»

«Нет, я не сплю. Я сказал моему Господу и Учителю, Который дал всем миссионерам повеление идти во все концы земли и проповедовать Евангелие: „Господи, Ты слышал, что брат Боун сказал, что мне для поездки в Болгарию нужны четыреста марок. Теперь я прошу Тебя, Господь Иисус, если это Твоя воля, чтобы я поехал, тогда дай мне не четыреста, а восемьсот марок. Ведь Ты знаешь, что наши молодые братья и их жёны там тоже очень бедны. А если я приеду к ним без денег на более долгий срок, то стану для них бременем».

Все братья опять засмеялись, и один сказал: «Ну, брат Янтцен, ты действительно очень настырен к Господу Иисусу». На что я ответил: «Это действительно так, потому что я знаю, что Он богат».

Когда все перестали смеяться, брат Варнс сказал мне, как всегда, спокойно: «Дорогой брат Янтцен, спокойно продолжай просить, я помогу тебе молиться, и Он даст нам ответ». Теперь все замолчали, а поезд мчался к своей цели — в Берлин. Господь подарил нам благословенную конференцию. Как и раньше, я и сейчас получил много приглашений служить в церквях. Приняв все приглашения, я попросил брата Варнса опять составить мне план поездок. Я следовал этому плану, и поэтому почти каждый день говорил в другом месте. Недель через шесть я добрался до последней станции — Хомбург, где меня встретили два брата и привезли в гостеприимный дом брата Х. Муж и жена Х. очень приветливо встретили меня. После ужина брат Х. сказал мне с улыбкой: «Брат Янтцен, мы получили от брата Варнса письмо, где он сообщает, что ты хочешь ехать в Болгарию. И для этого ты просил у Господа не четыреста, а восемьсот марок, потому что Он очень богат. И теперь мы, братья, должны здесь проверить твою кассу, есть ли там восемьсот марок. Если нет, нам нужно добавить недостающее, потому что брат Варнс считает, что ты должен сделать эту поездку. Итак, брат Янтцен, давайте вашу кассу».

На это я открыл свой чемодан и передал братьям всё ещё не вскрытые конверты со сборами от церквей, которые я посетил. Один за другим открывались конверты, а содержимое с улыбкой подсчитывалось. Чем дальше, тем серьёзнее становились их лица. Закончив, они спросили, догадываюсь ли я, сколько здесь денег? Я ответил: «Нет. Я всегда считаю сборы в конце своих поездок. Тогда я благодарю Господа за то, что есть, и Он потом указывает, для чего или для кого я их должен использовать». Тогда братья ответили: «Здесь не только восемьсот марок, о которых ты просил, но тысяча двести марок!» Мы встали на колени и поблагодарили Господа за такое проявление Его милости. Брату Варнсу ещё в тот же вечер была отправлена телеграмма с сообщением результатов «исследованной» кассы. На следующее утро братья отвезли меня на вокзал во Франкфурт. Сёстры упаковали ещё несколько тяжёлых чемоданов с различными подарками для жён наших миссионеров, где были и продукты, кофе и т. д. Таким образом я отправился в Вену.

В Вене меня встретили брат и сестра Б., у которых я мог переночевать. Вечером мне ещё было предложено сказать слово в их собрании. На следующее утро мои добрые хозяева отвезли меня на пароход, который шёл вниз по Дунаю в Болгарию. Стояла чудесная светлая весенняя погода. Мы прошли столицу Словакии — Братиславу, затем столицу Венгрии — Будапешт, а под конец Белград — столицу Югославии. Все эти города расположены на Дунае, и везде пароходы делают остановку, так как много пассажиров выходят и заходят.

Наконец мы прибыли в Лом, пограничный городок Болгарии. Здесь были проверены паспорта и багаж. Затем путь лежал мимо Орехово до Рустчука, где я вышел и на берегу был радостно встречен двумя молодыми миссионерами.

Почтовым автобусом мы проехали 65 километров на юг страны, в Разград, где наши братья жили в турецком квартале города. Нас радостно встретили их молодые жёны. Их радость возросла ещё больше, когда они увидели и получили множество подарков с родины. Разговору, казалось, не было конца.

На следующее утро мы пошли на базар и закупили кое-что для домашнего хозяйства. Я искал турецкую одежду и купил себе красный турецкий головной убор — высокую шапку без полей.

Продавец-турок был очень удивлён, что я говорю с ним на узбеко-тюркском наречии, а не на

османо-турецком, на котором говорят турки на Балканах. Но узбеко-тюркское наречие здесь очень высоко чтят, потому что на нём говорят и обучают преимущественно в святой Бухаре в Туркестане. Поэтому этот язык для них в какой-то мере святой. Узбекский язык понимают только учёные османы (турки); поэтому меня всегда принимали с большим почтением.

Часто нам приходилось заходить к туркам в дома, и они хотели знать, как я изучил этот святой язык. И тогда я им рассказывал, что 45 лет жил в Туркестане и в молодости 8 лет изучал язык и Коран, чему они сильно удивлялись.

Постепенно в разговоре я переходил на свидетельство об Иисусе. При этом я ссылался на Мухаммеда, как он свидетельствует в Коране об Иисусе, Сыне рабы Марии, родившемся без земного отца. Как было благовестие от ангела Гавриила к Марии, что она родит Сына, Которого должна назвать Иса, то есть Иисус, и Он будет благословением для многих. Конечно, они не всегда понимали меня. Но такой разговор от сердца к сердцу им нравился, и они становились доверчивыми. Через эти разговоры с турками я старался показать молодым миссионерам, что миссионер должен прежде всего завоевать доверие и симпатию мусульманина. С турками нужно стать турком — и в одежде, и в образе жизни, например, в манере есть, пить, сидеть и т. д. Нужно научиться с ними жить, чувствовать и страдать. Ведь как они, так и мы были прежде погибшими людьми, может быть, очень благочестивыми, но изголодавшимися и тоскующими душами! Так и душа мусульманина стремится к Богу. Мусульманин тоже знает эту жажду и стремление, тоже знает, что грех отделяет его от Бога.

Но он также замечает, что строжайшее исполнение пятикратной ежедневной молитвы после предварительного ритуального омовения, а также ежегодный пост Ураза, не приносят душе покоя. И если теперь мусульманин сталкивается с истинной любовью Христа через Его Слово или «жизненное свидетельство» миссионера, тогда и он капитулирует, конечно, если он искренне ищет правду и становится христианином.

Все это я старался объяснить своим молодым друзьям. И то, что это так, они позже познали в своей работе.

Во время одного болгарского праздника я пошел один прогуляться в городской парк, где прекрасно играла цыганская капелла. Я присел в стороне на стоящую в тени скамейку. Через короткое время подошел другой гуляющий в турецкой одежде и в такой же шапке, как и у меня. Это было высокое духовное мусульманское лицо. Вежливо поздоровавшись «Салям Эфенди» (мир тебе, господин), он присел рядом. Вскоре мы разговорились, при этом и он тут же заметил, что я говорю на святом узбеко-бухарском языке. Вскоре он уже называл меня «Брадер Эфенди». «Брадер» – это искаженное по-узбекски «брат». У нас получился многочасовой духовный разговор. При этом он сказал:

«До тех пор, пока болгары, называющие себя христианами, будут поклоняться картинам и пьянствовать, ни один мусульманин не примет Христа. Вся жизнь и поведение высокоразвитых европейцев в науке и политике доказывает, что они только называют себя христианами, а фактически не таковые. Я знаю учение и жизнь Христа по Инжил (Евангелию). Он делал только доброе и ничего худого».

После того как я еще совершенно лично обратил его внимание на истину в Инжиле, мы братски расстались. Увидимся ли мы когда-нибудь у Господа? Я не знаю, но надеюсь.

Однажды мы поехали в Шумен, город в центре страны, и посетили господина М., немецкого миссионера от церковной миссии, которая была во Франкфурте-на-Майне и которой руководил профессор д-р Ш. Эта организация не всегда приветствовала нашу свободно-церковную

миссионерскую деятельность в Виденесте. Но здесь, в Шумене, мы встретили исполненного Христовой любовью брата. Ведь любовь Христа не знает никаких церковных рамок.

Брат М. принял нас очень сердечно и познакомил с тремя сестрами из миссии, которые трудились среди турецких женщин в Шумене. Мы, видененстцы, быстро нашли со всеми общий язык и остались там на несколько дней. Мы также провели между собой своего рода конференцию, где мы просили Господа об особом водительстве Святого Духа. Так Он сохранил нас от споров в учениях. Сам Господь стал для нас более дорогим, потому что Он был среди нас, а мы через Его любовь имели общее поле деятельности.

Отсюда я поехал по железной дороге дальше в Варну к Черному морю, где тоже еще трудился один сотрудник немецкой миссии. На вокзале меня встретил пастор Л. в сопровождении своего домашнего учителя, турка Мухамедина Эфенди. Они забрали меня в «немецкий миссионерский дом», что стоял близко к морю на одном плато, на котором расположен и весь город.

Дом, расположенный на главной улице, был двухэтажным; нижний этаж был устроен как зал собраний, как церковь со многими скамейками и кафедрой. Снаружи над главным входом висел плакат, где золотыми турецкими буквами было написано: «Евангелизационный зал для мусульман. Добро пожаловать каждому».

На верхнем этаже жил пастор со своей женой, которая тоже сердечно меня приветствовала. Вскоре мы наблюдали с балкона прекрасный вид на море.

Во время чая пастор рассказал мне историю миссии. Подробности я уже не помню. Но в общем он рассказал следующее: сам он родом из Померании около Штеттина. Он служил пастором и тогда уже имел страсть к миссионерству. Поэтому Восточная миссия послала его сюда, чтобы трудиться среди мусульман. Прежде всего, он устроил этот дом, и кроме большого зала собраний там есть небольшой читальный зал с религиозной литературой и Библиями на турецком языке. После долгих усилий он нашел Мухамедина Эфенди, который уже семь лет каждый день учит его турецкому языку. Язык он теперь немного усвоил. Но, несмотря на все старания, турки не приходят ни к нему домой, ни на собрания. Все это стоило очень дорого и еще будет стоить. Но без всякого видимого успеха. И сейчас он уже почти потерял всякую надежду.

Мне действительно было жаль этого доброго человека. Я молча слушал его рассказ. Когда он закончил, я, немного подумав, сказал: «Господин пастор, можно ли мне, выросшему среди мусульман, прожившему среди них 43 года и бывшему миссионером среди мусульман, сказать вам открытое слово?»

Он кивнул, и я начал: «Во-первых, я советую вам отправить „господина пастора“ обратно в Померанию. А мы пойдем завтра на базар и купим вам турецкий халат и турецкую шапку. Вы также должны научиться сидеть по-турецки, со скрещенными под собой ногами, и кушать руками, как турки. Господь Иисус не говорил: „Вы должны стать Моими теологами и пасторами“. Христос сказал: „Будьте Моими свидетелями“, т. е. мы должны лично пережить Его в своем сердце, чтобы о Нем свидетельствовать. Потом еще написано: „Идите по всему миру и научите все народы“. Это не значит тихо сидеть в доме и ждать, пока кто-нибудь придет, но нужно самому идти к людям.

Завтра мы вас соответственно оденем и пойдем в Турецкую чайхану, возьмем с собой несколько турецких трактатов и сядем среди них на коврах. Мы закажем чайник чая и начнем беседу. Все остальное потом будет видно. Сперва нам нужно завоевать их доверие, стать для

турок турком. Тогда и они будут с нами более открытыми. Тогда вы увидите, господин пастор, что и у них есть душа, тоскующая по небу, и с ними можно беседовать на эту тему». Пастор с удовольствием согласился на мое предложение.

На следующее утро мы, два турка, пошли в город, заходили в чайханы и говорили со многими турками. К сожалению, меня тогда опять схватил ревматизм, и я был вынужден дней десять «сторожить постель». В это время жена пастора очень участливо ухаживала за мной, за что Господь ей воздаст!

В это время Мухамедин Эфенди часто часами сидел у моей кровати, и мы разговаривали о самых разных вещах в нашей жизни. Он многое рассказал мне из своей жизни в Константинополе, где он родился и воспитывался. Там он несколько лет посещал вместе с Кемаль Пашой университет, именно с тем Кемаль Пашой, который позже стал президентом Турции и сегодня известен всем как Ататюрк. Он также говорил о реформах, предпринятых этим человеком, и прежде всего о введении в Турции западного образа жизни, что не разрешалось правоверному мусульманину. Тогда он, Мухамедин Эфенди, как профессор, протестовал против всего этого безобразия в высшей теологической школе, за что бывший его одноклассник, Кемаль Паша, стал его преследовать, и тому пришлось, наконец, бежать в Болгарию. И теперь он здесь, в Варне, дает уроки турецкого языка, и таким образом пастор стал одним из его учеников. Вместе с пастором он уже несколько раз прочитал Новый Завет. Наконец, он сказал:

«У меня самое высокое почтение перед Иисусом, Сыном Марии. Ведь Он делал и учил только хорошее. При этом Он проявил такую любовь, как никто на всей земле. Я чувствую себя как те мужи, которые пришли к Его ученикам и сказали: „Нам хочется видеть Иисуса“ (Иоан. 12, 21). Но среди всех тех, о ком я знаю, что они называют себя христианами, я не видел Христа. Никто не живет так, как учил Иисус. Например, Господь Иисус запрещает брать в руки меч. Но христиане делают ужаснейшие мечи или оружие и употребляют их против всех народов, которые не хотят жить так, как они. И любви, о которой говорит Иисус, среди них тоже нет. Европейцы посылают нам миссионеров и евангелистов, но эти люди не такие, как Иисус. Поэтому мы их не принимаем. Если бы Иисус пришел Сам, Он бы захотел и смог сделать нас счастливыми».

Все это я рассказал дорогому господину пастору, после чего он сильно притих и задумался. После относительного выздоровления мне, к сожалению, нужно было возвращаться в Рустчук. Там меня уже давно ждали. Меня поселили у семьи Х. Когда я приехал в Болгарию, брат Х. был как раз в Константинополе, и дома оставалась только его жена. Брат Х. был образованным и одаренным человеком. Он издал много хороших читаемых трактатов и брошюр на болгарском и турецком языках. Через него я познакомился с одним проповедником-методистом, руководившим в Рустчуке общиной. Он пригласил меня говорить в его церкви. Так как члены общины были в большинстве состоятельными людьми с хорошим школьным образованием, то я мог говорить на русском языке. Оба языка очень схожи, так что болгары понимают по-русски. Я говорил там несколько раз. И каждый раз на передних местах сидела пожилая супружеская пара. В первый же вечер они представились и пригласили меня к себе домой. Я принял приглашение, и вскоре мы сидели у дымящего самовара. В то время как хозяйка готовила чай, хозяин рассказал свою историю:

«Господин Янтцен, вы говорили в своей проповеди о Божией любви, которую Он имеет к падшим людям; и притом в таком смысле, что Бог иногда удивительнейшим образом открывается таким людям тем, что слышит их молитвы таким образом, что другим людям это часто кажется неправдоподобным и непонятным. Мы с женой тоже познали Бога в самый горький и тяжелый момент нашей жизни.

Как генерал царской армии я участвовал в войне 1905-1907 годов на Ближнем Востоке. После этой несчастной войны я был назначен военным губернатором в Харбине. На этом месте я был до развала 1917 года, после чего я уничтожил свои эполеты и знаки отличия. Я воевал с генералом Колчаком против красных, пока и наша армия была разбита.

Всевозможными окольными путями я, наконец, добрался до армии генерала Врангеля и Деникина, воевавших с красными на Кавказе. И эта армия была уничтожена, и разбитые остатки рассеялись по всем направлениям.

Моя верная любимая жена всегда умудрялась на определенном расстоянии следовать за мной. В больших опасностях мы снова встретились в Одессе. Там стояли наготове иностранные корабли, чтобы вывезти таких беглецов, как мы, за границу. Еще с оружием в руках мы как раз пытались взойти на последний корабль, как он, опасно переполненный отчаявшимися людьми, отчалил перед нашими глазами.

Тогда я в отчаянии сказал своей жене: „Сделай, как я. Направь дуло в лоб, закрой глаза и оттяни курок. Я тоже так сделаю. При этом мы будем просить Бога, чтобы Он нас спас“. Так мы приготовились, и я молился: „Всемогущий Бог, Ты видишь наше отчаянное положение, если Ты действительно есть, тогда спаси нас, и пусть корабль вернется и возьмет нас с собой, иначе мы станем самоубийцами“. Так я молился несколько раз. Тогда я увидел пенящиеся волны, и что корабль действительно возвращается к берегу и в спешке все-таки забрал нас с собой.

Издали мы видели, как в Одессу входили красные... Так мы познали Бога, и с тех пор мы при любых обстоятельствах держимся Его и счастливы в Нем. Корабль доставил нас в Варну. Через некоторое время мы приехали сюда, в Рустчук, где я приставлен секретарем главы города».

Вот рассказ этого человека. Во все другие дни я должен был каждый день приезжать к пяти часам на чай. Здесь я познакомился с одним русским попом, жена которого, какое своеобразное совпадение, была родом из одной меннонитской семьи из Украины. Эти люди тоже попали сюда как беженцы. Батюшка собрал всех беженцев в Рустчуке в общину и служил им священником.

Однажды супругов Х. пригласили послужить в одно воскресное утро в общине Совета. Этот городок расположен в 25 километрах от Рустчука ниже по течению Дуная. Речь шла о вновь образованной общине, которая собиралась в доме одного столяра, который и руководил ею. Нас приняли очень сердечно. Но так как дом был слишком тесен, то мы все время сидели во дворе. Для нас, гостей, за столом поставили стулья, а слушатели сидели частью на скамейках, частью на траве.

Так как мы совсем не знали руководителя, то брат Х. призвал его прежде всего рассказать нам, как он пришел к вере в Господа Иисуса Христа. Здесь нужно добавить, что болгары строго принадлежат к греко-католической церкви. Руководитель прежде помолился, а потом сказал:

«Как знают все мои сограждане, я долгое время был пьяницей. Как я ни боролся с этим, мне никак не удавалось освободиться. Однажды я, опять пьяный, шатался по базару. Там я увидел полку со многими книгами. Мой взгляд упал на бывший в употреблении Новый Завет. Тогда меня осенило, что некоторые люди нашли в нем удивительные вещи. Мне стало любопытно, и я купил его очень дешево, потому что он был довольно потрепанный.

Дома я положил его на верстак. А сам пошел спать, чтобы выспаться от пьяного угара. Проснувшись утром, я подошел к верстаку, взял Новый Завет и начал читать. Но ничего не мог понять. Отложив его в сторону, я стал работать. Но он не отпускал меня. Каждый день я

понемногу читал и постепенно стал находить многое о Господе Иисусе, как Он лечил больных и воскрешал мертвых и т. д. Дальше я прочитал о том, что Он слышит наши молитвы, и это, наконец, так захватило меня, что я склонился на колени перед верстаком и сказал: „Господь Иисус, если все это правда, что написано в этой книге, тогда я прошу Тебя, освободи меня от пьянства“. И Он услышал мою молитву и освободил меня, этому все тут свидетели».

Потом нас попросили что-нибудь сказать общине, и мы это с радостью сделали. Мы говорили о великой любви Божией, которая доказывается нам в Писании и которая содействует таким вот услышанным молитвам, как мы только что слышали. В заключение мы спросили, кто еще из слушающих нашел в Иисусе Христе своего личного Спасителя, на что поднялось много рук. Тогда мы попросили их рассказать, как они пришли к этому. Тогда встал один мужчина и от имени других сказал: «Через изменившуюся, лучшую жизнь и свидетельство столяра мы тоже пришли к тому, чтобы купить Новые Заветы. Чтобы лучше его понимать, мы договорились собираться два раза в неделю и читать Писание. И тогда мы познали, что каждому человеку дано без посредничества священника или матери Божией молиться во имя Иисуса Христа, а не так, как наши священники в церквах. Так мы молились, чтобы Он и нас сделал детьми Божиими, как написано в Иоанна 1, 12-13. Он услышал нашу молитву, и мы стали счастливыми».

Мы начали молиться, и многие из этих простых людей, мужчин и женщин, громко высказывались с хвалой и благодарением о том, что Бог с ними сделал. Так у нас было благословеннейшее воскресное утро, за которым последовали такие же благословенные послеобеденные часы. Все опять собрались, и мы имели глубокое чувство, что Господь среди нас.

Вечером мы двое в сопровождении некоторых других братьев пошли в город и посетили турецкую чайную. Были розданы трактаты, и я сказал небольшую проповедь на турецком языке. Развернулись обычные среди мусульман дебаты.

Когда мы, наконец, вышли на улицу, чтобы пойти на квартиру к брату столяру, нас с четой Х. остановила пограничная полиция и передала двум вооруженным солдатам. Совет расположен близко к румынской границе.

Я запротестовал против этого и показал свои документы, а брат Х. свои. В них было засвидетельствовано, что мы имеем от министерства в Софии разрешение проповедовать Евангелие по всей Болгарии. Но полицейский начальник совершенно на это не реагировал. Нас посадили на приготовленную крестьянскую телегу, солдаты сели рядом, и мы поехали в ночь. Нас отвезли за тридцать километров на главную квартиру шефа пограничной полиции и сдали как опасных преступников. Там нас привели к секретарю, который принял протокол пограничной полиции. Он прочитал его и сказал: «Уже поздно, и главного коменданта нет. Отведите задержанных в тюрьму! Завтра комендант сам разберется».

Когда нас хотели увести, я решительно сказал: «Я не позволю отвести себя в тюрьму, пока не будут просмотрены наши документы. Они выданы и утверждены болгарским министерством. Я требую немедленной проверки документов».

Тогда секретарь прошел в соседний кабинет, где явно был комендант, игравший с другими в карты. Комендант тут же пришел вместе с секретарем. Он едва держался на ногах и заорал: «Что вам нужно?»

«Нас привезли сюда из Совета, как бандитов. И даже не посмотрели наши документы от министерства в Софии, где все в порядке, и теперь нас хотят запрятать в тюрьму. Я протестую»

против этого и требую немедленно проверить документы и отпустить нас».

Он прочитал бумаги и сказал: «Документы в порядке. Вы свободны и можете идти».

«Мы свободны?»

«Да, чего вы еще хотите?»

«Мы свободны, а вы нет, мой господин. Как вас зовут?» С этими словами я вытащил записную книжку и карандаш. Он спросил:

«Что вы хотите с моим именем, зачем оно вам?»

«С нами обошлись против закона, и я хочу призвать вас к ответу, и именно перед министерством вашего правительства. А иначе мы с нашими документами не можем быть в этой стране в безопасности, потому что подчиненных совершенно не касаются распоряжения министерства».

Тогда он закричал: «Ищите свои права в Голландии!»

«Нет! Но я надеюсь через несколько дней встретить вас в министерстве в Софии».

С этими словами мы вышли из канцелярии на улицу. Здесь нам тут же предоставили автомобиль, который отвез нас в первоклассный отель. Несмотря на глубокую ночь, нас, кажется, ждали. Мои догадки подтвердились, что, видимо, секретарь все так устроил, пока я разговаривал с комендантом.

В отеле нас встретила дама, прекрасно говорившая по-немецки. После ужина и чая эта дама под села к нам и рассказала, что она родом из Вюртемберга.

Ее родители были католиками, и она была воспитана в этой вере. Ее муж попал в Германию как военнопленный. Они познакомились и позже поженились. После войны она приехала с ним сюда и приняла отель. Дела шли неплохо, и брак их был счастливым. Но часто у нее была сильная тоска по Германии. Но еще более тяжелое бремя мучило ее день и ночь. Очень решительно и стыдливо она сказала: «У меня в сердце нет мира. Все мои молитвы не помогли мне».

И мы с удивлением увидели, что здесь есть жаждущая душа, которой мы должны были указать правильный путь. Из-за ее католических понятий вначале трудно было объяснить ей ту свободу, которую принес Иисус Христос. Но постепенно Божий свет проник в ее сердце. Дух Божий явно работал в ней. После того, как мы несколько раз помолились с ней, она успокоилась и нашла мир.

Между тем наступило утро. Никто из нас не думал о сне. Мы еще раз попили чай и немного перекусили, когда нам сообщили, что нас ждет автомобиль, чтобы отвезти в Рустчук.

Мне это показалось странным, потому что мы не заказывали никакого автомобиля. Но вдруг в голове молниеносно пронеслось:

«Мы потому должны были быть задержаны в Совете, как бандиты, и привезены сюда, потому что именно здесь была тоскующая по родине и жаждущая Бога душа, которая не могла в одиночку найти этот путь. Должны ли мы были попасть сюда, чтобы указать ей путь, на который она теперь вступила? О Боже, как бесконечно неисповедимы пути Твои в моей

жизни!»

Автомобиль, в который мы сели, имел шесть мест. Сзади сидели сестра Х. и я, впереди священник более высокого ранга и брат Х., а рядом с водителем сидел еще один господин в шляпе, которая была надета так, будто он не хотел показывать своего лица.

Как только мы выехали за город, священник начал беседу с братом Х. Он хотел знать, болгарин ли он. Брат Х. ответил: «Нет, я немец». На что священник пробормотал: «Значит, иностранец». Потом он спросил: «Скажите, может быть, вы тоже что-то слышали о том, что вчера в Совете арестовали одного голландца и привезли сюда к главному коменданту пограничной охраны? И при этом его документы были в порядке. Но, говорят, что этот голландец остро протестовал против такого обхождения и пригрозил призвать коменданта в Софии для ответа?»

«Да, это было так! Я сам при этом присутствовал».

«Тогда вы знаете этого человека?»

«Да, я миссионер, а этот человек наш инспектор по миссии. Он сидит сзади».

Разговор шел на болгарском языке, но я все понял. Тогда священник стал просить брата Х.: «Не можете ли вы уговорить его уничтожить тот протокол? Если это дело дойдет до министерства, оно будет иметь дурные последствия для высокоуважаемого коменданта. Притом, он ведь не сам арестовал вас».

«Хорошо, я поговорю с господином инспектором».

При этом он повернулся и сказал по-немецки: «Дорогой брат Янтцен, ты, наверное, все слышал и понял. Что мне ответить священнику?»

На это я ответил приблизительно так: «Мой долг, как инспектора миссии, заботиться о том, чтобы все миссионеры в этой стране могли трудиться свободно и без помех, если они имеют разрешение от министерства. Но вчера было не так. Хотя мы имели правильные документы, с нами обошлись, как с бандитами, и потащили к пограничникам. Да, нас даже хотели запереть в тюрьму. И только после моего протеста довольно сильно напившийся комендант соизволил проверить наши документы и после насмешливого замечания „Ваши права вы можете искать в Голландии“, отпустил нас. На это я ответил, что мы свои права будем искать не в Голландии, но в Софии. Я передам этот случай в министерство и призову коменданта к ответу.

Протокол составлен, и я надеюсь через несколько дней встретиться с комендантом в министерстве. Через это я ожидаю, что наши миссионеры в будущем останутся неприкосновенными.

После того как брат Х. всё перевёл, священник начал умолять, и после долгих переговоров я согласился: «Хорошо, я уничтожу протокол, если высокочтимый священник письменно даст свою гарантию, что наши миссионеры в будущем ни в коей мере не будут обременены. И пусть он подкрепит свою подпись печатью.»

Немного подумав, он согласился. Когда мы доехали до Рустчука и вышли из машины, он написал гарантийное письмо, подписал его и приложил к нему свою государственную печать. Он отдал мне это письмо, я уничтожил протокол, и мы расстались после приветливого рукопожатия. При этом я заметил, что господин в шляпе был секретарём коменданта.

После этого я ещё несколько дней делал прощальные визиты к моим русским друзьям и проповеднику-методисту. Потом я распрощался с супругами Х. и сел на пароход, который через шесть часов пути вниз по течению доставил меня в Орехово, где меня встретил миссионер К. Почтовым автобусом мы отправились на 25 километров вглубь страны, в Воиводова, где брат К. сам построил дом с большим помещением для собраний. По происхождению он был вендом из местности Шпреевальд в Германии, где у него было большое имение. Он не был женат. После покаяния и обращения он стал посещать Библейскую школу в Виденесте, и там мы познакомились.

«Её туда доставим?» Я тут же сказал, что могу нанять телегу и отвезти её.

Пока я доставал телегу, врач написал краткую записку руководителю клиники и распрощался. Пока пришла телега, которую я хорошо набил соломой, чтобы больная могла лежать более удобно, наступило утро. В Ломе ей тут же сделали операцию, и через несколько недель отпустили. Я опять привез её домой.

В это время я узнал, что её муж, кузнец, что-то украл, и потому был в тюрьме. Когда я однажды посетил эту женщину после её возвращения, она спросила меня: «Почему Вы так много для меня сделали? Вы же знали, что я не могу Вам заплатить, потому что у меня нет денег. Дорога в Лом и обратно, операция в больнице и приход доктора здесь — ведь всё это стоило много денег.» Я ответил: «Господь Иисус велел мне всё это сделать.»

Она не могла этого понять, это было для неё слишком удивительно. Тогда я взял свой болгарский Новый Завет и прочитал ей, как Господь Иисус помогал многим больным и таким, которые были злы и полны греха. И, если они тогда обращались к Нему, они переживали через Святого Духа возрождение в своём сердце и получали совершенно новый характер. И этот характер от Иисуса всегда хочет делать только хорошее, и Он теперь живёт во мне и повелел мне привезти её в больницу и позаботиться о ней. Она слушала меня поражённая. В заключение я ещё помолился с ней во имя Иисуса и уехал домой.

Я всё снова посещал её и каждый раз молился с ней, пока и она не пережила возрождение и не стала христианкой.

В это время у меня появилась возможность посещать в тюрьме её мужа. Я рассказал ему обо всём, что случилось с его женой. И он стал задумываться. Я ещё каждый раз кратко беседовал с ним о Библии, и мы вместе молились перед тем, как я уходил.

Через эти посещения я познакомился и с начальником тюрьмы. В конце мы стали добрыми друзьями. Когда я однажды снова пришёл в тюрьму, он рассказал мне, что с кузнецом что-то произошло, чего просто никто не мог понять. Через мои посещения кузнец стал святым человеком, не как мусульманин, а как христианин. Он жил как христианин и был добрым примером для своих товарищей по тюрьме. Когда я прошёл к кузнецу, я нашёл исполненного счастьем и миром брата. За это мы на коленях поблагодарили Господа.

Через некоторое время кузнец вернулся домой и стал усердно работать в своей кузнице. Это удивило меня. Когда я через некоторое время посетил начальника тюрьмы, я спросил, почему этот кузнец был освобождён от наказания. На это он сказал: «Потому что я сам увидел, как изменилась его жизнь, и, видя его хорошее поведение, я пришёл к убеждению, что он больше не будет красть. И я поручившись за него, добился его освобождения и в добрый путь отправил его домой.»

И потому что он всем стал таким хорошим примером, обратились к Господу и его брат с

СЫНОМ.»

Когда брат К. закончил рассказ, мне вспомнился разговор с Мухамедином Эфенди в Варне, который сказал мне: «Мы, мусульмане, очень хотели бы видеть Иисуса, а не так называемых христиан и их миссионеров.»

Как я уже упоминал, у нас в Воеводова были хорошие собрания. В одно воскресенье после обеда, закончив проповедь, я увидел в дальнем углу молодого турка, который спросил: «Можно мне сказать?» Он вышел вперёд и сказал собранию:

«На прошлой неделе я приходил почти на каждое собрание.

После того как я столько слышал об Иисусе, Спасителе грешников, то я связался с Ним в молитве. И тогда Он показал мне все мои грехи. Я очень испугался и в отчаянии попросил милости и прощения своих грехов. И Иисус простил мне всё. Но Он ещё велел мне всё рассказать, где я неправильно поступал с людьми, и снова с ними всё уладить, насколько я смогу. И это я хочу теперь сделать.»

С этими словами он показал на одного слушателя, рядом с которым он жил. И сказал ему: «У тебя я крал овощи.» А другому он сказал: «У тебя я крал кур.» и т.д. Под конец он объяснил: «По возможности я постараюсь всё это вернуть. Но я прошу вас, простите мою вину.» Все, к кому он обратился, были детьми Божиими. Они с радостью простили ему и добавили: «Ничего нам не возвращай, потому что мы тоже живём по Божией милости, в которой каждый день нуждаемся через Иисуса Христа.»

После того, как многие выразили свою радость в молитве хвалы и благодарения, собрание закончилось.

Однажды один брат-баптист пригласил меня в Лом, где у него была община, состоявшая только из турецких цыган. Я отправился в Лом на пароходе и был приветливо встречен очень бодрым и интеллигентным молодым человеком и его женой. Оба довольно хорошо говорили по-немецки, потому что оба бывали в Германии. Дальнейшее образование они получили в Сперджен-колледже в Англии, они также были членами Всемирного Союза баптистов. Ещё в тот же вечер я должен был говорить в его общине, к чему уже всё было подготовлено. После ужина мы отправились на собрание за город.

Когда мы прибыли туда, сразу перед заходом солнца, мы увидели жителей села, сидевших посреди улицы у своих костров. Каждая семья готовила для своего дома ужин. Они пригласили нас поужинать с ними, от чего мы, правда, отказались, потому что были уже сыты. Но у одной группы мы остановились. Они уже закончили кушать, но ещё сидели у огня и курили свои длинные трубки. Они тоже пригласили нас поужинать, от чего мы также отказались.

Среди них сидела и одна старая курящая женщина. Она повернулась к нам и спросила: «Может ли старая девяностолетняя женщина тоже ещё попасть на небо?» Брат должен был перевести мне этот вопрос, потому что я не мог её понять. Наш ответ был: «Да, если Вы примите Господа Иисуса как своего Спасителя, Вы будете блаженны и придёте к Нему на небо.»

Это очень удивило её, и она опять спросила: «И тогда мне тоже можно будет приходиться в собрание?»

Мой коллега ответил: «Да, ты тоже можешь приходиться в собрание.»

В это время я услышал своеобразный звук, как будто колокола, но, казалось, всё же чего-то другого. Мой коллега улыбнулся и сказал: «Мы должны идти, уже звонят.»

Вскоре мы стояли перед одним домом побольше. Там на одном столбе висел двухметровый кусок рельса. И один молодой человек бил в него деревянной колотушкой, и это давало такой своеобразный звук. «Это наш колокол, часов у нас нет,» объяснил проповедник.

В доме уже сидели многие цыгане, частью на скамейках, частью на земле и ждали нас. В верхнем конце помещения было нечто подобное кафедре с двумя стульями. Рядом фисгармония, за которой сидел цыган. Он очень хорошо играл из баптистского сборника песен.

Когда всё помещение заполнилось, проповедник назвал песню. Все открыли свои сборники и пели этот гимн на своём языке. Для молитвы они встали и сняли с голов шапки. Затем опять сели и надели шапки. Проповедник прочитал отрывок из Нового Завета, сказал несколько слов и передал слово мне. Я говорил по-немецки, а он переводил.

Вдруг у входной двери среди слушателей возник шум. Там на полу сидела старая цыганка, была вокруг себя трубкой и кричала: «Эти мальчишки всё время мне мешают. Так я не могу слышать, что говорят. А я тоже хочу слышать Евангелие, потому что я тоже хочу на небо.»

Я перестал говорить. Проповедник прошёл по рядам, схватил мальчишек одного за другим и выводил их на улицу. Затем он закрыл дверь, вернулся, и я опять продолжил.

Закончив, я призвал всех цыган открыто помолиться, кого к этому побуждает Святой Дух. Все опять встали и сняли шапки. Многие молились, и я заметил, как серьёзны они при этом были, как глубоко они были внутренне тронуты. Проповедник сделал заключение. Мы спели ещё одну песню и все тихо пошли домой.

На следующее утро пришёл методистский проповедник, чтобы познакомиться со мной. Он был болгарин, но хорошо говорил по-русски. Говорят, что болгары родом с Волги и что поэтому эти два языка так похожи. Их предки когда-то назывались Волгарами. И главенствующая религия у них — греко-католическая, как у русских.

Как мой посетитель пришёл к методизму, я не знаю. Но, без сомнения, он был истинным христианином. Это я узнал и по тем многим вопросам, которые он мне задавал. В конце беседы он остался доволен и пригласил меня на следующий вечер говорить в его церкви. Я согласился.

Когда мы на следующий день проходили с братом-проповедником по улицам города, мы увидели на углах улиц, на домах и на дверях магазинов печатные плакаты с сообщением, что на следующий вечер в капелле методистов будет говорить миссионер из Туркестана. Всех жителей сердечно приглашают послушать этого человека, прибывшего из такой дали. На следующий вечер, подходя к капелле, мы увидели многих людей, спешивших туда же, и всё помещение было переполнено. После вступления проповедника и после того, как община спела несколько песен, должен был говорить я. В конце вечера я должен был обещать говорить ещё два вечера, на что я согласился. И зал всё время был полон. Какое воздействие имели мои проповеди, я не знаю; лучше всего это знает мой Учитель. Для меня после каждого благовестия оставалось одно, то, что сказано в Исаии 55, 11: «Слово Моё не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно.»

После моего служения в Ломе оба проповедника проводили меня на пароход, который привёз меня обратно в Рустчук. Оттуда я ещё раз съездил в Разград, где я ещё несколько недель

практически помогал братьям Х. и Г. и объяснил им, как лучше всего подойти к туркам и завоевать их доверие.

Затем я распрощался с ними и отправился в обратный путь. Сердца всех нас были полны славословия Господу, Который так благословил нас в общении друг с другом в эти прошедшие месяцы. Затем я опять поехал в Рустчук и был там ещё десять дней у супругов Х.

В эти дни брат Х. однажды проводил меня к дервишам города. Дервиши относятся к мусульманской организации мужчин, которые ведут почти аскетический образ жизни и действительно ищут истину. И так как я говорил на высокопочитаемом всеми османами бухаро-узбекском языке, руководитель дервишей принял меня с большим уважением, и я несколько раз должен был говорить в их мечети. Это совсем не мелочь, ибо они все очень хорошо знали Коран.

Здесь я опять должен кое-что вставить. Когда Кемаль Паша стал президентом Турции и ввёл в стране некоторые европейские традиции, отвергнутые мусульманами, тогда он даже велел перевести Коран на турецкий язык. Вообще Коран написан на арабском языке, и Мухаммед строго запретил перевод его на другие языки. Поэтому поведение Кемалья ужасно возмутило мусульманское духовенство, муфтиев и калифов (своего рода мусульманские священнослужители) и вызвало восстание в Константинополе.

Но запретный плод сладок! Так было и здесь, в результате многие люди могли читать Коран. И, таким образом, ислам потерял многое от своего фанатизма. И с обратной стороны, через это сердца турок стали гораздо восприимчивее к Евангелию Иисуса Христа. Так Бог иногда употребляет политические события для того, чтобы открылись двери для Его Слова.

Один серьёзный, особенно учёный дервиш пришёл к вере в Иисуса Христа. Через некоторое время он выразил желание принять крещение во имя Иисуса. Но я заметил, что у него совсем нет сознания греховности. Хотя Коран и свидетельствует об Иисусе, Который чудесным образом родился от Марии, который потом жил без греха, умер и был воскрешён Богом и вознесён на небо, но Коран ничего не говорит о кресте и его значении.

И мне пришлось обратить внимание этого честного дервиша на то, что Господь Иисус пришёл только для грешников, что Он ради них пошёл на крест и умер для того, чтобы спасти их от их грехов. Я показал ему в Инжили (Евангелии) на его языке многие места, разъясняющие этот факт. Он сильно задумался. Когда я через несколько дней принял его приглашение и опять был с ним в его доме, он сказал: «Что мне делать? Я очень серьёзно думал. Но я нахожу, что никогда не грешил.» Затем серьёзно добавил: «Нужно ли мне украсть лошадь или ещё что-нибудь натворить, чтобы стать погибшим грешником?»

Тогда я показал ему 1 Иоан. 1:6, где написано, что Бог есть свет. И добавил, что если он посмотрит на себя в свете Божиим, должен будет осознать, что он потерянный грешник без того, чтобы что-то украсть или ещё что-то совершить. Но, казалось, что его душа остаётся в темноте, хотя я очень старался его просветить. Наконец я предоставил его Господу и просил Его не оставить этого честного, стремящегося к истине человека.

К тому времени наступил сентябрь, и мне нужно было уезжать. Братья Х. и Г. проводили меня от Разграда до Рустчука, где я распрощался с супругами Х. Все ещё подошли к пароходу, который должен был привезти меня в Орехово. Здесь со мной попрощался брат К., и мимо Лома, Белграда, Будапешта, Братиславы я опять добрался до Вены, на что ушло четыре дня. Там меня радостно встретили братья. Здесь мне пришлось остаться ещё на несколько дней, потому что я не мог отказаться говорить слово на некоторых вечерних собраниях. Это были

благодарные вечера. Днём мы посещали верующих на дому.

В заключение мне ещё хочется заметить две вещи. Во-первых: когда я весной поехал в Болгарию, у меня, по милости Божией, было много денег в кармане. Я чувствовал себя королём. И при отъезде осенью я мог оставить миссионерам несколько сотен марок.

Всё, что мы вместе пережили, наполняло наши сердца хвалой и благодарением, и прежде всего оттого, что нам удалось найти общий язык с братьями из церковной миссии. Мы все говорили себе, что Христос не пришёл для того, чтобы создавать различные религиозные направления, но, как Он Сам сказал, «спасти грешников», чтобы «они все были едино».

Потом нужно отметить, что наши миссионеры до самого начала войны в 1939 году оставались неприкосновенными и могли работать очень благословенно. Сразу после начала войны все миссионеры были отозваны из Болгарии. Но они смогли передать свою работу чешским, болгарским, турецким и цыганским братьям. Сегодня никто точно не знает, как обстоят дела с детьми Божиими в этих странах!

Из Вены мой путь шёл через Гейдельберг в Хомбург, где меня опять встретили муж с женой Х. После того, как я несколько вечеров рассказывал обо всём пережитом, я отправился в Виденест, где меня ожидал особенно тёплый приём супругов Варис и многих других братьев и сестёр. Естественно, и здесь мне несколько вечеров пришлось рассказывать о своём путешествии. Потом я отправился в Голландию, где опять поселился на своей квартире у супругов А.

Глава 21: Служение свидетельством во многих местах

В Арнхеме была цветущая община свободноцерковных христиан, которых в Голландии можно было встретить довольно часто. У меня там было всякое служение. Но бывали приглашения и от церковных обществ рассказывать о моей жизни в России и в миссии.

Из-за того, что я тогда ещё слабо владел голландским языком, мне всегда нужен был переводчик. И когда я получил приглашение говорить в одной большой церкви, то моим переводчиком был пастор церкви, господин Л. де Л.

Но прежде ещё короткое отступление. Где бы я ни говорил после 1925 года, я никогда не выступал как теолог, но всегда только как свидетель Иисуса Христа или миссионер. И это с ещё большим убеждением, когда и после своей поездки по странам Европы встретил много «христиан», часто очень благочестивых «язычников», которые совершенно не имели представления о духовном возрождении через Святого Духа к новому творению, как написано в Иоанна 1:12-13. Люди чаще всего удовлетворяются хорошим благонравным поведением без Духа Божьего. Но гуманистическое поведение способствует благородному характеру, а для этого нет нужды в Господе Иисусе Христе, хотя имя Иисус или Христос употребляется очень часто. Домине (пастор) церкви в А. известил людей, что будет говорить русский миссионер. Это их очень заинтересовало, потому что они хотели побольше узнать о России. Это я точно знал. Но я всегда пользовался возможностью лично засвидетельствовать о моём Боге и Спасителе, Который так много раз чудесным образом открывался мне, даже спас от смерти у большевиков в России. Так у меня всё время была возможность обратить внимание моих слушателей на жизненное общение с Богом, которое возникало во мне через моё возрождение через Святого Духа. Укреплённый свидетельством Святого Духа во мне, я мог подтвердить Рим. 8:16, что я уже дитя Божие, а не только «надеюсь», как повсюду учат, когда-нибудь им стать.

Мой переводчик очень хорошо владел немецким. Поэтому он и переводил очень выразительно, особенно тогда, когда я так сильно пытался говорить от сердца к сердцу, из моей жизни для жизни. Такой вид христианской жизни был явно нов для слушателей, это хорошо было видно по их напряжённому вниманию. Домине не сделал никаких дальнейших замечаний, и он был чужд моему свидетельству.

Несколькими неделями позже я получил приглашение от домине реформаторов в той же местности, и я взял переводчиком того же первого господина. Посещение церкви и в этот раз было очень хорошим, также и восприятие слова. Спустя некоторое время меня пригласила церковь дарбистов; и здесь у меня был тот же переводчик.

Эта троекратная совместная работа привела к тому, что господин Л. де Л. сам пришёл к покаянию и обращению. Он не был женат и часто приглашал меня посетить его в Арнхеме. Он хотел ещё больше изучить Писание. Через два года он попросил преподать ему крещение на основании Римлян 6:4. Святой Дух Сам привёл его к этой истине через Марка 16:16. Когда об этом узнали, это вызвало великое изумление. Многие из его церкви не хотели этому верить и говорили: «Нам нужно самим увидеть, чтобы поверить.»

Когда наступил день крещения, господин Л. де Л. пригласил всех жителей этой местности. Они должны были прийти и увидеть, как он будет креститься. В назначенное время мы вошли в большой зал собраний. После моего краткого вступления, крещаемый сказал: «Уважаемые жители А., я знаю, что моего старого друга, отца Янтцена, обвиняют в том, что он склонил меня к крещению. Это неправда. На это обратил мое внимание прежде всего Святой Дух, и то, что Господь Иисус говорит в Евангелии от Марка: „Кто будет веровать и креститься, спасен будет.“ Это слово открыло мне глаза, и я познал, что мое младенческое крещение этому не способствует. Мои родители рассказали мне, что я был крещён, но что я понимал об этом в детстве? Отсюда теперь моё решение принять крещение.»

После крещения, когда он переодевался, мы все другие пели до его возвращения. Он радостно сказал: «Отец Янтцен говорит, что после такого серьёзного действия он привык вместе с детьми Божиими совершать с хвалой и благодарением святое хлебопреломление. Поэтому я приглашаю всех детей Божиих, которые в этом зале, поехать в мою квартиру и вместе участвовать в вечере.» И мы пошли к нему на квартиру. С нами пошли ещё человек десять.

Из-за такого неслыханного шага этот дорогой брат испытал много преследований со стороны официальной церкви и других людей. Но он переносил всё это с истинной любовью и терпением, что со временем принесло добрые плоды.

Его решительные действия, а также проявляемая ко всем любовь и приветливость содействовали тому, что у многих открылись глаза. И в течение следующих двух лет за ним последовали ещё 35 человек. Господь так благословил верное свидетельство этого брата, что сегодня в А. имеется свободная община с более чем ста членами. То же самое повторилось несколько лет спустя в месте рождения Л. де Л., где сегодня тоже есть община из шестидесяти крещённых членов.

В это время брат Варнс и я предприняли круговое путешествие через всю Германию и Австрию до Инсбрука в Тироле, чтобы посетить множество свободных общин в городах и сёлах.

Вечерами, а часто и днём, повсюду проводились собрания, где мы могли видеть славу Божию и действенную силу Его Духа. В 1930 году я поехал по приглашению в Битенберг в Швейцарию, где должна была состояться всемирная конференция свободноцерковных детей Божиих. Выяснилось, что присутствовали представители 21 страны. Среди них были чернокожие из

Африки, коричневые из Индии, арабы, китайцы, индонезийцы, португальцы, итальянцы, испанцы, французы, болгары, румыны, югославы, чехи, турки, поляки, англичане, бразильцы, немцы, американцы, прибалты и я, единственный представитель России.

Единственной темой для этих, свободных от деноминаций, детей Божиих было: «Где и как они нашли своего Господа и Спасителя Иисуса Христа.»

Эта конференция длилась две полные недели, потому что каждое свидетельство переводилось на все языки, что, конечно, требовало времени. Каждый день начинался с молитвенного часа в 8:00 утра. Затем до 11:30 были свидетельства. Обедали мы все за общим столом в ближайшем отеле. После обеда мы собирались с 15 до 18 часов и вечером с 19:30 до 22:00. Все эти свидетельства были в большинстве очень захватывающими, и при этом Господь становился нам всё более великим. Было видно, как Он каждого своим образом, в своей стране, различными путями в божественном терпении и любви часто годами ждал до тех пор, пока не приводил эту потерянную душу от самопознания к Богопознанию. И когда они через Его благодать находили мир, тогда уже не могли иначе, как свидетельствовать о Нём и в тишине, и открыто.

Эти две недели были для нас большим благословением. Поэтому в заключение было высказано всеобщее желание, после того как Господь так объединил нас, вместе совершить вечерю Господню. Этим должен был руководить я. Перед лицом большого числа людей, большинство из которых я раньше не видел, я прочитал 1 Кор. 11:23-29. После нескольких слов о значении вечери и упомянув об испытании самих себя, я разломил хлеб. Из-за большого количества участников раздача хлеба длилась долго. Затем я ещё прочитал 1 Кор. 10:15-17, поблагодарил за вино и раздал чаши.

После вечери ещё все молились по рядам, каждый на своём языке. В такой вечере я ещё никогда не участвовал. В конце дня всё время повторялись выражения: «Это было частицей неба на земле, без разделения на языки, потому что все были едины в Его Духе!» На этом мы расстались.

После этого я ещё предпринял поездку через Швецию и посетил, кроме свободных общин, ещё и некоторые другие, например, меннонитские и под конец Библейскую школу в Лозанне, которой руководил английский брат Эол, давнишний и очень близкий мой друг. По его просьбе я остался здесь на несколько дней и имел ещё возможность свидетельствовать у методистов и дарбистов в этой местности.

Глава 22: Мусульманская миссионерская конференция

Из Лозанны мой путь шёл через Берн и Базель в Виденест, где меня ждало приглашение от пастора фон Бодельшвинга в Бетель около Билефельда на межконфессиональную мусульмано-миссионерскую конференцию. Такое же приглашение получили братья Варнс и Боун. Брат Боун был перед первой мировой войной на юге России и работал в меннонитских общинах. Так как он изучал гомеопатию, то работал по этой специальности. До 1914 года это было возможным, а потом его интернировали в Сибирь. После войны его отпустили, и он опять мог работать до того времени, когда большевики вынудили его вернуться в Германию.

Когда-то брат Боун тоже хотел работать среди мусульман. Но изучение узбекского языка стало для него непреодолимым препятствием. Ни он, ни брат Тильман, хотя и могли немного беседовать с мусульманами, не могли подготовить доклад или проповедь. Поэтому оба больше трудились среди меннонитов и других поселений немцев. Но всё же брат Боун собрал

некоторый опыт миссии среди мусульман и поэтому имел понятие об этой работе.

Собралось несколько сот участников. Там были профессора и директора различных немецких церковных миссионерских обществ и другие, имеющие отношение к этому делу, с которыми мы все познакомились. После пения и молитвы конференция была открыта одним доктором и профессором теологии. Он объяснил цель этой встречи и затем было предложено много докладов в очень учёной форме, где цитировалась и первая сура Корана. При этом мы, совсем неучёные миссионеры, посмотрели друг на друга с улыбкой, потому что немецкий акцент арабской цитаты звучал очень комично.

Нам, практическим миссионерам, был чужд дух конференции. А мне, только что прибывшему из Битенберга, где я побывал на Фаворе с множеством детей Божиих различных национальностей, эта разница была особенно видна.

Кажется, на второй день конференции после обеда на кафедру взошёл один господин и сообщил, что за один год в бывших немецких колониях Африки несколько тысяч мусульман обратились в христианство. Когда я это услышал, мне стало как-то особенно тепло на сердце. Я поднял руку, и меня тут же назвали: «Господин миссионер Янтцен, многие годы трудившийся среди мусульман Туркестана.» Брат Варнс, заметивший моё внутреннее беспокойство, признался мне позже, что всё это время за меня молился. Я вышел на помост и представился. Затем я рассказал, как 14 лет назад попал в Туркестан и затем восемь лет изучал местные языки и Коран. Естественно, я изучал и такой же по важности шариат. Каждый учащийся должен был прежде всего изучить эптийерк (символ веры) и пять форм молитвы, которые должно произносить только на арабском языке. Учение давалось мне легко. Я мог даже схватывать акцент учителей. Доказательство этому я произнёс «символ веры» и первую суру Корана.

Затем я повернулся к господину профессору или доктору из Африки и попросил его немного подробнее рассказать о массовом обращении мусульман в христианство, ибо меня очень удивляет это высказывание, потому что за 43 года жизни в Туркестане я хорошо изучил мусульман. При этом я рискнул утверждать, что те мусульмане в Африке никогда не были настоящими мусульманами.

На это господин доктор возразил: «Я согласен, мусульмане Центральной Азии и Туркестана интеллигентнее, чем черные в Африке, которые до недавнего времени ещё жили в джунглях. К ним приехали арабские купцы и дарили им красивые, цветные мусульманские хлопчатобумажные одежды, если они за это становились мусульманами. Негры пошли на это и стали мусульманами. Когда же пришли немцы, негры поняли, что немецкая одежда намного красивее и надёжнее. И при массовом обращении очень большую роль сыграло желание получить немецкую одежду.»

На это я мог ответить только одно: «Значит, негры в действительности были приведены не ко Христу, но к немецкой одежде. Вы их сделали немцами и ничего более.»

И тогда я рассказал об отдельных обращениях моих мусульманских братьев в Туркестане, где некоторые из-за веры умерли мученической смертью. Они остались верными до конца, потому что пережили в своём сердце Христа как своего личного Спасителя. И я сел на место.

Результатом было то, что всех миссионеров стали по-отдельности приглашать таким же образом свидетельствовать о своей работе. И это опять же привело к тому, что на вечер был назначен час молитвы о труде в мусульманском мире. Пришло около ста участников конференции, но профессоров и докторов не было. И на следующий день их больше не было

видно. Брат Варнс во время обеда сказал мне: «Брат Янтцен, ты испортил всю игру.»

«Да, согласился я, в этом случае так оно и есть. Но совсем не жалею об этом, потому что считаю, что имя Иисуса не дано нам для того, чтобы им играть или использовать в национальных или политических целях.»

По окончании конференции мы, трое миссионеров, ещё два дня оставались в Бетеле, и пастор фон Бодельшвинг показал нам всю обитель. Она состоит из сотни домов, мастерских и фабрик, где работают больные эпилепсией мужчины и женщины, юноши и девушки. В одном отделении изготавливали красивую алюминиевую посуду, в другом ткали ткани. Здесь была и сапожная мастерская, и плотницкая, и кузня и т.д. В одной комнате мы увидели старого мужчину около пятидесяти лет, часовщика. Он сидел за столом и ремонтировал часы, повторяя при этом: «Я знаю, что я не такой, как другие люди. Но одно я вам скажу, часы, если Павел (это он сам) возьмёт вас в руки, тогда вы будете ходить нормально.»

При этом он повернулся к нам и сказал: «Господа, Павел (и он хлопнул ладонью себе по лбу) не совсем в порядке, но часы будут в порядке.» Наш сопровождающий сообщил, что Павел работает здесь много лет и очень хорошо ремонтирует любые часы, которые к нему попадают.

Много хорошего видели мы в этом приюте, но и очень много горя. Здесь есть дома, куда посетителей не пускают. Проходя мимо, мы слышали неестественные крики и рёв, так что мурашки бегали по коже. Здесь были совсем сумасшедшие.

Оставив это место, мы расстались. Я поехал обратно в Голландию, где меня ждала моя работа и многие приглашения.

Глава 23: Новое творение

Теперь я должен вернуться на пару лет назад. Это было, кажется, в 1928 году, когда я был приглашён одним домине реформаторской церкви. Я поехал туда в воскресенье и говорил в церкви, полной людей. Ночевал я у своих друзей.

Там меня настигла просьба одной дамы прийти к ней на чашку чая. Её муж, преподаватель иностранных языков, и она хотят о многом со мной поговорить. Я принял приглашение, но дама была дома одна. Она представилась как фрау де В. и, сияя от радости, рассказала, что вечером была в церкви и слышала мою проповедь. И через это она задумалась и почти пришла в отчаяние. Она просила у Бога милости и прощения, но часами ждала и ничего не получала, так что и муж стал переживать вместе с ней. Наконец, они оба упали на колени и просили о милости. И вдруг их объяла великая тишина и неопикуемый мир с полной уверенностью, что все их грехи омыты Кровью Иисуса Христа. И с тех пор их сердца наполняет мир, и это она должна была сказать мне.

И тогда она попросила посетить её отца, которому уже 62 года и который живёт в О. в своей вилле. У него в Л. текстильная фабрика, где день и ночь работают четыреста работников. И хотя он принадлежит к строго реформаторской церкви, он всю жизнь ужасно сквернословит. И теперь он боится смерти.

Я объяснил ей, что только тогда могу пойти к нему, если он сам меня пригласит. Фрау де В. хотела это устроить.

Через несколько месяцев я получил приглашение от младшей сестры фрау де В., которая

передала мне просьбу её отца: «Отец очень желал бы с Вами познакомиться, потому что слышал о Вас много хорошего от господина де В.»

Я последовал приглашению. Когда я вышел в Л., фрейлейн Мин П. ждала меня, это была младшая сестра фрау де В. Вскоре мы уже подходили к вилле. Я заметил, что моя спутница стала нервничать. Наконец, она спросила меня, рассказывала ли её сестра что-нибудь об их отце. Я кивнул. Тогда она сказала в нерешительности, что вообще-то совсем не представляет, чтобы я нашёл с её отцом общий язык, потому что он очень своеобразный человек. И он совсем не так примет меня, как я привык. Но я её успокоил: «Не переживайте! Всё будет хорошо.»

В это время мы подошли к вилле и вошли внутрь. В одной комнате, скорее красивом зале, меня очень сердечно встретила степенная хозяйка дома. Она провела меня в стеклянную веранду, где сидел отец и читал газету. Она позвала: «Отец, пришёл господин Янтцен.»

«О, воскликнул он, сердечно добро пожаловать!» А дочери сказал: «Мин, пройди скорее обратно и закрой за собой двери. Когда говорят двое мужчин, никаких женщин не должно быть рядом.»

«Да, отец,» тихо ответила она и исчезла.

Я должен был сесть, а он, внешне спокойно, продолжал читать газету. Потом вдруг взглянув поверх газеты, неожиданно сказал: «Вы приехали из Турции, где были миссионером?»

«Нет, я приехал из Туркестана.»

«А где это?»

«Ещё тысячу километров восточнее Турции.»

«Тогда Вы видели гораздо больше в мире, чем я.»

«Возможно.»

«Господин Янтцен, это меня, собственно, не волнует. Я пригласил Вас вот почему: меня зовут П., мне 62 года, и, наверное, мне скоро придётся умереть, как и всем людям. Я строго реформирован и регулярно по воскресеньям два раза хожу в церковь. Когда производят сбор пожертвований, я никогда не даю меньше двух монет от каждой сотни гульденов. Но я всю жизнь ужасно ругался и никому не могу прощать. И теперь наши чернорясники доминируют и говорят, что я в таком состоянии попаду не на небо, а в ад. Но туда я не хочу, там слишком жарко.»

Он вскочил и возбуждённо продолжил: «Собственно я не верю, что Вы со мной справитесь, потому что я очень своеобразный человек. Но наша дочь де В. так много рассказывала о Вас, что я подумал: этот человек нейтрален и, видимо, один из теологов, которые всё же больше нашего понимают в духовных делах. Поэтому я Вас теперь спрашиваю: действительно ли я, как мне говорят, из-за ругательств и непощения попаду в ад? Да или нет?! Я хочу знать, что Вы думаете.»

«Господин П., то, что я отвечу на этот вопрос, не имеет никакого значения. И только то, что об этом говорит Бог в Своём слове, имеет значение. Вы же, наверное, верите в Бога, в Его слово, Библию, которая тоже, наверное, есть в Вашем доме.»

«Мне, реформатору, и не иметь Библии?» Он открыл дверь и крикнул: «Мин, принеси Библию!»

Дочь принесла прекрасную Библию, положила перед ним на стол и опять быстро вышла. Тогда он пододвинул ко мне Библию и сказал: «Разве это не прекрасная Библия? Я каждый день перед завтраком читаю из неё для всей семьи, как и положено.»

«Да, это чудесная Библия,» сказал я и, пододвинув ему её обратно, заметил: «У меня тут есть карманная Библия. И теперь нам нужно найти ответ на Ваш вопрос.»

«Ха, ха, ха, посмотрите-ка! Библейский час? И притом в будничной день?»

«Господин П., Вы задали мне очень серьёзный вопрос, на который Вам может ответить, как уже было сказано, только Бог. А теперь откройте 6-ю главу Матфея и прочтите, пожалуйста, громко стихи 12, 14 и 15!»

Он прочёл. Я предложил ему открыть ещё другие места и прочитать их, а потом сказал: «Вот ответ Самого Бога на Ваш вопрос. Кроме того, во 2 Коринф. 5:19 нам говорится: „Потому что Бог во Христе примирил с собою мир.“ Но только потому примирил, что Иисус сказал: „Как вы будете прощать людям их согрешения, так и Он вас простит.“»

Он сильно забеспокоился и стал бегать взад и вперёд, а я продолжал: «Господин П., один человек Божий, которого я знаю (К. А. Флюге), потрудился в Библии исследовать, сколько раз Бог призывает человека: „Приди!“ Он насчитал около 1900 раз, из них более тысячи раз — очень приветливо. Только два раза Бог говорит: „Отойдите!“ Один раз осуждённым в день суда, другой раз тем, кто здесь, на земле, были непримиримыми, то есть не могли простить.»

Тогда этот человек громко воскликнул: «Тогда я осуждён! Я погиб, я погиб, я погиб!»

С этими словами он побежал в комнату, где сидели женщины, и продолжал кричать эти слова, бегая из одной комнаты в другую. Обе женщины сидели и плакали, а хозяйка, наконец, сказала: «Ах, господин Янтцен, если бы Вы никогда не приходили в наш дом. Мой муж сходит с ума и теряет рассудок, как Вы теперь видите!»

«Дорогая, Вы получите обратно мужа, который никогда больше не станет сквернословить. Над ним работает Святой Дух, а Он своё дело делает хорошо.»

Но она продолжала повторять: «Я Вам не верю.»

В это время господин снова вошёл в зал, где и сидел, и в отчаянии упал передо мной на колени и закричал: «О Боже, смилуйся надо мной, ругателем, и прости мои грехи ради Иисуса!» И так молился снова и снова. Я же давно молился про себя, как это всегда делаю в таких случаях. И вдруг это свершилось! Для человеческого разума непостижимое чудо! Совсем без перерыва отчаявшийся мужчина вместо мольбы о прощении начал вдруг благодарить: «О Боже, Ты непостижимый Бог, я благодарю Тебя, что Ты и меня спас через Иисуса Христа! А я этого не знал! Но теперь я знаю, Ты открыл мне глаза.»

Так он молился некоторое время, затем встал и сел рядом со мной. Потом удивлённо, но со счастливым лицом повернулся ко мне и сказал: «А где я был?» Посмотрел в окно и опять сказал: «А как всё же прекрасна Божия природа. Я этого никогда раньше не видел.»

Между тем наступил вечер, и нас пригласили к столу. Мы все тихо сидели за богато накрытым столом. Дамы тоже успокоились. Разговаривали очень мало, только хозяин несколько раз повторил: «О Боже, как благодарить Тебя за эту огромную милость!»

На следующее утро я уже рано услышал, как этажом ниже, подо мной, открывается дверь, и,

взглянув наружу, я увидел выходящего господина П. Я подумал: «Оставайся у себя. Что ты будешь один делать с этими дамами без хозяина?» Они явно были не очень благожелательны ко мне.

Так я ещё некоторое время оставался в комнате один, затем я позавтракал. Сразу после этого пришёл хозяин, бледный, но спокойный. Он коротко поздоровался, подсел ко мне и опять сказал: «О Боже, я благодарю Тебя, что я мог умереть!»

И теперь он объяснил: «Господин Янтцен, пятнадцать лет я вёл судебный процесс против моего брата, и он стоил мне тысячи. Я непременно хотел его выиграть, хотя неправ был я сам. Поэтому я всегда был зол на моего брата. Но этой ночью я получил от Бога повеление пойти к нему, он живёт здесь поблизости, и признать свою вину, закрыть процесс и примириться. Это я теперь выполнил. И разве не чудесно: после того как мы помирились, мой брат сказал, что тоже нашёл Господа и уже несколько лет знает, что он помилованное дитя Божие. Тогда мы снова обнялись. О, как я теперь счастлив и как легко у меня на сердце!» Поговорив ещё немного, я поехал с ним в Л., минут двадцать городским трамваем. Я должен был посмотреть его фабрику. Он ездил туда каждый день. Когда мы приехали туда, нас приветствовал его сын, управляющий производством. Он провёл нас по всей фабрике. Возле каждого работника и каждой работницы господин П. останавливался и обменивался несколькими приветливыми словами. Я сразу заметил, что такое поведение хозяина было явно необычным и приводило всех в изумление. Но было видно, что людям это приятно. До сих пор никто не мог ему угодить. Он всегда и в любом случае ругался, а сегодня всё было иначе. Его сын тоже заметил эту перемену и смотрел на меня с удивлением и отчуждённо. Но ничего не сказал.

Его дочь Мин была президентом Союза девушек христианской реформаторской церкви. Так как я оставался в их доме ещё несколько дней, потому что господин П. хотел получить ещё дальнейшие наставления в Слове Божиим, я заметил, что фрейлейн Мин стала более примирённой. Она увидела великое изменение, происшедшее с её отцом. И это что-то в ней пробудило. Наконец, она пригласила меня сказать в один вечер слово в их Союзе. Но всё же пришло время мне распрощаться, чтобы служить в другом месте. Но в последующие годы мы с господином П. всегда поддерживали отношения.

Года через три после этих событий я снова получил от него приглашение с просьбой провести урок изучения Библии. И через день после моего прибытия я поехал с ним на фабрику в Л. В трамвае мы сидели друг против друга. Незадолго перед выходом господин П. подтолкнул меня кулаком в грудь и сказал: «Господин Янтцен, недалеко от того места, где я живу, у меня есть давнишний деловой друг, у которого тоже фабрика здесь в Л. Мы почти тридцать лет встречались каждое утро в трамвае и вместе здесь выходили. Несколько дней назад он вот так же подтолкнул меня кулаком в грудь, как я только что, и сказал: „Господин П., что с Вами произошло? Вы в последние годы так изменились. Раньше Вы всегда были таким нервным и никогда не могли тихо сидеть. И глаза Ваши всегда смотрели очень беспокойно, а теперь совсем спокойно, и Вы выглядите совсем иначе, чем раньше.“

Я не знал сразу, что ему ответить. Но потом я также стукнул его кулаком в грудь и сказал: „Я видел Господа Иисуса!“ С этим я убежал и оставил его стоять в растерянности. Но что мог я, раб, сказать этому человеку? Да я и не понял его. Скажите, господин Янтцен, так бывает? Я совсем не нахожу, чтобы я так изменился.» «Господин П., если мир что-то замечает, значит, действительно что-то изменилось.»

И он снял шляпу и громко сказал: «О Ты, непостижимый для меня Бог, как это всё возможно?» — и при этом так громко заплакал, что другие пассажиры остановились и с удивлением посмотрели на нас. Поэтому я его попросил: «Давайте поспешим, а то ещё соберётся народ.»

Он был так взволнован, что, идя, всё время повторял: «О великий Бог, как Ты велик в Твоей любви и милости к такому ужасному ругателю, каким я долго был в своей жизни, пока не узнал Тебя. Как мне благодарить Тебя за это?»

При виде этого неприукрашенного обхождения с Богом моё сердце было глубоко тронуту, особенно при воспоминании сокрушения, которое я пережил вместе с ним.

Через тотальное перерождение этого человека, мои повторявшиеся посещения и часы изучения Библии, его жена примирилась со мной; также и его дочь Мин. Господин П. жил ещё больше десяти лет.

В своей своеобразной простой манере он всё время молился за своих пятерых сыновей и дочерей, которые, все, кроме Мин, были женаты.

Один из сыновей, Ян, поступил так, как блудный сын в Евангелии. Он получил от отца свою долю, отправился в Америку и там исчез. Его родители и братья с большими усилиями продолжали его искать. Но напрасно! Этот Ян особенно лежал на сердце у отца.

За три дня до его смерти я еще раз был у господина П. Он жаловался, что Ян уже восемь лет не даёт о себе знать. И опять молился: «О, всемогущий Бог, приведи Яна домой еще до моей смерти!»

Вечером я уехал домой. И только я уехал, как мне потом объяснили, в комнату отца зашел Ян и поприветствовал его. Отец совершенно спокойно поприветствовал его и сказал: «Ну, Ян, всё-таки ты вернулся, наконец. Я знал, что ты придёшь, ведь я должен тебе рассказать, что я нашел Господа Иисуса Христа. И теперь я могу спокойно идти к Нему. Ян, прости мне, что между нами раньше было дурное.»

«Отец, именно потому я и приехал сюда из Америки. Я хотел поделиться с вами, родители, братья и сёстры, что я там нашёл Господа Иисуса. Простите мне все несчастья, которые я доставил вам.»

Ещё две ночи Ян сидел у постели отца, что другие дети делали уже две недели, и потом отец спокойно и в полном мире уснул. Мне сообщили об этом по телефону, и я принял участие в похоронах.

После этого я еще несколько дней оставался в доме и так познакомился с Яном. Он рассказал мне, как отец в простоте говорил с Богом и при этом всегда благодарил и молился за всех своих детей и внуков, а также за «старика русского», которого Господь поставил на его жизненном пути, который потерял в той ужасной стране всех своих шестерых женатых детей и внуков, которых он очень любит и потому тяжело страдает...

Года через два покаялась и жена господина П., после чего она стала очень кроткой. Она прожила ещё несколько лет счастливо в своей семье и почил в мире.

Самый младший сын хотел, как он мне сказал, ещё вкусить все блага мира. Он был женат. Через несколько лет он неожиданно приехал ко мне на автомобиле. С сияющими глазами он вошёл в квартиру и сказал: «Отец Янтцен, теперь я тоже нашёл Господа. Я должен был Вам сказать об этом незамедлительно, ведь Вы так много старались за меня. Здесь мне больше нечего делать, и я сразу же уезжаю домой.»

Мы вместе благодарили Господа, и после того как он ещё попил чаю, он опять радостно поехал за сто километров домой.

Время от времени меня посещали фрейлейн Мин с братом А. Они до сих пор оставались в реформаторской церкви, но А. не чувствовал себя там на месте. Тогда я сказал им:

«Дорогие мои, Господь Иисус спас нас, а не церковь. И Сам Господь Иисус не был церковным. Церкви создали позже люди совсем на человеческий манер. Потому существует так много направлений и разделений. Один поэт сказал: „Ищи Иисуса и света Его, другое тебе не поможет ничто.“»

Глава 24: Миссионерская конференция в Голландии

Все эти годы я также посещал соседние страны. В С., где работал брат К., меня ожидали каждый год дважды. Там с течением времени были созданы четыре свободноцерковные общины. Я много раз ездил в Австрию и Швейцарию и мог принимать участие во многих международных конференциях, прежде всего в Виденесте. В 1935 году я получил приглашение на миссионерскую конференцию в Голландии. Когда я приехал в это местечко С., то увидел, что раньше здесь был замок, перестроенный для проведения конференций. Руководящий домине очень приветливо встретил меня и предложил одну из нескольких сотен комнат.

Войдя на следующее утро в огромный конференц-зал, я увидел, что уже собрались четыреста домине и около двухсот студентов теологии. Зал был такой большой, что там поместилось бы ещё столько же.

Председательствовал один домине реформаторов, и он же сказал вступительное слово. Он объявил цель данной конференции. Многие руководители миссий различных церковных направлений Нидерландской Индии (сегодня Индонезия) прибыли с жалобой и вопросом о разрозненности церквей на родине, что очень затрудняет работу на миссионерском поле. Каждый миссионер приезжает туда (в определённой мере) со своей церковью «под мышкой», и так на миссионерском поле возникает столько же различных церквей, как и на родине. И эта разрозненность опять же на руку католической церкви в её борьбе против протестантов. Те показывают на миссионеров пальцами и говорят местным жителям, которые в большинстве мусульмане: «Идёмте к нам, у нас нет споров, вы же видите, каково у них.»

Потом слово взяли руководители миссионерских обществ, и все высказывались в том же духе. Они также добавили, что им пришлось закрыть многие миссионерские станции, потому что не было достаточно денег для содержания миссионеров. Католики и мусульмане посмеялись бы над этим.

Руководители, директора, профессора различных миссионерских школ имели другую жалобу: «Но что нам делать, если церкви не вносят денег в миссионерские кассы?!»

Один открыто признался, что у них 125 000 гульденов долга и никакого представления, когда и как они их покроют. Другой сообщил о 150 000 гульденов долга, который он также не сможет оплатить. И так одно сообщение сменялось другим.

Я сидел молча и думал: «А зачем меня сюда позвали?» Я же не принадлежал ни к одной из церквей, но был лишь терпимым чужестранцем в этой стране. Рядом со мной сидел господин М., член парламента, который был мне известен из Арнхема, как истинный христианин. Он

тоже принадлежал к одному из основанных министром С. комитетов взаимопомощи, о чём я ещё скажу. Господин М. 25 лет работал руководителем миссии в Индонезии.

На третий день конференции было названо моё имя — псевдоним, которым я пользовался в таких случаях: «Господин Иванов, Вы на очереди. Мы пригласили Вас, как бывшего миссионера среди мусульман в Туркестане, в качестве нейтрального наблюдателя, потому что Вы не принадлежите ни к одной церкви или обществу. Но большинству Вы знакомы, потому что в прошедшие годы говорили во многих церквях. Кроме того, Вы хорошо знаете наш народ. Вы слышали все дебаты, и теперь мы Вас спрашиваем: что Вы думаете обо всём этом? Мы хотели бы слышать Ваш совет, как старого специалиста в миссионерской деятельности.»

Я не могу описать моё тогдашнее состояние; ведь передо мной сидели высокие теологи и доктора, церковные власти и представитель Её величества королевы Вильгельмины, барон доктор фон А... Я внутренне призвал Господа и просил Его о мудрости и мужестве. Затем я взошёл на кафедру и сказал приблизительно следующее: «Уважаемые господа, так как многие меня здесь не знают, то я хотел прежде представиться; хотел бы рассказать, кто я и откуда прибыл. Это необходимо знать, чтобы правильно понять мои ответы на ваши вопросы.»

После того как я кратко рассказал историю моей жизни и моё обращение, обратив внимание на возрождение Иоанна 3:3 и 1:12-13, я сказал:

«Как дитя Божие, имеющее причастие к Божественной натуре через Святого Духа, я был послан любовью Божией в мусульманские народы, чтобы простыми словами, как говорит Павел в 1 Коринф. 2:1-2, проповедовать только Иисуса Христа, распятого. Я пошёл по велению Господа на основании Матфея 28:19 и за Его счёт. За мной не было никакого миссионерского общества, которое меня финансировало.

Таким образом, я работал пятнадцать лет среди различных народов Востока — в Туркестане, на Кавказе и в Болгарии. При этом я видел славу моего Господа и Учителя Иисуса Христа, как Он открывался некоторым мусульманам через силу Святого Духа и делал из них новые творения. После того, как они своей жизнью доказали, что для них это дело серьёзное, и после совместного изучения Святого Писания, они приняли по своему желанию крещение на основании Римл. 6:4.

До тех пор, пока большевистское правительство не покончило со всеми этими добрыми начинаниями, я никогда не испытывал финансовых затруднений, несмотря на множество поездок. У меня также всегда было достаточно Евангелий на различных языках, которые я мог раздавать. Кроме того, моя семья никогда не голодала. Это я говорю здесь для славы Божией.

Поэтому я обращаюсь к вам, к студентам и будущим миссионерам, с таким советом: сперва вы должны стать действительными свидетелями Иисуса Христа, и любовь Божия должна влиться в ваши сердца по Римл. 5:5. Только тогда вы сможете по Его повелению идти на этот труд, на который Он вам укажет. Тогда Он обеспечит вас всем необходимым. Не надейтесь на какую-нибудь церковь, которая, как вы уже слышали, и так не имеет денег. Откуда церкви взять деньги? Понимание миссионерства лишь у истинных детей Божиих, и поэтому они могут жертвовать. А истинных детей Божиих в церквях не так уж много. Об этом свидетельствуют пустые миссионерские кассы. Но это вовсе не удивительно. Ведь как всё идёт? Сразу же после рождения ребёнка крестят. Домине рад, что в церковную книгу можно записать ещё одного члена церкви. Церковь сильнее на одного члена. А Слово из Марка 16:16 отложено в сторону, на Слово не обращают внимания. Когда дети подрастают и изучают Катехизис, их принимают полноправными членами церкви, и при этом думают, что полноправный член церкви — также и дитя Божие. Но так ли это? На этот вопрос нам отвечают пустые миссионерские кассы, если

уже не повседневная жизнь многих членов церкви!»

Теперь я повернулся к сидящим передо мной доmine. У многих были красные от возмущения лица. Им я сказал:

«Многоуважаемые господа, здесь никто не в состоянии оспорить ту истину, которую я высказал. Но есть один выход. Господин председатель, Вы просили у меня совета. Вот, слушайте мой совет: мы все должны покаяться и упасть на колени, воззвать к Богу о милости и жить по Его совету и для Его благоволения. Тогда всё будет хорошо.»

Когда я сошёл с кафедры, то подумал про себя: «Теперь горе мне!» Потому что, как минимум, меня выпроводят из зала. Но тогда председатель назвал имя моего соседа: «Господин М., член парламента, Вы на очереди.»

Господин М. встал, нерешительно прошёл несколько шагов, затем повернулся и спокойным, сильным голосом сказал всем присутствующим: «Уважаемые господа, у меня мало есть, что сказать. Эти несколько слов я могу сказать и отсюда. Я полностью подключаюсь к словам и совету господина Иванова, и подписываюсь под всем, что он сказал. Потому что это для меня единственный путь.» С этим он сел. Как я благодарил Господа в моём сердце, потому что шёл к своему месту тяжёлым шагом и с ещё более тяжёлым сердцем. Но слово члена парламента значило в этой стране очень много. Тогда председательствующий назвал следующего: «Ваше благородие, господин барон, доктор фон А., Ваша очередь, как представителя королевы Голландии.»

Барон взошёл на кафедру и сказал: «Уважаемые господа! Я стою здесь перед вами как многолетний генерал-губернатор Нидерландской Индии и говорю от имени Её величества, нашей королевы. После всего того, что я слышал в эти дни, я, к сожалению, тоже должен согласиться с тем, что сказал господин Иванов: другого спасения нет. Кроме того, я должен сказать то, что всем известно: правительство, и именно с теологической стороны, обвиняется в том, что оно недостаточно поддерживает и защищает миссионеров.»

Но скажите сами, что делать правительству? Что делают миссионеры, когда приезжают, каждый со своей церковью под мышкой? Прежде всего каждый старается изучить язык той местности, где находится миссионерская станция. Но это само собой разумеется. Но затем, вместо того чтобы делать так, как требует апостол Павел и, как нам только что напомнил господин Иванов, они вклиниваются в политические раздоры. Ученой головой учат людей, как они должны поступать со своими противниками. Но различия между отдельными племенами часто очень большие, и тогда начинаются споры, которые часто приводят к убийствам и уничтожению. А мы, как правительство, должны заботиться о спокойствии и порядке. И такое мы переживаем слишком часто.

Если теперь вы, уважаемые господа, дадите мне ваше честное слово, что ничего подобного в будущем не произойдёт, тогда я, как представитель правительства, даю своё честное слово, что правительство будет полностью защищать своих миссионеров.»

Со словами «Я всё сказал» он оставил кафедру. После этой речи была продолжительная пауза. Но меня никто не попросил выйти, как я опасался, но вместо этого подходили многие теологи и студенты, окружили меня и очень уважительно задавали всевозможные вопросы. Чтобы ответить на все вопросы, мне пришлось бы остаться ещё на несколько дней. Но на следующий день я уехал, потому что меня ждали ещё разные другие приглашения.

Глава 25: Теология или свидетельское служение?

Незадолго до начала войны я получил приглашение от одного профессора в Ден Хааг. Он просил меня рассказать его студентам о Средней Азии и притом о «стране, населении, традициях и обычаях». В назначенный день я поехал в тот город и вскоре стоял перед большой аудиторией студентов.

И я в духе взял их с собой в путешествие за 9000 километров от Ден Хаага через Берлин, Москву, Самару, Оренбург в Туркестанский Ташкент. Затем я коротко рассказал о геологических и погодных условиях того края, пользуясь географической картой.

Показывая указкой города, реки и горы, я приводил своих слушателей к отдельным местам, представляющим особый интерес, рассказывая одновременно различные факты из жизни народа и его обычаев.

В последней лекции я перешёл к тому, чтобы сказать личное свидетельство:

«В 1905 году я совершенно особым образом познал Господа Иисуса. Хотя я, если посмотреть снаружи, и раньше уже был довольно порядочным христианином, как и многие в вашей стране. Но затем в моей жизни наступил такой момент, когда Бог открыл мои глаза через Своего Духа. Я понял, что из-за моих грехов я был потерянным человеком в глазах Бога. И тогда я упал перед Ним на колени и молил Его о милости, чтобы Он во имя Иисуса простил мои грехи. Бог услышал мою молитву и дал мне через Святого Духа свидетельство, что я стал дитём Божиим. Теперь я знал, что до сих пор не был христианином по воле Божией. Но теперь я стал другим человеком, исполненным любовью Иисуса Христа. И она побудила меня идти к мусульманам и принести им Евангелие об Иисусе Христе. Я мог совершать этот труд многие годы и часто видел славу Божию, когда Он несчастных людей делал счастливыми. Потому что теперь они знали, что являются детьми Божиими, ибо Святой Дух открыл им это.»

Рассказав это моим слушателям, а они слушали очень внимательно, я спросил: имеет ли кто-либо из слушателей это свидетельство принадлежности к детям Божиим? Пусть тот человек поднимет палец. Но ни один палец не поднялся. Тогда ко мне подошёл профессор и тихо сказал:

«Господин Янтцен, в этом месте не разрешается так говорить. Мы же не в церкви или на уроке катехизиса. Но я уверен, что и здесь есть дети Божии, потому что все студенты крещёные и после изучения катехизиса приняты членами церкви.»

На это я ответил громко: «Господа, господин профессор сказал мне, что здесь такой разговор и такой вопрос неуместны. А я всё равно считаю, что это самый главный вопрос для каждого человека здесь на земле. Потому что здесь нужно решить, напрасно ли умер за меня Иисус Христос, Сын Божий, потому что я не прислушиваюсь к Его Духу. Если я действительно не слушаюсь Его голоса, тогда горе мне. Но если я послушен и полностью отдаю себя Ему, Он даёт мне свидетельство, что я дитя Божие, и вписывает моё имя в Свою большую Семейную Книгу.»

Многие годы моей жизни я был миссионером и знаю, что Господь скоро отзовет меня. Но именно это знание, что я скоро не увижу больше ваших внимательных глаз, побудило меня говорить так. Иначе бы я не имел покоя. Поэтому я в заключение прошу вас всех, позаботьтесь о том, чтобы Святой Дух всем вам скоро дал свидетельство, что вы действительно стали детьми Божиими.»

Господин профессор отпустил меня очень вежливо и предупредительно. Я подумал: «Так, этот тебя больше никогда не пригласит», и поехал домой. Но всё же год спустя я снова получил от того же самого профессора очень сердечное приглашение приехать в Ден Хааг, чтобы ещё раз говорить перед студентами. Это меня очень удивило. Я вышел перед его домом, как он мне его описал. Он уже заметил меня и открыл дверь. При этом из него забило фонтаном: «Господин Янтцен, теперь я вас понимаю, потому что Бог говорил со мной тогда, когда после непродолжительной болезни Он забрал мою жену. Я тогда сидел один со всеми своими детьми и не знал, что делать. В своём отчаянии я стал молиться, как никогда раньше, чтобы получить утешение и силу. И так Бог стал моим Отцом.»

При этом признании по его щекам текли слёзы. И когда я снова стоял перед его студентами, я мог свободно и беспрепятственно говорить так, как это мне лежало на сердце и давалось свыше.

Тема была такой же, как и в прошлом году: «Страны и народы Средней Азии.» Но теперь я главным образом касался миссии и всего, что с ней связано. Распрощался я в уверенности, что нашим общением руководил Господь.

В другой раз меня пригласили на конференцию студентов-теологов, чтобы поговорить с ними об «истинной теологии». Кратко всё обобщив, я закончил: «Собственно, я не наученный и не образованный теолог. Вся моя божественная ученость, что и означает теология, происходит преимущественно от действительного молитвенного общения с Богом. Так во всех вопросах я получаю указания по Его благоволению. Через возрождение я стал дитём Божиим. Бог стал моим Отцом по слову из Иоанна 1:12-13. Поэтому я всё время связан с Ним, и мне нет нужды молиться о себе в обычном смысле, но я просто обсуждаю со Своим Небесным Отцом все мои нужды, и Он даёт мне совет. Но такой род теологии, как я заметил, известен в этой стране очень немногим. И это очень меня огорчает. Поэтому я мог говорить на этой конференции так, как я уже сделал. Ведь вы хотели слышать от меня правду.» Ведь, в общем-то, конференция означает «обсуждение». Здесь поступили различные вопросы, из которых я хотел бы привести лишь некоторые.

В своём первом реферате я говорил о «страховании жизни» и именно на примере Рим. 8:16, что «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии». Это сказано утвердительно, а не так, как можно слышать здесь с кафедры: «возможно это так» или «мы можем надеяться ими быть». При этом мы остаёмся без внутренней уверенности. Тогда встала одна студентка лет тридцати и сказала:

«Мой отец, который тоже служит доmine, тоже всё время направляет меня к молитве. Я должна молиться каждый день, как это делал Даниил. И так я три раза в день иду в свою чердачную комнату, открываю окно и молюсь на восток. Я делаю это уже многие годы, но до сих пор не познала в своём сердце этой жизненной уверенности. Почему так?»

Я ответил: «Вам мешает ваша праведность. Очень вероятно, что вы через свои молитвы ещё не достигли Бога. Ибо Бог есть свет, как мы читаем в 1 Иоан. 1:5. Кто действительно предстает со своей молитвой перед Богом, тот видит в Его свете прежде всего себя и обнаруживает, какой он неправедный, грешный и грязный, готовый для вечного проклятия. Такой человек сокрушенно молит Бога о милости и прощении. И ради Иисуса Христа Бог прощает грехи и причисляет его, как дитя, в свою большую семью. И дарит ему вечную жизнь, как написано в Иоан. 3:16. А эта вечная жизнь есть Божия жизнь, иначе она не была бы вечной.

И эта жизнь имеет живой Дух, как имеют дух все люди. Но тот Дух есть Божий Дух, Святой Дух. И Он завладевает, таким образом, возрождённым человеком и даёт ему свидетельство,

что он дитя Божие, через что сердце человека наполняется глубоким миром и великой радостью. И потом Святой Дух вливает в сердце человека Божью любовь, и он становится новой сущностью.

Поэтому всё, что я здесь сказал, — это совсем не теоретическая, а практическая теология. Это истина, которую я испытал на самом себе. И такую жизнь с Богом я видел за многие годы миссионерской работы у многих, переживших действительное обращение. Это и есть истинное страхование жизни.»

В заключение я ещё указал на место Писания в Исаии 57:15, где написано: «Я живу на высоте небес и во святилище, а также с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушённых.»

Неделей позже я получил от отца этой девушки приглашение говорить в его церкви. Он даже просил меня пожить у него. Вскоре я заметил, что он хотел знать прежде всего, в чём заключается, собственно, страхование жизни христианина. Он много общался с немецкими теологами и пасторами и сам был старшим пресвитером и высокопоставленной личностью.

Церковь была полна народа. Также хорошо воспринималась проповедь. Видимо, это происходило от того, что в таких случаях у меня всё время бывает побуждение говорить со слушателями от сердца к сердцу, из повседневной жизни и для жизни, без теологических выражений или чуждых слов. Под понятием «из жизни» я имею в виду из моей жизни с Богом и того опыта, который я от этого имею. «Для жизни» я говорю в том смысле, что так передаю Слово Писания, как сам его познал. Как оно сделало меня «свидетелем Иисуса Христа», Который Сам пережил то, что говорил, и потому говорил не так, как доmine.

И все эти годы это доходило до сердец слушателей, так было и сейчас. Чем дольше я говорил, тем внимательнее становились слушатели. Почему? Они чувствовали, что с ними говорит тот, кто их понимает и им сочувствует. Не как высокообразованный теолог, который стоит высоко над ними, так что они даже не рискуют задать ему вопрос, и который, хотя и говорил о Библии, но не из повседневной жизни слушателей. Так, по крайней мере, говорили мне многие «прихожане» этой страны.

После «служения» мы ещё долго сидели с господином старшим пресвитером вдвоём. Но вопроса о застрахованной жизни он больше не касался. На следующее утро он очень тихо и вежливо попрощался со мной.

Но однажды я познакомился с одним доmine, который отличался от всех, известных мне до сих пор. Этот доmine жил в большом селе, к которому прилегал замок с ухоженным поместьем. Хозяином замка был барон.

Когда я последовал приглашению этого доmine говорить в его церкви, меня приняли очень приветливо. Ему было уже больше семидесяти лет, но выглядел он как шестидесятилетний. В этой церкви он трудился уже пятьдесят лет. После короткой беседы он взял меня с собой в церковь, которая была необычайно хороша. После того, как он мне всё показал, я должен был взойти на кафедру. Он сел на одно из дальних мест, а я должен был говорить. Так он проэкзаменовал мой голос, пока он не зазвучал правильно.

Вечером церковь была полной. Община спела гимн, и доmine сделал одухотворённое, тёплое вступление, какого я ещё нигде в другом месте не слышал. Но и по слушателям было видно, что здесь господствует другой дух. С привычным тихим вздохом: «Господи, теперь говори Ты и спаси Свою честь для того, чтобы несчастные люди стали счастливыми сейчас и навечно!» я

взошёл на кафедру. И Дух Святой сделал Своё дело хорошо. Об этом мы узнали на следующий день.

На другой день во время завтрака домине сказал: «Брат Янтцен, я предлагаю вам остаться здесь ещё на два дня и посетить со мной членов церкви по домам.»

Я согласился, и так мы два дня с утра до вечера были на посещениях. И для меня примечательно было наблюдать, как приветливо все встречали домине. Особенно дети, встречая нас на улице, бежали навстречу с радостным «дедушка домине» и бросались ему на руки, при этом он каждому ребёнку говорил что-то дружелюбное. Я подумал: какая чудесная атмосфера. Такого я ещё нигде не видел. В каждом доме все, и взрослые в том числе, приветствовали его как «дедушку домине». И он ко всем обращался доверительно на «ты». Везде чувствовалась истинная любовь, с которой ему шли навстречу, и он тоже воздавал любовью.

Беседы были не только о повседневных делах, но часто и о духовных вопросах. При этом я заметил, что имело воздействие и слово, проповеданное мною вечером. Среди других мы посетили и старого садовника в замке, усердно работавшего в саду своей лопатой. Подойдя к нему, домине показал на него с сияющим, полным любви взглядом и сказал: «Брат Янтцен, этот брат, за пятьдесят лет, что я здесь, был моей помощью, которую дал мне Бог. Он и сейчас мне помощник!»

Старый садовник стоял несколько растерянно и, показав пальцем вверх, сказал: «Добрый день, дедушка домине, добрый день, брат Янтцен.» Мы обменялись ещё несколькими словами и пошли дальше. Затем домине рассказал мне, что все эти годы садовник руководил воскресной школой и изучал с молодёжью катехизис. И молодёжь очень считается с ним.

Года через три этот милый человек ушел в высшую обитель, оплаканный всей общиной.

Однажды меня посетили четыре очень благородных господина. Господин за рулем был одним из моих старых друзей, который регулярно посещал меня один раз в месяц, хотя жил очень далеко. На этот раз он привез своего домине и двух церковных старост. Все четверо принадлежали к самой строгой реформированной церкви. Среди реформаторов здесь имеются четыре направления, которые все опираются на Кальвина и тем самым строго придерживаются учения предопределения или предназначения. Так как мой друг кое-что рассказал обо мне другим господам, они захотели познакомиться со мной лично. Первый вопрос домине звучал так: как вы попали миссионером к мусульманам в Туркестан?

Как можно короче, я рассказал историю своей жизни, где главным образом сделал ударение на удивительное водительство Божие. Среди прочего я сказал, что вряд ли пошел бы на миссионерское служение, если бы не имел в своем сердце свидетельства, что я дитя Божие, и если бы не был исполнен любовью Божией.

К сожалению, представителям учения предопределения совсем не известно свидетельство о принадлежности к детям Божиим и возрождении по 3 главе Иоанна. Они прежде всего учат десяти заповедям и не понимают, что на основании Римлянам 10:4 Христос «конец закона».

Таковыми же непостижимыми для домине и церковных старост остались чудеса Божии в моей жизни, а также множество услышанных молитв. Им было совершенно непонятно, как я, не имея церковного сана, крестил так многих детей Божиих и притом по Рим. 6:4 погружением, а не кроплением.

Так как в нашей беседе у меня было побуждение все время повторять о свободной благодати

через Иисуса Христа, благодати, которую я пережил на себе самом, господа становились все тише и тише. Наконец, домине пожаловался, что через оккупацию во время войны люди так упали морально, что многие не приходят больше в церковь, и хотел знать, что я думаю о возрождении церкви.

На это я возразил, что не могу так просто ответить на этот вопрос, но на него может ответить Господь через Свое слово. И если домине согласен, я отвечу письменно. Он был согласен, и все четверо распрощались.

Наша беседа продолжалась четыре часа. Через неделю я послал ему обещанный ответ на его вопрос: ¶#1103; просил его прочитать всю 25 главу пророка Иеремии. К этому я прибавил приблизительно следующее:

«Я считаю, что 2-я часть 29 стиха в этой главе подразумевает наше время, потому что Господь Бог судит народы.

Бедствие, которое по 32 стиху придет издалека, это, по моему убеждению, большевизм, который несправедливо называет себя коммунизмом. Стих 33 мы буквально пережили на востоке с 1918 по 1923 годы. Я видел, как убитые и умершие лежали вокруг нас и распространяли зловоние. Никто уже не знал, кто были эти мертвые; в основном местные, у которых правительство отняло всякую возможность жизни. Мы каждый день хоронили эти трупы там, где они лежали. И дальнейшие стихи мы видели исполненными буквально.

Поэтому, уважаемый господин домине, если мы верим в истинность Библии, тогда мы знаем, чего нам ожидать. Конечно, нам жаль, что такие ужасные времена наступили именно в нашу бытность, но нет никакого сомнения, что мы вошли в эти времена. То, что мы переживаем и видим, уже не требует никакой веры: это факты!

Куда девались вся паства и пастыри Востока? Обновление истинно верующих наступило, но слишком поздно. За тридцать лет большевизма осталось немного пастырей и немного паствы. И что они все должны были пережить, пока, наконец, смерть не освободила их! Все это невозможно описать. Вы, наверное, тоже уже читали из некоторых газет сообщения беженцев, которые доказывают то, что я здесь написал.»

На мое длинное письмо я получил короткий благодарственный ответ, в котором домине больше не касался своего вопроса. Прошел год. И я был немало удивлен, когда прочитал в газете, что этот домине предстал перед высшим судом церковного синода и должен был отвечать за то, что определенное время проповедовал «о свободной благодати во Христе для всех, кто Его принимает», и это было ударом по твердой догме церкви. Его церковь, насчитывающая 5000 членов, разделилась. Домине К. пришлось пережить очень тяжелое время.

Глава 26: Помощь в нужде

Это было, кажется, в 1931 году, когда я получил приглашение в Хильверсум. Министр С., который где-то меня слышал, и некий профессор Г. хотели организовать комитет взаимопомощи для страдающих христиан России. Я должен был стать членом комитета, чтобы своими сообщениями возбудить интерес к положению в России. Я поехал, и комитет взаимопомощи был создан.

Так как этой работой занялись министр и профессор, было совсем нетрудно привлечь домине

различных церквей и многих состоятельных людей. Для этой цели повсюду создавались местные комитеты. Перед созданием каждого комитета я делал доклад, после чего поступали пожертвования для страдающих христиан России. Так я ездил с главным секретарем господином Шт. по всей Голландии, и, таким образом, возникло множество подкомитетов в городах и селах. Руководство всегда оставалось в руках местных жителей, которые собирали средства и передавали их дальше.

С помощью этих средств через русский «Торгсин» в Москве в Россию были переправлены посылки с продуктами на многие тысячи гульденов. В январе 1936 года эта акция была запрещена российским правительством. Благодарные письма получателей свидетельствуют о том, что посылки благополучно поступали на места.

Но на этом месте я должен немного возвратиться назад. В начале декабря 1929 года в Берлине состоялась одна из обычных конференций. Незадолго перед ее окончанием я прочитал в газете, что из России выехали тысячи менонитов, которые остановились частью в Хаммерштейне, частью в Гамбурге. На их защиту тогда встал президент Хинденбург.

Это сообщение вызвало у меня большое беспокойство. Сразу же на следующий день я поехал в Хаммерштейн, чтобы посмотреть, есть ли среди многих беженцев знакомые из Александерталя, Самарского округа. Я встретил некоторых знакомых, но никого из своих близких. Тогда я поехал в Пренцлау. Там я нашел одного дорогого родственника, проповедника и учителя Иоанна И. Янцена, младшего брата моего бывшего сотрудника Абрама И. Янцена. Он прибыл со своей семьей и вдовой и детьми Абрама. Вдова Абрама выглядела такой несчастной, что я ее не узнал; мне прежде должны были сказать, кто это. Она покинула Туркестан со своими тремя детьми и еще тремя другими семьями. Из моих детей не было никого. Это был для меня тяжелый удар!

Я на несколько дней остался со своими любимыми туркестанцами, и мы каждый вечер проводили в одном большом спортзале вечерние собрания. Подавленный и удрученный, я вернулся в Гамбург, чтобы продолжить там поиски в лагере беженцев. Но и это было напрасно. Печальный, я опять вернулся в Голландию, в Арnhem.

Следующей весной, в 1930 году, в Лейпциге состоялась конференция, где принимал участие и брат Бродбент с некоторыми братьями из свободноцерковных общин Англии. В конце конференции брат Бродбент попросил меня посетить вместе с ним некоторые северогерманские общины. Так мы прежде всего прибыли в Гамбург. Оттуда мы посетили лагерь беженцев в Мельне, где было много менонитов. Везде проводились собрания.

Многие менониты из этого лагеря были с помощью М.К.К. переправлены в Бразилию, некоторые — в Канаду. Но вдова Абрама Янцена была оставлена; из-за ее несовершеннолетних детей ее не пустили к сестре в Канаду. Она ушла из лагеря и работала около Гамбурга в одном детском приюте. Брат Бродбент хорошо знал фрау Янцен по Туркестану, и поэтому мы хотели ее посетить. Мы встретили сгорбленную и разбитую от непосильной работы женщину. Дети Артур и Герман были еще школьниками, и мать должна была тяжело зарабатывать на хлеб и квартиру. Старшая дочь тоже работала в детском приюте и получала за это только питание и возможность проживать там. Мы постарались ободрить вдову, как только могли, а брат Бродбент помог ей еще и материально. Посетив еще общины в Бремене, Бременхавене и Эмдене, мы вернулись обратно.

Год спустя я получил письмо от жены моего сына Абрама из Туркестана. Тогда письма еще не проходили цензуру. Она писала: «Три месяца назад Абрама бросили в тюрьму, как контрреволюционера. Его ужасно пытали и мучили. Наконец, его заперли в подвал с водой, где

вода доходила до груди. А на четвертый день вывели оттуда и расстреляли...»

В предыдущие годы Абрам тоже работал в миссии, свидетельствовал в собраниях о своем Спасителе и служил верующим Словом. После него остались жена, четверо сыновей и дочь. Как я дальше узнал, его жена и дети должны были работать на большевиков, как рабы.

В письме был приложен небольшой клочок бумаги — прощальные слова моего сына Абрама для меня. Карандашом он кратко записал, почему его бросили в подвал. Эти несколько слов разрывали мое сердце..., они сохранились у меня, но я не хочу их здесь приводить...

Прочитав его слова и слова моей невестки (она еще пыталась меня утешить), я упал без чувств от горя. Сколько я пролежал без сознания, не знаю. Когда, наконец, пришел в себя, я закрыл дверь и три дня ничего не мог есть. Наконец, я все-таки поднялся, немного поел и поехал в Альфен, к ставшему мне очень близким брату де Г., чтобы побыть у него несколько дней в тихом общении.

Для меня это было очень хорошо. Но вскоре я опять вернулся в свою одинокую квартиру в Арнхеме. Но через короткое время брат де Г. написал мне, что взял отпуск, чтобы съездить со мной в Германию, и что мне это, наверное, будет полезно. Мне нужно было на следующее утро в 9:00 часов быть на вокзале. Так все и получилось. Вначале мы поехали в Виденест, в Библейскую школу, с которой он очень желал познакомиться. Конечно, мы были очень приветливо встречены братом Варнсом и всеми другими.

Когда я на следующее утро сидел один с братом Варнсом в его кабинете, он сказал: «Брат Янтцен, я должен с тобой посоветоваться, что нам делать с сестрой Янцен. Она несколько дней назад, совершенно разбитая, приехала из Бюшена и пожаловалась мне на свою нужду. В Канаду ехать ей не разрешили, а работа в Бюшене для нее слишком тяжела. Кроме того, она очень подавлена безнадежным будущим своих детей. Она, совершенно чужая, приехала сюда, чтобы попросить совета. А так как ее муж, которого мы очень ценили, был нашим учеником, мы приняли ее к себе. И мы это сделали с удовольствием. Но, естественно, стоит вопрос, что делать дальше. Ведь у нас же не приют для вдов и сирот. И тогда я подумал: может быть, ты возьмешь ее с собой в Голландию и скажешь там братьям, что она вдова брата Янца, и что о ней нужно позаботиться. Я думаю, что наши общины там с удовольствием возьмут это на себя».

Я ответил: «Дорогой брат Варнс, я вижу, что ты не знаешь голландских братьев. Они мне скажут: “Брат Янтцен, о чем ты думаешь? Разве у нас мало вдов, о которых нужно заботиться?” Из этого явно ничего не получится».

С сестрой Янцен я также поговорил об этом, и она, естественно, тоже не знала выхода.

Брат де Г. и я остались в Виденесте еще на несколько дней, потому что брату там очень понравилось, и мы вкушали благодать общения с другими детьми Божиими. Меня же угнетало горе о сыне Абраме. Все пытались меня утешить, но рана была еще слишком свежей. Но, наконец, нам нужно было ехать дальше, потому что брат де Г. очень хотел познакомиться с миссией в Либенцелле в Шварцвальде.

Перед отъездом брат Боун отозвал меня в сторону и сказал: «Брат Янтцен, я хочу тебе что-то сказать. Я думаю, ты должен забрать сестру Янцен в Голландию, а именно, ты бы должен на ней жениться. Пока ты еще можешь ездить, тебя везде встречают с радостью. Но когда ты однажды состаришься и ослабеешь, кто будет заботиться о тебе и ухаживать за тобой? Поэтому я верю, что это Сам Господь соединил вас, двоих чужестранцев, чтобы жить друг для

друга».

Услышав это, я сильно испугался, и во мне поднялось огромное волнение, так что брат Боун сказал: «Ты что, теряешь рассудок?» Но спокойно и обдуманно он продолжил: «Брат Янтцен, как у единственного родственника, у тебя еще есть долг перед детьми Абрама Янцена, от которого ты не можешь отказаться ради собственного удобства».

Но у меня, как говорится, голова пошла кругом. «Возьми в молитву то, что я тебе сказал», — было последним словом брата Боуна.

В Либенцелле мы пробыли несколько дней, и затем поехали в

Метлингген, где в свое время пастор Блюменгарт пережил великие дела с дьяволом и с Богом. Его книга об этих событиях, наверное, знакома многим читателям. Там происходили большие чудеса и знамения и совершалось много исцелений больных.

Когда мы были там, другой человек заставил говорить о себе подобным образом. Я имею в виду Фритца Штангера, обычно называемого отцом Штангером. Он был большим пьяницей, а потом пришел к обращению. Так он стал молитвенником, через которого многие получили помощь и здоровье. На те средства, которые люди ему отдавали, был построен большой дом — Ковчег. Там постоянно проживало много гостей и больных. Наконец, пришлось построить еще один дом, потому что не хватало места. Мы пробыли с братом де Г. в Метлинггене десять дней, несколько раз посетили отца Штангера и беседовали с ним. Среди прочего он сказал: «Посмотрите на сегодняшнее христианство! Они из года в год приходят к старому пьянице Штангеру и хотят исцелиться. Как будто он что-то может сделать. Ведь и сегодня нужно то, что говорил Иисус: „Твоя вера помогла тебе“ и больше ничего».

Ко всем людям он обращался на «ты» и говорил на вюртембергском диалекте, что часто звучало очень своеобразно. Когда мы были у него, пришла одна женщина, у которой, видимо, болели почки, и она сильно стонала. Он посмотрел на нее и сказал: «Девушка, откуда ты опять пришла? Ведь ты была здесь три дня назад, и я молился с тобой. Ты сказала, что тебе лучше, и теперь ты пришла опять и стонешь? Иди немедленно в свою комнату и проси у Господа истинной веры, которую я ведь не могу тебе дать. И затем приходи опять, и мы вместе будем благодарить Бога».

Брат де Г. чувствовал себя там очень хорошо, в то время как я все время вздыхал: «Господь, открой мне Свою волю и скажи, что мне делать с сестрой Янцен и ее детьми». Внутри у меня было большое сопротивление к женитьбе, при всем том горе в моем сердце. И, наконец, мне было 64 года. Во всей этой борьбе я дошел до того, что мог сказать: «Господи, если это все-таки Твоя воля, чтобы мы соединились, хотя бы ради детей, тогда я положу на Твой алтарь и мою свободу, как вдовца. Потому что Ты этого хочешь! Но тогда Ты должен позаботиться о нас!»

Когда мы вернулись в Виденест, я в этом смысле всё обговорил с сестрой Янцен и дал ей три дня на размышление. Нам нужно было возвращаться в Голландию, потому что отпуск брата де Г. кончался. Через три дня сестра Янцен вошла в мою комнату и поделилась о своей внутренней борьбе. Но и она всё положила в руки Господа и сказала: «Да».

Тогда мы вместе пошли к брату Варису и сообщили ему о нашем взаимном согласии, чему он и все виденестцы очень обрадовались. Мы с братом де Г. вернулись в Голландию, где я приготовил въездные документы для матери с её тремя детьми. Вскоре после этого все они прибыли в Голландию, и месяц спустя нас обвенчали. Братья и сёстры устроили нам пышное

празднество в нашей капелле «Элим», где было много гостей. Двое мальчиков, Артур и Герман, попали в хорошие школы, а Зусанна стала дипломированной сестрой милосердия. Господь всё время обо всём заботился, ведь при женитьбе у меня совсем не было денег. Поэтому мне оставалось только сказать: «Позаботься Ты о нас, Господи!» И до сих пор Он делал это в Своей милости.

В начале этой главы я писал о комитете взаимопомощи для страдающих христиан России. Через российский торговый дом «Торгсин» помощь была оказана многим людям. Так я смог послать посылку своей сестре в Ак-Мечеть и своим шестерым женатым детям, а также многим жителям десяти менонитских сел в Туркестане.

Но в феврале 1935 года я получил письма от своих близких, которые писали о новых проблемах. В них стояло: «Дорогой брат Янтцен, для нас здесь наступили новые времена. Если так будет продолжаться, то Ак-Мечеть продержится недолго».

В начале ноября опять пришло письмо, но из совсем другого места вблизи Сталинабада, т. е. севернее хребта Гиндукуш. Там было написано: «Дорогой брат Янтцен, ты, наверное, удивишься, получив наши письма из другого места. Дело вот в чём: 15 апреля нас всех насильно прогнали из Ак-Мечети. Не дав нам возможности много взять с собой, нас привезли в Ново-Ургенч, где посадили на пароход и повезли вниз по течению в Чарджуй. Там нас посадили в вагоны для скота, везли одиннадцать дней и высадили в этой, довольно красивой, но безводной долине. По решению правительства мы должны здесь выращивать хлопок. Но как — мы не знаем, потому что у нас нет необходимых приспособлений и никаких знаний.

Во время поездки нам нельзя было выходить из вагонов, даже для того, чтобы подышать свежим воздухом. В вагонах была такая страшная жара, что, прибыв на место, среди нас было одиннадцать умерших, которых пришлось побыстрее похоронить. Эти люди умерли от жажды, и все мы, кто больше, кто меньше, были больны и полуголодны. Но самым страшным было то, что есть и сейчас — непрерывный плач наших бедных детей: «Мама, дай молока, мама, мама, дай хлеба». И при этом ещё стоны страдающих стариков. Это невозможно слышать, и все молитвы кажутся напрасными.

О, дорогой брат, если бы все дорогие там, в Голландии, хоть один час слышали эти стоны, тогда обязательно нашли бы возможность прислать для наших детей и стариков консервированное молоко и ещё что-нибудь подобное. Помогите нам, как только можешь!» И вот я сидел с этим письмом и не знал, что делать. Касса нашего комитета была почти пуста, там было всего около двухсот гульденов. В своей беспомощности я обратился в эмиграционный комитет взаимопомощи мепонитов, к Р. Гортеру, одному старому знакомому, который тоже многое сделал для нашего бедного разогнанного народа. Он пожалел, что не может мне помочь, потому что и его касса пуста; они только недавно переправили в Америку четыреста семей, которым удалось бежать до Харбина в Китае. Тогда я сказал своей жене: «Нам нужно упасть на колени и молиться, потому что я не могу поверить, что все наши родные должны умереть с голоду без всякой помощи.»

Так мы молились два дня. «О Господь, Ты так богат и могуществен, умилосердись и помоги спасти этих несчастных от голодной смерти.»

И тогда пришел почтальон и передал нам денежный перевод из Швейцарии. Когда я открыл конверт, там, кроме письма, лежали две бумажки по тысяче гульденов. Адресат, одна менонитка, с которой я познакомился год назад во время поездки по Швейцарии, писала: «Дорогой брат Янтцен! Как вы знаете, я работаю здесь на почте. Вчера я получила от одного незнакомого человека эти две бумажки по тысяче гульденов с приложенным письмом.

Пожалуйста, прочтите письмо и вы будете знать, что делать. С сердечным приветом, фрау Гербер.»

В приложенном письме было написано: «Уважаемая фрау Гербер, несколько лет назад я проводил отпуск в Голландии. Вчера я случайно нашел у себя бумажник с той поездки, где лежали эти деньги и подумал: что мне здесь делать с этими чужими деньгами? Я вспомнил, что в прошлом году у нас был благовестник, бывший миссионер в Туркестане, который говорил о нуждах христиан там на Востоке. Я сам его не слышал и не знаю, где он живет, но думаю, что вы знаете, потому что он проповедовал и в вашей местности. Поэтому я прошу вас переслать ему эти деньги. На них нужно сразу заготовить посылки с продуктами и отправить голодающим братьям в Россию.»

Письмо было без подписи. И вот мы сидели с моей дорогой спутницей жизни, пораженные этой удивительной услышанной молитвой, и снова прославили Бога, Который уже так часто слышал наши молитвы в нашей такой беспокойной жизни.

Я тут же сел и разделил эти две тысячи гульденов так, чтобы получилось 85 посылок. От сестры я знал, что из Ак-Мечети на новое место были переведены 85 человек. Остальных, наверное, отправили в другие места.

Эти 85 посылок были получены ими 24 декабря того же года, в святую ночь!

К середине февраля 1936 года я получил 85 благодарственных писем, где каждый благодарил по-своему. В них было написано: «Дорогой брат Янтцен! Ты не можешь себе представить, какая радость царила во всем лагере, когда мы получили все эти пакеты! Каждая семья получила такой чудный рождественский подарок с консервированным молоком, мукой, копченым салом, жиром, рисом, сахаром, чаем, кофе и другими прелестями! Так как нас не очень строго охраняют, мы все тихо отпраздновали «тихую ночь, дивную ночь» благодарности и поклонения и, наверное так, как не праздновал никто в мире. Между нашими песнями все время произносились благодарственные молитвы, в которых часто повторялось: о Господи, воздай тем дорогим подателям за нас, изгнанных, и благослови их так, чтобы они почувствовали, за что Ты их благословляешь.»

Они просили передать помогавшим, что для них значила эта помощь. Потому что к тому времени, в результате того ужасного переезда, ещё многие умерли от голода. Голод продолжался как раньше, так и теперь.

Таковыми были последние сообщения, которые я получил прямо оттуда. Как я радовался, когда позже получил сообщение от брата Ремпеля, что всё-таки послали им лошадей, быков и сельскохозяйственные орудия. Что с ними стало, никто не знает. Сегодня мы можем сказать одно: будем молиться за тех героев из Ак-Мечети!

Шёл уже, кажется, 1940 год, когда я получил письмо от одного нашего родственника, который родился в Туркестане и был учителем в наших сёлах. Он писал, что в 1939 году было мобилизовано всё годное к военной службе мужское население из наших сёл, среди которых был и он. Все должны были идти воевать, где все, кроме него и ещё одного, погибли. Среди них было и шестеро моих внуков...

Он писал мне из лагеря беженцев в Гронау, куда он, наконец, попал и ждал, что его переправят к родственникам в Канаду. Некоторые семьи уже в 1935 году бежали верхом из Аули-Аты через Тянь-Шань в китайский Туркестан. Их было семей пятнадцать, среди них и наши родственники, которые после многонедельного путешествия, смертельно уставшие,

нашли пристанище на двух станциях в Синьцзяне. Одна станция принадлежала норвежско-протестантским миссионерам, а другая — католикам. Но через несколько лет большевики пришли и туда и устроили там ужасную бойню. Говорят, что погибло около 170 000 человек, среди них и все мужчины из тех пятнадцати семей. Женщины и дети могли найти прибежище на миссионерских станциях. Эти станции не были задеты, потому что принадлежали иностранным государствам.

Но и там женщины не были в безопасности. Они ещё раз бежали и, в лохмотьях, обессиленные, добрались до Урумчи, что километров четыреста восточнее. Там они нерешительно стояли на улице, неспособные сказать ни одного китайского слова, пока на них не обратили внимание несколько по-европейски одетых мужчин. И они вдруг на чистом низконемецком наречии спросили их, кто они и откуда прибыли. Оказалось, что эти мужчины были из М.К.К. Им женщины и рассказали свою историю.

Так они попали в добрые руки. Их обеспечили всем необходимым, и после того как они немного оправились, их отправили на двухколёсных колясках вдоль южной границы Монголии через Пекин в Шанхай. Позже они оттуда с помощью М.К.К. попали в Канаду. Среди них были и три наши племянницы.

Глава 27: Свидетель моего Господа

В годы перед началом Второй мировой войны через моё многостороннее служение в Голландии образовался своеобразный интернациональный кружок, в котором я по понедельникам, если бывал дома, проводил час библейского разбора. К этому кружку принадлежало около 45 детей Божиих из различных церквей: баптисты, дарбисты, один еврей-христианин и мы с женой — меннониты. В один из вечеров мы рассуждали о холодном, мёртвом христианстве и пришли к общему мнению, что нужно молиться о пробуждении. Начать хотели с Арнема.

На следующее утро пришёл один высокопоставленный офицер с ещё несколькими незнакомыми нам господами. Они спокойно уселись и слушали наше обсуждение. Они остались и во время молитвы. После общения офицер подошёл ко мне и сказал:

«Как мне показалось, вы тут руководитель. Скажите, вы что, хотите образовать в нашем благочестивом Арнеме, где и так слишком много церквей, ещё одну? Разве ещё недостаточно всей этой разорванности в нашей стране?»

Показав на своих любимых братьев и сестёр, я ответил: «Я вас не знаю, господин офицер. Но спросите любого из этих людей, к какой церкви или конфессии они относятся».

Так он узнал, что здесь находятся представители семи различных направлений или деноминаций, что явно увеличило его отчуждение. Тогда я сказал: «Вы должны были услышать из всех произнесённых молитв, что речь идёт вовсе не о церкви или чём-то подобном, но о пробуждении среди так называемых христиан здесь, в Арнеме, и по всей стране».

Тихо поразмыслив некоторое время, он сказал: «Мне всё это чуждо. Я хотел бы слышать об этом побольше. Могли бы вы посетить меня завтра вечером в восемь часов?» Я пообещал, и он оставил адрес.

Когда я пришёл к нему на следующий вечер, он представил себя и жену как членов строго

реформированной кальвинистской церкви. Тогда я объяснил, кто я и откуда приехал. Оба очень внимательно слушали. В результате мне пришлось много рассказать из своей жизни. И так я мог рассказать им, где и когда я нашёл Господа и как Он изменил моё сердце; что я без всякой поддержки миссионерского общества трудился среди мусульман Туркестана, на Кавказе и в Болгарии, единственно из-за горячего желания благовествовать им Евангелие.

Мои слушатели, капитан В. и его умная, понятливая жена, очень внимательно следили за моим рассказом. Вечер прошёл очень быстро, и они попросили меня прийти ещё. Я приходил ещё и постепенно завоевал их доверие.

Через несколько месяцев капитан пришел к глубокому обращению, и после долгой внутренней борьбы стал радостным дитем Божиим. Вскоре этим путем пошла и его жена. После такого переживания оба сердца были исполнены любовью Иисуса Христа, и они повсюду об этом свидетельствовали. И многие их соседи тоже покаяться и обратились. Они также организовали в своей квартире по средам вечером встречи, где я должен был присутствовать как их «отец Янтцен». И Господь дарил нам благословенные вечера.

Но руководители реформированной церкви не могли этого понять и однажды послали к ним хорошо одетого, импозантного господина старейшину церкви. Он хотел знать, что общего у семьи В. с этим стариком русским, почему их больше не удовлетворяла их собственная церковь.

Случайно (по человеческому разумению) я в это время тоже пришел в их дом, слышал у открытой двери происходивший там разговор и также слышал, как господин В. сказал: «Когда я до своего обращения был далек от Бога, ни один домине или старейшина церкви обо мне не заботился. Но теперь, когда я больше не живу с миром и посещаю собрания этого “старого русского”, с помощью которого я нашел Господа, церковь начинает волноваться. Но я вижу, как раз идет “главный виновник”. Вы, наверное, слышали наш разговор?»

«Да, невольно», — сказал я и вошел. Господин В. отреагировал облегченно. Ведь теперь я знал, в чем дело.

Тогда я повернулся к старейшине церкви и сказал: «Наверное, когда вы попадете на небо, то первым делом будете искать там реформированную церковь, а если ее не окажется, захотите вернуться на землю. Видимо, Господь Иисус ничего для вас не значит; но нам, раньше погибшим грешникам, которые теперь спасены через Него, Он для нас — всё и вся».

После этих слов господин вскочил со своего стула и закричал: «Ну, это уж слишком!» — и выбежал из дома.

Был очередной вечер в среду у капитана В. Новообращенным было дано время засвидетельствовать, что сделал для них Иисус Христос. Тогда встал один бывший пьяница, хорошо всем известный, и сказал: «Я двадцать лет сильно пил. Моя жена и дети очень сильно от этого страдали. И я видел, что иду в погибель, но не мог победить этого порока. В своем отчаянии я однажды пришел на это собрание и услышал некоторые свидетельства, которые показались мне очень значительными. Один, например, сказал: “Я много молился Богу. Но это мне не помогало, пока и здесь не услышал, что нужно молиться во имя Иисуса. Потому что Иисус спасает от гибели всех, кто к Нему обращается. Я так и сделал, и Господь спас меня.”

Это свидетельство сильно задело меня, и я сказал сам себе: я тоже должен это сделать. И я попросил Бога во имя Иисуса освободить меня от пьянства, и Он это сделал. Я больше не пью и не имею к этому никакой страсти; я свободен через Иисуса Христа, Который понес все мои

грехи на Голгофский крест».

Когда он сел, встал большой красивый господин и сказал: «Я католик и должен признать, что ещё никогда не был на протестантском собрании. Но так как я никогда не находил мира и покоя в нашей церкви, которую постоянно посещал, куда отдавал необходимые пожертвования и держал соответствующие посты, однажды я пришел сюда. И здесь я слышу о таких удивительных вещах, которые возбудили во мне желание тоже стать освобожденным и счастливым».

С того времени этот господин стал регулярно приходить на собрания и, наконец, нашел мир через истинное познание Бога. Это выразалось в том, что при каждой возможности, побуждаемый любовью Божией, он говорил о своём счастье. Жил он в О., более крупном населенном пункте.

Примерно через год после его обращения я получил от него приглашение прийти в определенный вечер к нему на квартиру; он хотел организовать там собрание и просил меня взять с собой жену. Был приглашен и капитан В. с женой.

Мы поехали к нему на трамвае. В двух больших комнатах собралось много народу. Все были нам незнакомы. Бросилось в глаза то, что там были и католический священник, и два домине из реформированных церквей. Наконец хозяин встал и сказал:

«Я родился и был воспитан добрым католиком. И как таковой я всегда делал всё от меня зависящее по отношению к церкви. Но мира не находил, несмотря на все мои старания, пока я, без помощи Девы Марии, не пошел напрямую к её Сыну Иисусу Христу. Он простил мне все мои грехи, сделал меня новым человеком и наполнил Своей любовью. Теперь я не могу больше видеть, как люди вокруг меня так легкомысленно идут по жизни, даже ни разу не остановившись, чтобы посмотреть на жизнь серьезнее. Поэтому я стараюсь по возможности говорить со всеми о серьёзности жизни. Но я простой человек и не могу это правильно делать. Люди часто высмеивают меня и идут своим путем. Поэтому я пригласил вас всех сегодня сюда, чтобы спросить в вашем присутствии троих священников: что они думают обо всех этих бессмертных душах, которые доверены им? Вы сидите в ваших советах, совершаете по воскресеньям предписанное вам синодом богослужение, потому что получаете за это плату. А как с теми людьми, которые доверены вам и идут в погибель? Неужели вас это совершенно не касается?»

На это священник ответил: «Наша святая церковь уже почти две тысячи лет открыта для каждого человека, и наша раба Мария ещё до сих пор готова вместе со всеми святыми вступить за каждого грешника, который придёт к ней с покаянием».

Наш хозяин возразил: «Я делал это многие годы и не находил мира, пока в своём отчаянии не обратился прямо к Иисусу Христу. Он дал мне настоящее прощение грехов и мир душе».

После него оба домине сказали кратко и сдержанно: «Мы каждый день выполняем свой долг за нашими кафедрами, как и полагается. Кто хочет слышать, должен прийти в церковь. Мы же не можем бегать за людьми по улицам и просить их: приходите в церковь! Они косо посмотрели бы на нас и сказали: “Мы же знаем, что церковь открыта, и когда захотим, придём; не заботьтесь больше о нас”».

К этому времени уже стало поздно, и нам нужно было поспешить, чтобы попасть на последний трамвай. Позже брат рассказал, что «священники» приложили много усилий, а он, простой человек, к сожалению, не всегда мог правильно отвечать. Но его мира с Богом они забрать не

могли, и за это он был очень благодарен.

Спустя короткое время я опять должен был поехать к нему. Как католик, он не разбирался в Библии. Теперь он приобрел одну, и у него возникло много вопросов. Мы часами прорабатывали различные вопросы. Затем он хотел знать, как ему относиться к одному члену голландской нацистской партии, который жил рядом с ним. Этого человека презирали, потому что считали его предателем. Но сам по себе он был добрым человеком. Он всё время чувствовал в себе побуждение: иди к тому человеку и расскажи ему, каким счастливым сделал тебя Господь Иисус, и что для этого вовсе нет нужды принадлежать к политической партии. Он последовал этому голосу и побеседовал с тем человеком. А теперь остальные начинают презирать и его, утверждая, что он тоже нацист и опасен для общества.

«Ну, отец Янтцен, скажите, мне что, нельзя больше говорить с этим человеком об Иисусе? Нужно ли мне оставить его и больше не предупреждать?»

Я возразил: «Дорогой мой друг, Господь Иисус тоже всегда общался с презренными мытарями, которые были на службе у римлян и потому в глазах израильского народа тоже были предателями. Поэтому они преследовали Иисуса и говорили: “Он друг мытарям и грешникам”, и считали Его их соучастником и довели Его, в конце концов, до креста. Но Он не переставал общаться с мытарями и грешниками, потому что хотел спасти их души. Мой совет: идите к тому человеку и говорите с ним о спасении его души, если к этому побуждает вас любовь Божия. Вы должны это делать, несмотря ни на какую грозящую опасность».

Мой друг с радостью поблагодарил и продолжал посещать того человека. Но этому милому, такому простому брату пришлось много пострадать от поношений «духовников» и других жителей.

С этим братом получилось так, как это часто бывает. Если только у человека произошла истинная встреча с Богом, и он через Святого Духа получил свидетельство, что он дитя Божие, тогда он не может молчать, но начинает свидетельствовать. И тогда начинаются преследования.

В один из других вечеров в среду мы, человек тридцать, опять были у господина В. Мы ждали его, потому что он еще не

вернулся с работы. Его рота была расположена километрах в пятнадцати от Арнхема в Греббе-Берг, где позже произошли самые ужасные бои между голландцами и немцами. Вдруг он вошел со своей красивой военной выправкой и поздоровался со всеми крепким рукопожатием. Затем он подошел ко мне, обнял своей крепкой рукой, прижал к груди и сказал:

«Вот, дамы и господа: капитан В., голландский патриот и военный, а в его руках отец Янтцен антимилитарист и все же оба едины во Христе! Так, отец Янтцен, или нет?»

«Да», громко ответил я, чему все присутствующие удивились и спросили: «Как это возможно?»

Я ответил: «Я свидетель тому и сопережил то, что Святой Дух сделал из нашего дорогого капитана В. нового человека. С того момента он является радостным дитем Божиим, таким же, как и я. Поэтому мы едины во Христе, Который и его принял через возрождение, хотя он и военный. А кто я, чтобы оттолкнуть его? Павел учит нас в Рим. 15, 7: «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию». А что касается его военной деятельности, то я знаю, что он имеет в себе Святого Духа, Который введет его во всякую истину по Иоанна 16, 13, но в свое время.»

Вскоре после этого вечера капитан В. подъехал в своем автомобиле к моему дому и попросил меня поехать с ним в Греббе-Берг, чтобы говорить там к сослуживцам его роты и другим людям, а вечером еще особенно офицерам в казино. Я согласился и поехал с ним. Там я должен был жить с ним и делить с ним ужин, который приносили в сто комнату. Обедали мы вместе со всеми в большом зале. Перед обедом капитан вставал и все следовали за ним. Он громко благодарил Господа и просил Его благословения на пищу. Затем все селились и почти всегда молча обедали.

После обеда каждый солдат брал в руки Библию, которую капитан купил для каждого. Капитан вставал, предлагал определенный текст, говорил несколько слов и заканчивал молитвой. Затем раздавал служебные распоряжения и все расходились по своим рабочим местам.

Когда я стоял перед ротой и говорил им, все очень внимательно слушали. Среди солдат было много католиков, которые не знали, как обращаться с Библией. Вечером, когда я говорил еще в казино, некоторые солдаты, особенно католики, подходили ко мне, чтобы обсудить всевозможные духовные вопросы.

Так как Греббе-Берг был стратегически важным пунктом, здесь день и ночь тысячи людей строили траншеи и бункера. Это было в начале 1940 года, когда войска Гитлера все ближе подходили к границам Голландии. Никто не доверял уверениям Гитлера, что его войска никогда не войдут в Голландию, как он любил повторять по радио.

Капитан В. должен был руководить оборонными работами по заранее предписанному плану. Поэтому он много ездил, брал меня с собой и многое показывал. Я не переставал удивляться всему, что было построено и спросил его, удержит ли все это немцев. Он покачал головой и сказал: «Нет, они перелетят через все это и полетят дальше к Роттердаму, Ден Хаагу и до Северного моря. А в это время они расправятся с нами здесь. Это будет стоить многих человеческих жизней.»

Глава 28: Война в Голландии

Так как я 8 мая хотел быть в Альфене, то 7 мая вечером капитан привез меня домой. Альфен расположен приблизительно в ста километрах от Арнхема. Там я остановился у любимого брата Л. де Л., о котором я писал уже раньше. Часа в два ночи мы проснулись. Над нами пролетали сотни самолетов, громыхали пушки и падающие бомбы. Это была война!

Когда наступил день, мы увидели, как по городу проезжали тысячи немецких солдат, а со стороны Лейдена непрерывно гремели пушки. Вскоре мы увидели поднимающийся к небу черный дым. Горел Роттердам.

Я быстро побежал к вокзалу, чтобы уехать домой в Арnhem. Но билет мне не продали, потому что по всей стране поезда больше не ходили. На другой день я попытался телеграфировать жене но не получил ответа. Так как Альфен не был большим городом, здесь не было военного гарнизона и стреляли очень мало. От бомб было разрушено всего несколько домов. Но три дня здесь кишмя кишело от немецких солдат и танков.

Уже 14 мая Голландия сдалась.

Просидев в Альфене 20 дней я, наконец, смог отправиться домой и был там с большой

радостью встречен своими близкими. В Арнхеме не стреляли, но немцы держали город в осаде. Как и в России, здесь очень скоро стало активно действовать гестапо. Нужно было быть осторожным в разговорах.

Я очень старался связаться со своим любимым капитаном В., потому что слышал, что бой в Греббе-Берг длился четыре дня и четыре ночи. Мне сообщили, что он жив. Несколько недель позже я встретил его дома, но как он изменился и постарел! Он рассказал, как воевала его рота и все другие. Половину своих людей он потерял. Самым страшным было то, что после предложенного ими перемирия, на что голландцы согласились, они еще 35 человек заперли в сарае и подожгли. Там сгорели и его солдаты.

Его горе, отчаяние и шок были настолько сильны, что когда жена с большими усилиями нашла его, два дня он её не узнавал.

Когда мы остались вдвоем и сидели вместе на диване, я спросил его: «Скажите, дорогой брат В., война от Бога?»

«Нет», — ответил он своим командным голосом.

«От кого же она?» — спросил я опять.

«От дьявола!» — закричал он еще громче.

«Хорошо, а теперь скажите, может ли дитя Божие принимать в ней участие?»

«Нет!» — совершенно решительно воскликнул он. Тогда я подумал про себя: он спасен. Вскоре он распрощался и уехал в Гарлем, где я его позже навестил.

На этот период войны приходится еще один случай, заслуживающий внимания.

Это было в 1940 году. Арнхем был забит немецкими войсками. Евреи должны были носить на груди большую желтую звезду, и всем жителям было строго запрещено с ними общаться или укрывать их у себя. Гестапо день и ночь шпионило в городе. Никто не чувствовал себя уверенно, самый малейший донос грозил расстрелом.

Но наши библейские и молитвенные часы по понедельникам продолжались. Вечером город должен был быть полностью затемнен, ни в одном доме не должен был пробиваться и лучик света.

Однажды вечером к нам пришел молодой красивый еврей, лет тридцати. Он пришел вместе с другим евреем, который уже давно был обращен, крещен и многие годы принадлежал к нашей свободноцерковной общине. Без желтой звезды на груди они тихо пробрались по темным улицам до нашего дома. Мы жили на втором этаже. Внизу жила одна еврейская семья, очень хорошо к нам расположенная. Часто поздним вечером мы ходили к ним и говорили на основании 53 главы Исаии о Мессии Иисусе Христе. Дочь этой семьи открывала вечером дверь и пускала к нам посетителей. В тот вечер в понедельник она добровольно взяла на себя эту роль стража внешней двери, чтобы предупредить нас в случае опасности. Но нас никогда не тревожили. С того времени этот молодой еврей приходил регулярно каждый понедельник и, наконец, тоже познал Бога в своем сердце. Он получил свидетельство, что он дитя Божие, о чем говорил с большой радостью. Он желал больше изучать Библию, и притом, как можно чаще. Он сказал: «Я знаю, мы, евреи, здесь в Голландии все равно однажды все погибнем. Поэтому я чувствую свой долг свидетельствовать среди своего народа о Мессии Иисусе Христе, через Духа Которого я стал дитем Божиим, и притом до тех пор, пока меня не

уничтожат.»

Мое предупреждение, что это очень опасно ходить вечерами по улицам, не удержало его. Он все равно приходил.

Не помню уже, сколько недель все шло нормально. По призванию он был печатником. Его отцу принадлежала большая типография в Арнхеме. Преследование евреев все усиливалось. Многих по ночам забирали, и они исчезали навсегда. Их дома со всем имуществом конфисковывали.

В это время мой молодой еврейский брат принял крещение и с большой радостью засвидетельствовал своим родителям и другим евреям о том, что он приобрел в Мессии Иисусе Христе. Раньше его определенно изгнали бы из родительского дома и еврейской общины, но теперь, когда все находились в постоянной опасности, никто не решался идти против него; наоборот, все с удовольствием слушали, когда он говорил о своем счастье.

И все-таки это, наконец, произошло. В один вечер всю семью — родителей, детей и внуков, среди них и нашего молодого человека — забрали, а типографию со всем имуществом конфисковали.

Приблизительно год спустя всякими окольными путями из южной Польши до нас дошло письмо от нашего еврейского брата. Это было последнее сообщение от него. Что случилось с ним и его семьей, можно только предполагать.

После войны выяснилось, что из Голландии было вывезено 110 000 евреев, никогда не вернувшихся обратно.

С 1940 года от начала войны Голландия пять лет была под немецкой оккупацией. Все, что мы в это время пережили тяжелого, не стоит здесь описывать. Иногда бывало так ужасно, что я не хочу об этом писать. Господь — судья.

В связи с войной все мои поездки в Германию и другие страны полностью прекратились. Но и в Голландии я разъезжал очень мало. Наши еженедельные вечера разбора Библии и молитвенные часы мы могли проводить до сентября 1944 года. После этого одиннадцать дней, день и ночь без перерыва, продолжалась ужасная бомбардировка. Мы жили в центре города и каждый момент ожидали своего конца.

Во время одной передышки поступил строгий приказ немцев немедленно покинуть город. Брать с собой можно было не больше пяти килограммов. Все двери должны были остаться открытыми. Жители должны были оставить город в течение 4 часов.

Моя жена и я бежали в Вельп, в одно село километрах в шести от Арнхема. Улицы были черны от людей. И так как из Вельпа постоянно шли навстречу танки, которые обстреливались вражескими летчиками, то во время этого бегства очень многие погибли.

Через восемь дней мы должны были оставить и Вельп и были вывезены в расположенное в 25 км небольшое село Дезингхем.

Во время этого бегства у меня заболело сердце, и я слег. Но доктор Б. подлечил меня, и вскоре я опять мог встать. В том селе мы оставались до 26 февраля. Была очень холодная многоснежная зима. Ни дров, ни угля купить было невозможно, и почти никаких продуктов. По глубокому снегу моя жена и наша хозяйка, учительница, с которой мы были знакомы из Арнхема, ходили в лес и собирали дрова. Дезингхем тоже был оккупирован, и все было под

немецким командованием. Поэтому все жители должны были строить траншеи и заграждения. День и ночь вокруг нас были слышны взрывы бомб. Как часто сотрясался и наш дом!

Наверное, мы, как и многие другие, умерли бы в эту зиму с голоду, если бы я не был знаком со многими крестьянами из окружающих мест и деревень, которые тайно приносили нам хлеб, молоко, яйца, масло и другие продукты. В больших городах в эту зиму умерли тысячи людей. Но и в нашем селе бомбардировки стали учащаться. Дома рушились, и люди умирали под их обломками. 26 февраля нас ночью подняли с постелей. Приказано было оставить это место и бежать дальше на север в провинцию Фризланд.

С большими трудностями моей любимой сильной жене удалось устроить нас в крытом фургоне, потому что я был болен. На следующее утро мы приехали в Херренвен. Там мы облегченно вздохнули от спокойствия и тишины. Выстрелов больше не было слышно.

Здесь во Фрисландии я тоже знал многих людей со времен довоенных посещений, и так мы, наконец, нашли крышу над головой у одного дорогого верующего брата в селе Эттен. Он делился с нами всем, что имел, так что мы никогда не голодали. Господь также повел так, что мы каждое воскресенье утром могли проводить в доме собрания, где участвовали 20-25 человек.

Вскоре я опять настолько выздоровел, что мог принять приглашение одного домине говорить вечером в его церкви. Господь действовал в этом собрании мощно: одна душа искренне обратилась к Богу. Это было нечто, что очень удивило людей, потому что такого они в своих церквях не видели. Поэтому все с великим удивлением подняли глаза, когда эта душа после заключительной молитвы воскликнула: «Я погибла! Я погибла! О если бы я могла поговорить с вами!» Да, мы могли поговорить, и она нашла полный мир.

В Эттене мы оставались около полугода. Потом из Арнхема пришло сообщение, что мы можем вернуться в свою квартиру, в ней уже можно жить. И мы вернулись. Но как мы испугались, увидев свою квартиру! Все двери и окна были разбиты, крыша пробита, и через отверстие светило солнце. Только одна комната более-менее не протекала. Шкафы, комоды, письменный стол, все, что закрывалось, было взломано и пусто. Никаких постельных принадлежностей, стояли пустые кровати, два стола и несколько стульев. Водопровод не работал, не было света. Все было уничтожено, и все, абсолютно все, разграблено. От этого я снова заболел. Тогда нас на очень короткое время посетили наши дорогие спасители К. Ф. Классен и супруги П. Дик из Канады. Но у них было очень мало времени.

К моему великому сожалению, исчезла и моя любимая концертная цитра со всеми ее принадлежностями, моя старая, так прекрасно звучавшая цитра, сопровождавшая меня в моем чемодане во всех поездках по Европе, и которая не один вечер тихо, в полумраке вновь окрыляла своим чудным звучанием мое истекавшее кровью от многих ран сердце, и настраивала его на нужный лад! Для моих немзыкальных читателей это, может быть, звучит слишком сентиментально, не так ли? Что ж, пусть будет так.

Перед лицом всего этого хаоса в доме, опечаленный потерей многих любимых вещей, я написал письмо нашему другу де В., который давно уже приглашал нас переехать к нему. Он жил километрах в ста от Арнхема в Вилмсе. И любимый друг забрал нас с остатками скарба к себе. У этого доброго человека мы жили три года и три месяца, пока вблизи Хилверсума не нашлась подходящая квартира. Здесь я написал большую часть своих воспоминаний. Вокруг нас, конечно, немного одиноко, но мы живем в красивом лесу. Супруги де В. часто посещают нас, и прежде всего между нами остается духовный контакт.

Глава 29: Служение в послевоенные годы

Минутах в двадцати ходьбы от нас расположено красивое село, через которое проходила железная дорога, что облегчало нам общение с внешним миром. И другие друзья могли посещать нас. Вместе с тем я стал получать приглашения туда, где была нужда в духовном служении, и так у меня все время оставалась возможность употребить свое призвание к свидетельству.

Однажды местный пастор, домине Тер Л., прислал свой автомобиль и просил меня, если возможно, немедленно посетить его.

У него был сердечный приступ, и врач говорил о его приближающемся конце. Но то, что он хотел видеть меня сейчас, в этот критический момент своей жизни, меня очень удивило, ведь он знал, что я не принадлежу к церкви, но, как говорят здесь в Голландии, являюсь «пиратом». Я тут же сел в автомобиль и поехал. Его жена встретила меня и повела к постели, где он лежал без особых болей. Он обрадовался, что я так быстро приехал, и рассказал, что с ним произошло, и что сказал доктор. И теперь он должен был подумать, в чем же нуждается его душа. И так как он хорошо меня знал, то очень хотел меня видеть. Я спросил его: «Что я могу для вас сделать? Ведь вы сорок лет, как домине, проповедовали Слово Божие.»

«Да, все это хорошо и правильно! Но я вижу, что у меня совсем нет того контакта с Богом, как у вас. Я должен признаться, что за эти сорок лет я весь духовно истощился. А вы — нет, я это хорошо заметил. А ведь вы находитесь на служении тоже уже более сорока лет.»

«Домине, мне трудно ответить на ваши вопросы, потому что боюсь, что вы все равно меня не поймете. Потому что путь нашего становления был слишком различным. Вы учили в теологической школе составленную людьми теологию. Но теология означает знание о Боге, что для меня означает „знание“, полученное от Самого Бога. С самого начала, когда я по Божьей милости стал новым творением, я все, в чем нуждалась моя духовная жизнь, просил непосредственно от Него. И Он научил меня всему, в чем я нуждался и еще нуждаюсь. Но эта школа теологии далась мне в жизни очень тяжело, потому что расстояние между учеником или студентом и Богом, этим самым высшим Учителем, слишком велико. Как может это ничтожное, временное существо, человек, понять вечного Бога и Творца? Это совершенно невозможно. И когда я вхожу в тупик, то быстро беру свой старый учебник — Библию, Слово Божие. И там я нахожу Иоанна 16:13, где Господь Иисус Сам говорит, что Святой Дух наставит нас на всякую истину.»

Но как часто в своей жизни я должен был видеть, что не понимал Духа истины. И тогда я снова начинал искать в Библии. В послании Иакова 1:5 написано: „Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, и дастся ему.“ Я следовал этому совету и продолжаю следовать ему и сейчас, во всех областях жизни, а в духовной особенно. Если, например, меня просят говорить в какой-либо церкви, я сознаю, что совсем не знаком с людьми. И тогда я тихо в своем сердце говорю моему Учителю: «Господь, Ты знаешь, что мне предстоит. Я должен предстать перед общиной и не могу от этого отказаться. Но Ты знаешь, как я немощен и пуст. Поэтому я прошу Тебя, исполни меня Твоим Духом и говори Ты к этой общине и защити честь имени Твоего через воздействие Твоего Святого Духа на слушателей и используй для этого мои уста.»

И тогда, имея это доверие к Богу, я говорю не как наученный здесь на земле домине, но как свидетель Иисуса Христа о Нем, как я сам познавал Его в течение всей своей жизни на миссионерском поле деятельности и здесь в Западной Европе.

Дорогой домине, таким образом я везде, где служил словом, мог переживать славу Господа, проявляющуюся в действии Святого Духа на слушателей, как и на меня самого. Потому что каждый раз я снова познаю Его лично, а сам по себе я ничто, сухая, бесполезная трость. И тогда я вижу, что Бог слышит мою тихую молитву перед собранием, и через это Он становится для меня еще прекраснее. Мне непонятно, что Бог так часто открывается мне. Но чем дольше я это познаю, тем величественнее становится для меня мой Учитель, и тем ничтожнее я вижу себя. И несмотря на это Он слышит мои молитвы и удивительно ведет меня в моей человеческой жизни.»

На это домине ответил с глубоким вздохом: «Такого я, к сожалению, не знаю. Но охотно хотел бы познать.»

«Дорогой мой домине, я хотел бы рассказать вам примечательный случай, который, может быть, прольет свет на ваши вопросы.

Как вы знаете, мы с женой все еще значимся эвакуированными из Арнхема. Как таковые, мы получаем оттуда карточки на продукты, потому что числимся гражданами того города. У одного моего друга оттуда есть полномочие обеспечивать нас этими карточками. Он посылает их нам по почте. Это было в 1947 году, когда мы жили у нашего друга де В. Однажды мать сказала мне, что ей надо снова на шесть дней поехать в Ден Хааг, где живет наш сын с женой. Так она в одну среду поехала.

На следующий день, в четверг, пришло экстренное письмо от нашего друга в Арнхеме, где он писал: «Дорогой брат Янтцен, я пишу насчет карточек. Вышло новое распоряжение, чтобы каждый обладатель карточек для получения новых предоставил верхние полоски предыдущих карточек, иначе новые не выдаются. И тогда ему придется два месяца жить без карточек и голодать. Поэтому пришлите поскорее верхние купоны уже использованных карточек.»

Прочитав это, я спросил у нашей хозяйки, дома ли наши карточки или жена увезла их с собой, чтобы сразу использовать в Ден Хааге. Выяснилось, что жена забрала карточки с собой. Я заволновался. Наш дорогой хозяин пошел в контору позвонить нашему сыну Герману, чтобы мать немедленно вернулась с карточками. Но он вернулся ни с чем, потому что не мог дозвониться. Наступил вечер, и мое беспокойство все нарастало. Я совсем не мог уснуть, потому что говорил сам себе: если я не отошлю купоны завтра до десяти часов, тогда мы на два месяца останемся без карточек со всеми вытекающими последствиями. Я по старой привычке обратился к Господу и сказал: «Господь Иисус, Ты сказал в Евангелии от Иоанна 14:6, что Ты путь и истина и жизнь, а в 13 и 14 стихах Ты сказал: „Если чего попросите во имя Мое, то сделаю.“ И это Ты повторяешь дважды подряд. Поэтому я прошу Тебя, во имя Твое, верни домой мою жену с карточками завтра утром до десяти часов. Ведь Ты видишь, что без карточек мы не сможем прожить.»

И после этого я уснул. Вдруг кто-то подтолкнул меня в бок и чей-то голос спросил: «Ты еще спишь?»

Я открыл заспанные глаза и увидел перед собой жену. Удивленно поднявшись, я спросил: «Почему ты уже вернулась?» Она ответила: «Сама не могу точно сказать. Но вчера вечером у меня появилось сильное беспокойство, и все время внутри было побуждение: ты должна завтра утром первым поездом ехать домой.»

Так я и сделала, не зная зачем и почему.»

Я посмотрел на будильник, было половина десятого. Я быстро встал и оделся, объясняя при

этом жене, почему она должна была вернуться домой. Потом приготовил бумаги. В десять часов пришел почтальон и забрал письмо. Через несколько дней мы получили новые карточки. Это есть познание Бога, и об этом я должен свидетельствовать, потому что сам это пережил.» Домине был поражен и воскликнул: «Но это же сила, об этом должны услышать моя жена и золовка. Пожалуйста, позовите обоих женщин.»

И мне пришлось рассказать всю историю заново, и обе женщины тоже сказали: «Это действительно очень сильно.»

Я возразил: «Все это произошло в присутствии друга Дирка, его жены Нельс и моей жены. Они часто приезжают сюда, и вы можете у них спросить.»

После этого я еще помолился с ними, они поблагодарили меня за посещение и за свидетельство, и я уехал домой.

Это было, кажется, тоже в 1947 году, когда нас посетил главный секретарь бывшего Комитета Взаимопомощи России, господин Шт. Он реформатор, строго верующий человек. Незадолго до отъезда он сказал мне: «Дорогой брат Янтцен, у меня есть к вам очень серьезный вопрос. Мы, фанатичные реформаторы, как патриоты, стоим сегодня перед трудным вопросом: как христианин должен поступать с политическими преступниками, предателями страны, которые теперь, после многолетнего тюремного заключения, отпущены на свободу?»

Я ответил: «Дорогой мой Г., ведь это очень просто. Сперва мы должны установить, кто есть христианин. Ведь христианин — только тот, кто может отмечать два дня рождения в год, т.е. тот, кто действительно возрожден, как этого требует Евангелие от Иоанна. Насколько важно рождение свыше мы узнаем из повторяющегося „Истинно, истинно“ Господа Иисуса. Когда человек стал таким образом дитем Божиим, он имеет вечную жизнь, имеет причастие к Богу. С возрождением он получает Дух и натуру Отца, которая в сущности есть любовь, потому что Бог есть любовь.

Это практически проявил Его Сын Иисус Христос, когда был в Палестине. Он не чуждался общаться с политически обремененными и коллаборационистами, а ими были сборщики налогов, израильтяне, находившиеся на службе у римлян. Их тоже считали предателями. Но Господь Иисус не был политиком. Для Него имели значение души этих мытарей и грешников. Но именно этого не могли понять тогдашние домине, теологи и книжники, и, довольные сами собой, пасторы. Поэтому они привели Его, Который делал только добро, на Голгофский крест. И это из зависти. Они еще высмеивали и искушали Его, когда Он уже терпел неопишуемые муки на кресте. И что Он сказал? «Отец, прости им, ибо не знают, что творят!»

Это натура Бога, которая выше человеческой природы. Это была натура Иисуса Христа, Его помышление, о котором мы читаем во 2 главе Филиппийцам, где написано, чтобы мы «имели те же чувствования, что и Иисус Христос.» Кто имеет такие чувствования, тот знает, как обращаться с политически неблагоприятными.»

Мой гость задумчиво ходил по комнате взад и вперед, наконец остановился передо мной и сказал: «Если я через неделю приеду свой автомобиль, Вы приедете к нам, чтобы несколько вечеров говорить на эту тему с нашими членами реформаторской церкви? Я постараюсь устроить так, чтобы каждый вечер были другие слушатели, потому что мне это кажется очень важной и серьезной темой.»

Я принял приглашение, и в определенный день за мной приехали. Я проповедовал реформаторам четыре вечера и потом еще четыре вечера перед членами другой церкви. Но

этого было недостаточно, потому что меня попросили еще четыре вечера говорить перед лютеранами. Перед началом господин Шт. каждый раз делал введение вопросом: «Как должен христианин относиться к имеющим неблагоприятное политическое прошлое, освобожденным из мест заключения?»

И я всегда отвечал приведенным выше образом. После этого следовали возбужденные дебаты и высказывания, так что некоторые собрания продолжались до 23.00 часов вечера. Дебаты в первый вечер начал высокий офицер следующими словами:

«Господин Янтцен, судя по Вашему ответу, Вы антимилитарист, наверное, даже менонит. Но я тоже христианин и, как таковой, подчиняюсь властям на основании Рим. 13:1. Как голландский патриот, я до последнего бился у Греббе-Берга с «моффами» (ругательное название немцев). Вместе с царем Давидом, который был мужем по сердцу Божьему и тоже убил многих людей, я говорю: „Ненавижу ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаюсь восстающими на Тебя.“ Также я отношусь и к предателям и преступникам.»

Я ответил: «Тогда Вы не христианин, потому что Христос, Единородный Сын Божий, Который пришел на землю многие сотни лет после Давида, принес новую весть от Отца и запретил Своим ученикам брать в руки меч. Он сказал: „Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, от меча погибнут.“ (Мф. 26:52) Также в Мф. 5:44 Господь сказал: „Любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного.“»

Офицер возразил: «А как тогда понимать, что Гедеон, Саул, Давид и другие так много воевали по воле Божией, а теперь все иначе?»

«Израиль был и остается народом Божиим по Ветхому Завету и, как таковой, он получал приказания от Бога выполнять Его суверенные решения. Он должен был изгнать языческие народы из Ханаана и окрестностей. В Нагорной проповеди Сын Божий говорит: „Вы слышали, что сказано (древним): ‘люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего!’ А Я говорю вам, любите врагов ваших и т.д.“ Отсюда видно, что для ветхозаветного народа Божьего была другая заповедь, чем у новозаветного. Для новозаветного народа написано: „Вложи свой меч в ножны и люби своего врага.“»

На это офицер опять возразил: «Я также, как и наше христианское правительство, становлюсь на точку зрения Давида.»

Мой ответ был: «Называть себя христианином еще не означает быть дитем Божиим. Также, как Вы не стали иудеем, встав на точку зрения Давида. Потому что в Вас нет иудейской крови. Но если Вы хотите быть христианином, а для Вас имеет смысл только Ветхий Завет, тогда Христос напрасно умер за Вас, и потому Ваше будущее очень темно.»

Так закончился наш первый вечер. Внутренне я был очень огорчен, мне было грустно за этого человека и за большую духовную темноту в этой стране.

Все последующие одиннадцать вечеров прошли похоже. Каждый вечер присутствовало 30-35 человек, образованные, состоятельные люди, и дебаты проходили всегда в одной и той же форме, только группы менялись. Нет сомнения: здесь было много благочестивых, честных душ, но они все настолько захвачены старыми традициями, церковными догмами и формами, что вряд ли кто-либо сможет читать Библию без предубеждения. Один доминиканец, профессор, доктор теологии Д-р Г., сказал однажды: «Голландия — это страна еретиков, потому что каждый, кто имеет другое теологическое мнение, чем у меня, уже еретик. Мы должны быть очень

благодарны, что у нас свободомыслящее, считающее себя христианским правительство, которое охраняет нас от костров и терпимо относится ко всякой религии и всякому учению. В нашей маленькой стране с десятью миллионами жителей более ста различных направлений в небо. Чужой должен в нерешительности спросить: 'Какой же из этих путей мне избрать, чтобы попасть на небо? Ведь каждый утверждает, что его путь самый верный?'»

Но так как у нас в стране есть еще люди, не относящиеся ни к какой конфессии, с сильными духовно одаренными евангелистами, к которым относится и Армия спасения, то люди все еще приходят к покаянию. Но, насколько я знаю, они никогда не приходят в церковь.»

Все эти более ста направлений опираются на имя Иисуса Христа. Все имеют, как правило, Библию и все равно один не понимает другого. Каждое направление оседлало какую-либо одну «лошадку» — часть истины, и на ней скачет по стране, осуждая других. И так каждое направление спорит с другим, и каждый находит для этого основание в Библии.

Начало этой беды апостол Павел ощутил уже в Коринфе. В 1 Коринф. 3:3-4 Павел называет таковых «людьми обычного состояния» (по большинству), Лютер переводит это как «плотские». И никто не замечает, что всякое превозношение одной части истины является убивающим дух ядом. А венцом всего является самоудовлетворенность этой доброй христианско-этической воспитанностью, которая так хороша для семьи и государства. А ведь это вовсе не та вечная жизнь, о которой Иисус говорил Никодиму. Если же кто-то с убеждением говорит о внутреннем обладании вечной жизнью, это сразу же называют человеческим хвостовством.

У каждой церкви также есть свой синод, со своими теологическими совещаниями, где составляются догмы, не терпящие никакой критики. Эти догмы или вероучения стоят выше Библии. Хотя эти совещания сопровождаются молитвами, где также просят о руководстве Святого Духа, я все равно не знаю, как ко всему этому относиться. Подумать только: более ста направлений с таким же количеством синодов, и все работают «во имя Иисуса Христа», и все равно друг друга не понимают, но воют друг с другом?!

Это привело меня к убеждению, что Святой Дух как бы связывается всеми этими направлениями из-за их различных догм. Он не может руководить, потому что человеческое «лучшее знание» и правота не дают Ему право голоса. Отсюда и ужасная разорванность в христианстве!

Бог любви, явленный через Своего любимого Сына Иисуса Христа, который умер на кресте, чтобы всех соединить, не был понят! Иначе бы такого состояния не было.

В этой гостеприимной Голландии я теперь живу уже больше двадцати лет и полюбил эту страну и ее людей. Я принял участие во многих теологических и разных направлений веры конференциях. В церковных кругах я был и остаюсь непонятым чужаком, но в свободноцерковных общинах я чувствую себя дома. Там меня понимают. Здесь на высоте любовь Божия, потому что каждый познал Бога в своем собственном сердце и Его возрождающую силу. Здесь нет осознанной самоудовлетворенности, потому что, как дети Божии, все понимают, что они помилованные грешники, которые даже, имея различные мнения, с любовью принимают, несут и переносят друг друга.

Иначе обстоит дело в тех церквях, где общее состояние часто неразлично. Привязанный к установлениям и правилам своего синода, доmine выходит на кафедру с хорошо продуманной и записанной проповедью и преподносит эту проповедь. Часто она сильно начинена чужеродными словами, которых простые слушатели совсем не понимают, при этом она часто

украшена большим пафосом и соответствующими жестами, сопровождается красивым пением и органной музыкой. После этого община возвращается домой и не знает, что делать с услышанным. В конце концов удовлетворяются тем, что домине несколько раз назвал их братьями и сестрами, а значит они себя таковыми и считают. Ведь домине — учёный муж, он для этого учился, его слово имеет значение.

В последние пять лет, после того как мы бежали из Арнхема и жили в селе, я часто по воскресеньям ходил с народом в церковь. На обратном пути я хотел узнать у этих людей, что они лично получили сегодня утром для своей души. И почти всегда ответ был таким:

«Ах, господин Янтцен, я не могу Вам этого сказать, потому что домине так часто говорит непонятными словами, что их трудно понять. Мы каждое воскресенье ходим в церковь, потому что так положено, и наши родители нас этому учили. И если мы одно воскресенье пропустим, нам чего-то не хватает. Мы ведь христиане, и потому по воскресеньям должны быть в церкви.»

Тогда я шёл дальше и пытался простыми словами обратить их внимание на серьёзность жизни, а затем старался рассказать о возрождающей силе слова Божия через Святого Духа. Они с удовольствием слушали, но чаще всего не могли понять, о чём идёт речь.

Голландские сельчане — крестьяне, честный, доверчивый народ и очень религиозный. В каждом доме, где мы были, была Библия. Каждый раз после еды отец семейства берёт Библию и громко читает оттуда небольшой отрывок. Затем все складывают руки, и после тихой молитвы каждый принимается за свою работу. В некоторых семьях отец громко молится до и после еды.

Весь образ жизни этих людей показывает, что наши менониты происходят из этого народа и этой страны. В межцерковные и теологические споры крестьянин не вмешивается, и домине бывают рады, когда по воскресеньям церкви хорошо посещаются. Я тогда часто говорил: «Да, здесь всё же немного лучше, чем в России, где церкви разрушены и богослужения запрещены.»

В этой стране Бог всё же является авторитетом для большинства граждан. Здесь также много христианских школ и теологических высших учебных заведений, где готовят домине. Они хорошо изучают Библию и учатся хорошо проповедовать. В этих областях большинство домине достигли больших успехов. Но как было бы хорошо, если бы они ещё научились искусству свидетельствовать о вечной жизни, о которой Иисус Христос говорил Никодиму. Но этого не изучают в теологических школах, но только через Самого Бога и Его Святого Духа.

Как-то, ещё до войны, я был приглашён одним проповедником, который жил в Арнхеме неподалёку от нас. Я должен был посетить его, потому что к нему приехал молодой теолог, с которым он не знал, что делать. Я пошёл и встретил двух элегантно одетых мужчин в обычной для священников тяжёлой одежде. Вскоре я понял, в каком деле от меня ожидается совет. Обоим было лет по тридцать, и оба несколько лет изучали теологию. Но после долгого ожидания они всё ещё не получили места служения. Это их очень огорчало, и они хотели знать, что я думаю об их положении. Я сказал:

«Уважаемые господа, перед тем как дать ответ на ваш вопрос, я вначале хотел бы вас спросить: пошли ли вы учиться по призыву Господа? Позвал ли вас туда Святой Дух, потому что вы дети Божии?» Ответ я получил не сразу. Оба очень отчуждённо посмотрели на меня и, наконец, спросили, что я имею в виду. Я ответил: «Ведь мы читаем в Евангелии от Иоанна, как однажды ночью к Иисусу Христу пришёл Никодим и как Господь Иисус ему сказал: „Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.“ Для Господа Иисуса этот вопрос

настолько важен, что Он подкрепляет его двойным „Истинно, истинно“.

Почему я вас и спрашиваю: пережили ли вы возрождение через Святого Духа? Если да, то Он ещё употребит вас, как Своих свидетелей, потому что при расставании Господь Иисус сказал Своим ученикам: „И будете Мне свидетелями“. А то, что Иисус видел в священнике-домине того времени, Он ещё раз разъяснил и показал Никодиму.»

На это они удивлённо и растерянно спросили: «Откуда Вы, собственно? Вы явно не принадлежите ни к какой церкви, и всё равно Вы духовное лицо, хотя и не домине.» Тогда я коротко рассказал, где родился и жил, и как лично соприкоснулся с Богом. Потом продолжил: «И так Бог смилостивился надо мной ради Иисуса Христа и Духом Своим Святым сделал меня Своим дитем, чтобы как свидетель рассказывать об этом событии другим. Эта перемена стоила всего моего „я“, другими словами, меня самого. И теперь всё во мне утверждает и во всём руководит мной Святой Дух. Он же даёт мне силу исполнять Его волю. Но так как я всё ещё живу в этой своей временной, испорченной плоти, то очень часто, к сожалению, не могу ясно различать голос Святого Духа. И тогда я скольжу и падаю. А так как для Святого Духа любой, даже самый маленький грех, является инородным телом, то этот грех нужно немедленно убрать с пути. И он убирается, когда я признаю свою вину перед Богом и перед людьми, если я согрешил против людей. И Небесный Отец меня тогда прощает ради Иисуса, Который есть мой Ходатай. И тогда мир и радость снова наполняют моё сердце.

Вот, дорогие господа, это та перемена, на которую Господь указал Никодиму. Тогда всё становится новым, и греху уже нет больше места. Да, и тогда изливается в сердце любовь Божия, любовь к Богу и Его Сыну Иисусу Христу, нашему Ходатаю.

Что касается меня лично, я каждый день нахожусь в этой школе теологии и познаю, что эта моя плоть неисправима, и всё моё стремление направлено на то, чтобы понравиться только Ему, моему дорогому Спасителю, и не огорчать Его. Если же это не происходит, тогда мир оставляет меня, и я остаюсь вроде „безбожника“ во тьме, а это ужасно. Так как я в течение жизни всё больше познавал самого себя и увидел, насколько я безбожен и бессилён, что доставило мне немало горьких переживаний, я теперь упражняюсь в том, чему Господь Иисус учит нас: „Молитесь непрестанно“.

И тогда я по-своему духом говорю с Богом. Потому что, как только я перестаю читать, писать или с кем-либо беседовать, более того, не смотрю и не обращаюсь вверх, тогда снизу начинает говорить ад. И тогда я довольно быстро падаю, потому что устоять против силы ада не могу. Тогда я из одного страха впадаю в другой! Поэтому я стремлюсь к тому, чтобы всё время оставаться в контакте с Богом. Не для того, чтобы заработать себе рай добрыми делами или святой жизнью, но чтобы не огорчить моего Спасителя Иисуса Христа, Который искупил меня Своей драгоценной кровью. Поэтому я всё время стремлюсь быть поближе к Нему, через что я в течение многих лет часто познавал Его очень удивительным образом. Если всё это вам рассказать, потребуется много времени. Но я познал Его и теперь являюсь Его свидетелем. Поэтому хочу вам посоветовать, дорогие: позаботьтесь о том, чтобы действительно пережить в своём сердце стихи 12 и 13 из 1 главы Иоанна. Тогда вы каждый год сможете отмечать два дня рождения: один раз — естественного, когда вы родились от матери, а другой — когда вы через Святого Духа стали новым творением, Который даёт вашему сердцу свидетельство, что вы дети Божии по Римлянам 8:16. И если вы затем будете пребывать в Господе Иисусе, вы каждый день будете познавать Его заново во свидетельство вам самим и другим людям. А что касается мест вашего служения как домине, то можете спокойно предоставить это дело Господу. Он лучше знает, где вас употребить. Господь через Святого Духа делает Своё дело хорошо, даже если мы в своей человеческой ограниченности не всегда это понимаем. Чем реальнее мы общаемся с Богом, тем больше будем познавать и понимать, что Бог есть свет. В

этом свете мы сами становимся всё меньше, а Он становится для нас больше и славнее, и всё время даёт свет на нашем пути. И обилие Его благодати будет тогда таким огромным, что мы не найдём соответствующих слов благодарности. Так я познавал это в прошлом и продолжаю познавать сейчас.»

На этом я закончил нашу беседу. Молодые люди терпеливо выслушали меня, но это было им чуждо, они встали и сказали: «Такого мы не знаем.»

Мы распрощались, и я, к сожалению, больше никогда ничего о них не слышал.

Заключение

Дорогие мои читатели, за все эти годы, что я прожил на Западе, где я посетил много конференций и других встреч и познакомился со многими высокопоставленными и многоуважаемыми теологами, я пришел к тому, что люди недовольны Самим Господом Иисусом и Его учением. И тогда обращаются к таким мужам, как Лютер, Кальвин и многие другие, и ищут их мнения. Но Духа истины, о Котором Иисус говорит в Евангелии от Иоанна 16:13, не знают. Хотя теологи и доmine иногда говорят о Святом Духе, иногда об Иисусе, но они не знают Его!

Если посмотреть на всю разорванность и на все группы верующих, можно видеть, что в этой стране лишь немногие читают Библию без предубеждения. Не знаю, понимаете ли вы меня. От такого состояния я внутренне очень страдаю, потому что полюбил этот народ.

Но не только это доставляет мне боль. Когда я думаю о Востоке, о своих детях, внуках и многих родственниках, которые, может быть, уже все погибли, о тех народах, которые живут в хаотических обстоятельствах большевизма; когда я наблюдаю политическую разорванность народов, из которой человечество больше не знает выхода, тогда мое сердце почти разрывается, а душа день и ночь кричит вместе с автором этих строк:

«Господь Иисус, Тебя уж жду давно!

Приди, мне на земле здесь так темно.

Приди же, и если в том воля Твоя,

От этой земли забери Ты меня!»

Наверное, в наше время многие дети Божии думают так же, как и я. Я жил здесь на земле более 84 лет и прошел сквозь такие бури, что часто не знал никакого выхода. Но я пришел к концу, о котором один человек, который, видимо, переживал подобное, очень хорошо сказал:

«По разным дорогам мой посох спешил,

В долины глядел я с различных вершин;

Но лучше всех гор, что встречал, всех важней

Мне стал холм Голгофский всех выше, родней!

Он гордой главой не достиг облаков,

Щеку не подставил веянью ветров;
Но так близок к небу, так чужд сей земле
Я был только там, на Голгофском холме.
Туда поспеши, друг, усталый в пути,
Под ноги Спасителя сбрось все грехи;
И, мир обрета, возвести ты в народ,
Что путь к небесам через Голгофу идет».

Вот отражение моего земного странствования. Долгое, полное бурь путешествие совсем разрушило мое тело и сделало меня очень усталым. Последние мои спутники — это различные старческие немощи. Ноги отеки и не хотят ходить, слух слабеет, свет глаз темнеет, руки дрожат. Все это говорит мне о том, что время моего пребывания на земле заканчивается. Чем старше я становлюсь, тем более чуждой становится для меня земля, и у меня сильная тоска по небесной родине.

Скоро придет Господь, мой Спаситель, и отзовет меня домой в Отцовский дом, где сердце больше не будет страдать от горя. И греха там больше не будет. Но пока я еще здесь, мое служение, как свидетеля и душепопечителя, продолжается. Когда у меня еще была моя цитра, я часто пел песню о небесной отчизне Карла Герока:

«Хочу домой! Желаю в дом небесный,
Где сердце верное Отца.
От шума бурь, земных тревожных песен
Туда, в покой, где вечная весна!
Я вышел в мир, имея тьму мечтаний,
А возвращаюсь лишь с одной.
С надеждой проношу одно желанье:
Хочу домой, хочу домой!
Хочу домой! Я видел в снах блаженных
Отчизну чище, лучше всех;
Есть место мне в обителях нетленных, —
Здесь пристань не найти душе.
Пришла пора, душа раскрыла крылья,
Вверх, вверх над грешною землей!
И все силки земли пред ней бессильны:

Хочу домой, хочу домой!

Хочу домой! Спешит корабль в пристань,

Спешит речушка в море впасть,

Дитя у матери покоя ищет;

И плоть моя устала ждать.

Я песни пел и в радости, и в горе,

И радость, горе смыло, как волной.

Одна строфа осталась в сердце скорбном:

Хочу домой! Хочу домой!»

Дорогие читатели, это некоторые воспоминания из моей жизни. Вначале — без Бога, что еще сегодня приносит мне боль. Хотя Он простил мне все мои заблуждения, я все равно не могу забыть о своих своевольных путях. Потом я поделился с вами своей жизнью с Богом, как я Его познал, как Он удивительно пребывал со мною, водил меня и часто спасал так, что я даже не знаю, как Его за это благодарить. Что такое человеческие слова благодарности в сравнении с Его благодатью! Но так как Его благодать была намного выше всех моих грехов и отступлений, и у меня такой великий Господь и Спаситель, я уже здесь от всего сердца приношу Ему хвалу и поклонение, и это часто не в громких словах. Он знает и видит мое сердце. А настоящее славословие будет лишь там, из неописуемых святых уст. И этому я радуюсь!

Главные вехи в жизни Германа Янтцена

1866, 28 мая. Родился в Хансау, менонитском поселении на юге России (у Тракта на Волге).

1880. Переселение в Среднюю Азию.

1882. Обращение и крещение.

1883. Переводчик при дворе хивинского хана (семь лет).

1887. Вступил в брак.

1890. Переселение в Аули-Ату, Николайполь.

1891. Переезд в Орловку.

1892. Лесничий на государственной службе.

1895. Заговор в Аули-Ате.

1898. Мусульманское восстание в Андижане.

1910. Выход из государственной службы, миссионерское служение.

- 1911. Посещение Библейской школы в Берлине.
- 1913. Служение в общине Ак-Мечети.
- 1916. Восстание ямудов (туркменов) в Хиве, восстание киргизов и казахов.
- 1917. Русская революция, Янтцена выбирают делегатом в Советы.
- 1918. Смертный приговор, побег в горы.
- 1919. Тюрма.
- 1920. Поездка в Москву.
- 1922. Снова тюрма, смертный приговор.
- 1923. Освобождение, поездка в Германию.
- 1928. Смерть жены.
- 1929. Миссионерская поездка в Болгарию. Переезд в Голландию.
- 1931. Второй брак (с вдовой бывшего сотрудника Абрама Янтцена).
- 1959, 13 ноября. Умер в Хилверсуме, Голландия.

Послесловие

13 ноября 1959 года, в возрасте 93 лет, в Хилверсуме, Голландия, умер отец Герман Янтцен; уставший странник мог найти, наконец, покой у Иисуса. Еще незадолго до его смерти его жена писала в письме своей подруге: «Сегодня он мне сказал: „Я лежу, думаю и жду.“ — „О чем ты думаешь?“ — спросила я. „Я думаю о тех многих киргизах в Туркестане, все они тоже имеют живые души, и нет никого, кто указал бы им путь на Господа Иисуса.“»

В своей автобиографии Янтцен чаще всего употребляет понятие «киргизы», хотя понимает под этим и казахов. И поэтому в отдельных случаях неясно, какой из двух народов он имеет в виду. До революции эти народы тоже не очень различали друг друга в своём самосознании. В то время гораздо большую роль имело различие между «оседлыми» горожанами, крестьянами, ремесленниками, жителями сёл с одной стороны и гордыми свободными кочевыми народами с другой стороны, а также различие между всеми мусульманами и «неверующими» европейцами.

Янтцен говорил на четырёх среднеазиатских языках: узбекском, таджикском, казахском, киргизском (кроме русского, немецкого, менонитского «низконемецкого» диалекта и позже голландского). Благодаря своей юности, прежде всего редкому образованию при дворе хивинского хана, Герман Янтцен обладал важными предпосылками и получил знания и способности, которые были позже крайне полезны для его плодотворного миссионерского служения среди различных мусульманских народов Средней Азии. Не менее важным было и его понимание сущности дела, которое только в последние годы стало популярным среди профессиональных миссионеров. Речь идёт о принципах «надкультурного» общения.

Это касается вопроса, как сделать понятной благую весть людям другой культуры и других жизненных представлений, чтобы она была понята действительно без искажений. Хотя Янтцен и не был знаком с современной профессиональной терминологией, его практическая деятельность показывает, что он очень ясно осознал важность этого принципа и сумел передать его следующему поколению миссионеров среди мусульман в Болгарии. К сожалению, многие представления Янтцена, кажется, ушли в забвение. А речь идёт не о каком-то новом представлении. Уже апостол Павел хотел быть «для иудеев иудеем, а для эллинов эллином», чтобы как можно больше людей привести ко Христу. Дело касается готовности отложить собственную культуру, свои вкусы и привычки (например, манеру сидеть, кушать и одеваться), и принять привычки людей, которых хочешь привести ко Христу. При этом прежде всего нужно знать их язык, чтобы понять их образ мышления.

Внутренняя Азия — мусульманский Туркестан, буддистский Тибет и Монголия — это области и культуры, которые меньше всего соприкасались с Евангелием. (Буддизм в этом регионе имеет особую демоническую форму ламаистского буддизма, а ислам в Средней Азии исторически очень силён благодаря учителям суфизма, которые оказывали сильное оккультное влияние.) Тысячи лет эта область не соприкасалась с христианством. До русской революции Бухара со своими более чем сотней исламских высших школ (медресе) считалась всемирным оплотом фанатичного исламского фундаментализма. В XIX столетии, в великом веке всемирного миссионерства, Евангелие достигло Индии, Африки, Китая и южной части Тихого океана. Христиане, попавшие в Бухарский эмират, должны были рассчитывать на смерть или же их принуждали принять ислам и продавали в рабство.

Это стало одной из причин того, что Россия победила и аннексировала эти области. Но даже после столетнего «европейского» правления Туркестан, Тибет и Монголия (сердце Евразии) всё ещё образуют мощную «крепость», их культуры почти не были затронуты Евангелием, и культурные традиции этих народов представляют собой почти непреодолимый оплот против света Христа. Герман Янтцен был одним из первых, кто вообще проповедовал среди этих народов Евангелие. После более чем тысячелетнего упущения он действительно совершил прорыв. К сожалению, русская революция 1917 года положила этой работе скорый конец. После этого выросло почти два поколения людей, и никаких попыток миссионирования среди этих мусульман не предпринималось.

Сегодня в Советском Союзе живёт 56 миллионов мусульман — чуть меньше, чем в Индонезии, Пакистане, Индии и Бангладеш. Почти каждый пятый советский житель — мусульманин! И мусульманское население растёт ежегодно на 2,5–3,5 процента — самый большой прирост населения в мире.

В начале 1970-х годов некоторые русские и немецкие христиане Средней Азии (прежде всего немецкая молодёжь, которая лучше принималась мусульманами, чем русская) снова начали молиться и работать с целью достижения этих людей Евангелием. К сожалению, в настоящее время (весной 1988 года) мы видим, что многие из тех, кто мог бы достичь своих мусульманских соседей Евангелием, стремятся скорее утвердить своё национальное самосознание как немцы на Западе. В целом это, конечно, понятно.

Но действительно ли воля Божия в том, чтобы многие народы погибли без Евангелия? Неужели нет христиан, которые готовы идти по следам Янтцена, чтобы достичь сердец мусульман и получить их доверие? Ведь Янтцен доказал, что нет ничего невозможного в том, чтобы привести мусульман Средней Азии к Иисусу. Это действительно возможно, если человек готов принять от Святого Духа сердце, полное любви к этим людям. Молитесь, чтобы Господь и в наши дни призвал из христиан Средней Азии много новых сотрудников и последователей Германа Янтцена, чтобы многие мусульмане достигли познания истины в Иисусе Христе. Уже

есть очень маленькие группы христиан среди узбеков, таджиков, казахов, киргизов, каракалпаков и туркменов. Молитесь, чтобы Бог сохранил это малое количество верных Христу и чтобы их число умножилось, чтобы они стали действенными свидетелями среди своих народов. Молитесь за дело Божие в Средней Азии.

Христиан Шмидт

Примечания

Автобиография Германа Янтцена — это одновременно редкий документ истории и миссионерства. На этом основании были сохранены географические названия городов и мест того периода. Сегодня города имеют другие названия. Например, упоминались: Самара (сегодня Куйбышев); Аули-Ата (Джамбул); Верный (Алма-Ата); Пишпек (Фрунзе); Петро-Александровск (Кызыл-Орда); Ходжент (Ленинабад); Чаркент (Панфилов).

До революции казахов часто ошибочно называли киргизами, чтобы не спутать их с русскими казаками. Настоящие киргизы называются кара-киргизами («чёрные киргизы») из-за тёмного цвета кожи. В то время как кара-киргизы жили как кочевники и пастухи в горах, казахи — тоже кочевой и скотоводческий народ — преимущественно жили в степях. После революции казаки как народность исчезли, а казахи и киргизы получили свои первоначальные названия. Никто уже не мог спутать их с казаками.

Сартами называли говорящую на тюркском наречии смешанную группу народов Средней Азии. Ведь весь Туркестан вместе со степями Казахстана принадлежал во времена Дария, Кира, Есфири, Даниила, Неемии и других к Персидскому царству. Лишь с течением времени тюркское население этих областей поднялось и постепенно вытеснило иранское население, смешавшись с ним. Так таджикский язык, диалект персидского, доказывает иранское (персидское) происхождение этого народа. На языке же гордых кочевых народов казахов и киргизов слово «сарт» (желтая собака) обозначало презрительное название «горожане». Хотя европейцы применяли это слово, не вникая в его смысл, после революции его использование было запрещено. С того времени говорят об узбеках и таджиках.

Сегодня это, наверное, долина Шахрисабз — важнейший туристический центр Советского Союза.

Данные Янтцена об андижанском восстании не совсем соответствуют историческим фактам. Видимо, он передаёт первые, сильно преувеличенные слухи. Более трезвое историческое описание говорит, что Мохаммед Али Ишан из Минтубы (в русских источниках называемый ещё Мадали Ишан или Джукчи-Ишан — одна и та же личность, что и Израел-Хан-Тур-Ишан), который был суфи-шейхом (т.е. предводителем братства дервишей) ордена Накшбандия, ночью 18 мая 1898 года с 600 своих приверженцев пошёл на священную войну против неверных. По пути число фанатичных мусульман выросло почти до двух тысяч. Вооружённые саблями и пиками, они напали на русский гарнизон в Андижане. Сообщение о том, что была убита целая рота русских солдат, преувеличено. Фактически было убито «только» 20 солдат (а вовсе не весь город!) и ещё 19 ранены, после чего Ишан с последователями был обращён в бегство, а в конце концов арестован. И всё же это событие вызвало в российской администрации настоящий шок, потому что это было не стихийное восстание, а запланированный заговор мусульман против русских.

По некоторым малодостоверным источникам, завывсившим цифры, во время восстания и его подавления российской армией было убито 673 000 мусульман, 300 000 бежали в Китайский

Туркестан, а 168 000 были сосланы в Сибирь. 347 предводителей восстания ещё в марте 1917 года были осуждены Временным революционным правительством. По масштабам и целям это восстание во времена Первой мировой войны фактически стало вторым фронтом и одновременно началом падения царского режима в Туркестане. Фактическое падение царского режима произошло несколько позже, в феврале 1917 года (Баймирза Хаит. Туркестан в сердце Евразии. Кёльн, 1980, стр. 94).

М.С.С. — Менонитский центральный комитет — всемирная организация, выполняющая практическую помощь при стихийных бедствиях, вспышках голода, появлении беженцев и других несчастных случаях.

Počet shlédnutí: 3131

From:
<https://www.hks.re/wiki/> - **Hospodářská a kulturní studia (HKS)**

Permanent link:
https://www.hks.re/wiki/v_dalekem_turkestanu

Last update: **08/07/2025 21:09**

